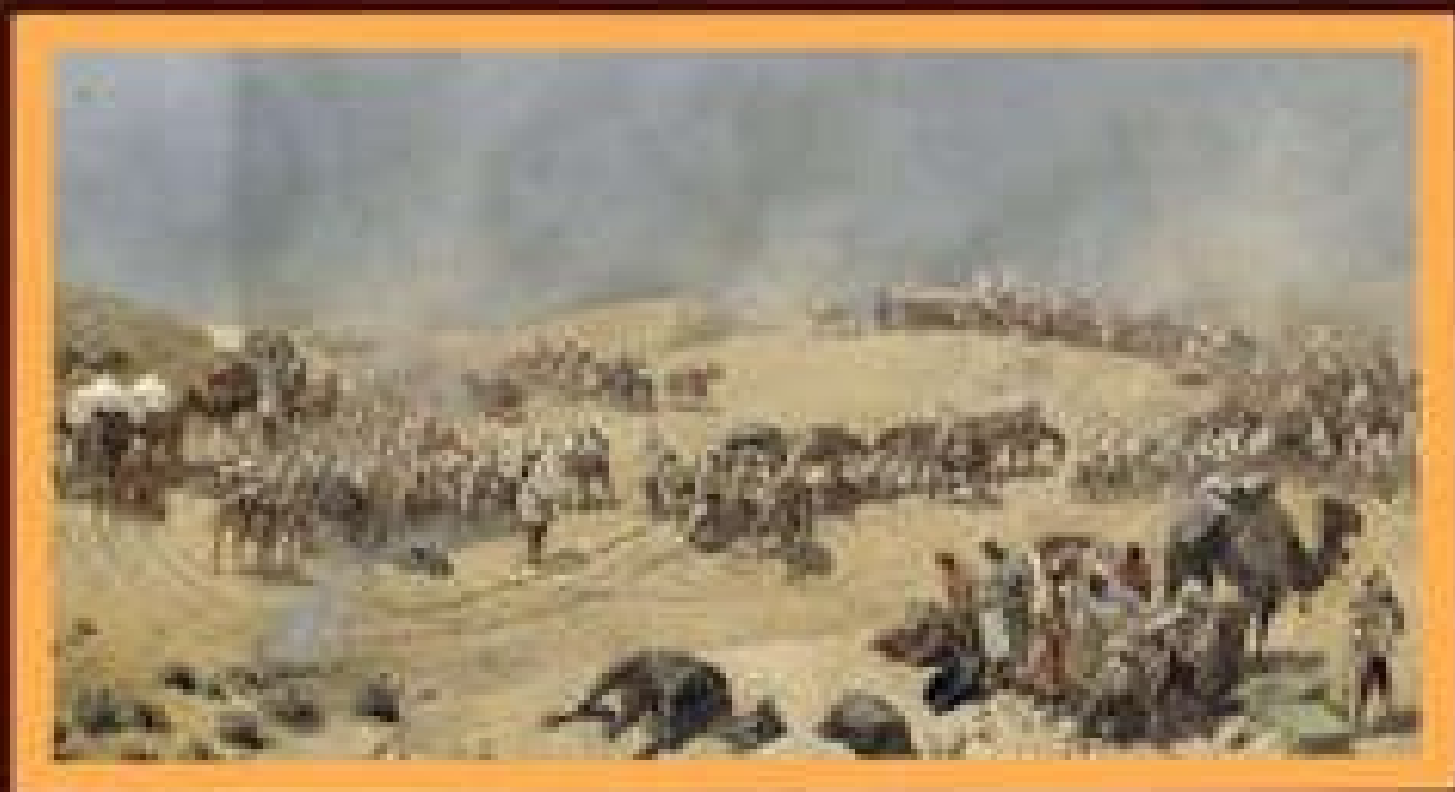

Скальдъ

Черный гусар
Большая игра

Вторая книга серии «Черный гусар», повествующая о жизни и приключениях Михаила Соколова и его кавалерийского полка Александрийских гусар, так же известных, как гусары Смерти.

Основные события разворачиваются перед подготовкой и во время самого похода 1873 г. русской армии против Хивы.

ГГ действует без «надрыва» и спешки. Его решения и поступки укладываются в логику эпохи, а так называемое прогрессорство гармонично вписывается в реалии Российской Империи. Исторические персонажи.

Глава 1

«Ведя игру, убедись, не ты ли пешка в чужой игре», так написал Козьма Прутков. Мысль его мне очень понравилась. Правда, обещанной Шауфусом игры я поначалу никак не ощущал.

Термин «Большая игра» был придуман каким-то английским офицером и начал входить в обиход, начиная с 60-х годов 19 века. Под собой он подразумевал геополитическое соперничество между Россией и Англией за господство в Южной и Центральной Азии.

Россия стремилась на юг ради нескольких целей, таких, как желание обезопасить границы, умиротворить Среднюю Азию, получить доступ к новым товарам и их рынкам сбыта. Среди этих товаров особое место занимал хлопок — страна испытывала в нем острую потребность.

В свою очередь, Британия щепетильно относилась к любым, даже малейшим намекам на приближение к границам принадлежавшей им Индии. Сами англичане обожали при всяком удобном и неудобном случае залезать куда нужно и не нужно, но в отношении прочих держав воспринимали аналогичную политику крайне болезненно. Тем более, если под угрозой попадала такая колониальная жемчужина, как Индия.

Граф Карл Васильевич Нессельроде, занимающий пост канцлера до Горчакова, предложил название «Война Теней», имея в виду, что дело никогда не доходило до прямого военного столкновения двух держав.

Россия занимала пятое или шестое место в мире по экономике и отставала от являющейся лидером Великобритании примерно в десять раз. Многие русские политики желали сократить этот разрыв. И в их расчётах внушительную роль занимала Большая Игра.

После разговора с полковником Шауфусом я рассчитывал, что меня вовлекут в активную работу. В голове крутились картины из прошлой жизни — различные тайные операции, проникновение в чужие дома с целью кражи важных документов, активная вербовка вражеских агентов, перестрелки, шантаж. В общем, что-то в подобном духе.

Все оказалось не так. По крайней мере, прямо сейчас. В Ташкенте, Самарканде и Бухаре находилось несколько англичан, выдающих себя за купцов и торговцев. Они и были ими — для прикрытия. Между тем, русским офицерам рекомендовалось просто приглядывать за иностранцами, докладывая о чем-то подозрительном в их поведении командиру полка или генералу Головачеву.

Три недели прошли относительно спокойно. Я заново обживался в Ташкенте, поселившись на съёмной квартире с Андреем Некрасовым. В один из дней мы отправились на базар, где я приобрел нового коня. Прежнего, Шмеля, пришлось отдать Андрею перед поступлением в Академию. Друг от коня успел избавиться, так как тот постарел и начал сдавать.

В Средней Азии имелось несколько замечательных пород, прежде всего арабские скакуны и текинцы, которых так же называли ахал-текинцами и туркменскими лошадьми. Они замечательно приспособились к сухому жаркому климату, умели переносить жажду, хорошо показывали себя на коротких галопах на пределе скорости и выдерживали длительные изнурительные походы. Так же они не были требовательны ни к количеству еды, ни к ее качеству.

Я купил прекрасного вороного жеребца и дал ему имя Хартум. Его шерсть лоснилась и

казалась шелковистой. В крупных, как яблоки, глазах, мерцали золотистые искорки. Густая грива и хвост добавляли солидности и вместе с тем какой-то легкости, словно стихия ветра воплотилась в теле животного.

— Клянусь жизнью любимой жены, сам великий Аллах не отказался бы сидеть в седле такого скакуна! — заверил меня на базаре местный продавец-мусульманин.

Думаю, в чем-то он был прав. По крайней мере, цена в четыреста шестьдесят рублей не выглядела слишком уж большой. Хартум стоил каждой потраченной на него копейки. Еще одну лошадь мне вновь выделил полк. Ей стала Жужа — понятливая и в целом вполне достойная кобыла, но до Хартума ей было далеко.

Я написал два письма — родителям и Кате Крицкой, рассказывая, что добрался хорошо, чувствую себя еще лучше, и вообще, жить можно и в Азии, хоть здесь и печет, как на сковородке. Забавно, но все указывало на то, что я стал автором выражения «жарко, как в Ташкенте».

И все же оказалось, что полковник Шауфус слов на ветер не бросал, и меня привлекли к участию в Большой игре. В середине марта я был вызван к генералу Головачеву.

С Николаем Никитичем я был знаком давно и искренне считал его человеком высоких нравственных принципов. К тому же, он храбро воевал и прекрасно ладил с солдатами, офицерами и гражданскими. В общем, располагая такими людьми, как он и Кауфман, Россия могла чувствовать себя в Азии вполне уверенно.

— Итак, Михаил Сергеевич, ситуация с Хивинским ханством с каждым месяцем становится все более сложной. В нынешнем году войны не будет, да и в следующем вряд ли мы возьмемся за ружья. Но Россия должна подготовиться к неизбежному, — высокий и широкоплечий генерал, с длинными бакенбардами и открытым приятным лицом обошелся без долгих прелюдий и сразу же поставил задачу. — Вместе с генерал-губернатором фон Кауфманом мы решили собрать сведения обо всех возможных путях подхода к Хиве. В течение этого года в разные стороны будет отправлено несколько отрядов. Возможно, я лично возглавлю один из них. Вам же предписывается в кратчайшие сроки добраться до Красноводска и поступить под непосредственное командование штабс-ротмистра Скобелева. Он поставит вам задачу на месте, но в целом вы должны будете пройти караванными тропами, занести на карту все обнаруженные колодцы и сделать вывод о возможности прохождения войска от Красноводска к озеру Сарыкамыш. Вам все понятно?

— Так точно! — и хоть у меня имелись некоторые вопросы, задавать я их не стал. Генерал человек занятой. Найдутся те, кто все объяснит более подробно и детально.

Так и оказалось. Вначале со мной провел короткий инструктаж полковник Оффенберг. В целом, он лишь еще раз подтвердил сказанное Головачевым и в детали не вдавался. Да и вообще, его куда сильнее заботило, чтобы я проявил себя «соответственно».

— Вы будете представлять Александрийских гусар. Я рассчитываю, что вы покажете наш полк с наиболее выгодной стороны, — сказал он, пожимая мне на прощание руку. — Впрочем, как и всегда. Иначе я бы вас не рекомендовал.

А вот полковник Шауфус дал более конкретные приказы.

— Колодцы и тропы дело очень важное и полезное. Этим вы и займетесь, Михаил Сергеевич, — он подозвал меня к карте. — Но у вас будет и еще одно задание — разведке нужны верные и надежные люди среди туркмен. Нам желательно выяснить, что они думают и о чем говорят, желательно составить представление об их войске и то, какое влияние на них оказывают присланные Британией советники. К нашей досаде, Россия мало

что знает о Хиве. Вы меня поняли?

Мы долго беседовали с ним в тот день. Покидая кабинет, я поймал себя на мысли, что предстоящее задание действительно начинается чем-то походит на Большую Игру, а Шауфус постарается сделать из меня настоящего разведчика.

Меня провожали все офицеры, что на тот момент находились в Ташкенте. Второй эскадрон Черных гусар во главе с ротмистром Пасториным для солидности перевели в Самарканд и временно подчинили генералу Абрамову. А на его место в Джизак поставили резервный эскадрон из Чимкента, под командованием Бурмистрова. Три наших подразделения продолжали оставаться в Ташкенте, а последнее — в Туркестане.

И хотя мое задание не подразумевало долгого отсутствия, друзья и товарищи устроили веселую пирушку, поднимая тосты за мое здоровье и скорейшее возвращение «со щитом», как выразился подполковник Тельнов.

— Ждем тебя обратно, Мишель! — порядочно подвыпивший Некрасов обнял меня и долго изливал душу, рассказывая, как теперь здесь станет скучно. — А выглядишь ты достойно, как и положено. В гусаре, Мишель, все должно быть прекрасно! Погоны, полковой знак, кокарда, сабля и даже исподнее. Иначе это и не гусар вовсе, а так, млекопитающее.

В путь двинулись вдвоем со Снегиревым.

— Так что, Архип, рад вновь оказаться в седле? — поинтересовался я, когда душистые сады Ташкента остались за спиной. Под копытами коней стелился разбитый тракт. Есть выражение, что в России две беды — дураки и дороги. Может оно и так, но состояние местных путей раньше вообще казалось крайне плачевным. Они лишь сейчас, при Кауфмане, начали приобретать нормальный вид.

Хартума я решил тяжелым походом не нагружать, приказав оседлать Жужу. Застоявшаяся в конюшне кобыла чувствовала себя хорошо, а от избытка сил время от времени косилась на меня, пытаясь всячески намекнуть, что пора бы уже и рысью две-три версты пройтись.

— Куда вы, туда и я, вашблагородие, — ответил денщик. Как и я, он был облачен в форму летнего образца. Её специально пошили для местного климата из более тонкого сукна и окрасили в светло-бежевые тона. Плечи гусара украшал так называемый плечевой шнурок. Стандартные армейские погоны гусары носили лишь на шинелях. На форме их заменяли витые шнуры, в цвет полка. У нас они были серебристо-белые. На них размещались муфточки, именуемые гомбочками. Их число соответствовало пехотным басонам — так назывались лычки. Два басона или гомбочки у гусар обозначали, что их владелец является младшим унтер-офицером, третьим, после рядового и ефрейтора, званием нижних чинов. За минувшие годы Снегирь неизменно находился рядом и успел десятки раз доказать свою честность и надежность. Так что и я старался ему всячески помогать. И по моему последнему ходатайству ему присвоили это звание.

Архип сидел на коне, а к седлу привязал еще одну лошадь, несущую палатку, запас провианта, одежду, боеприпасы и разные мелочи. В специальной кобуре Снегирев держал карабин Бердана — им уже успели перевооружить наш полк. К моему немалому удивлению, гусар показывал в обращении с ним удивительную меткость. Даже странно, но прежняя винтовка Крнка в его руках смотрелась не очень грозно, а вот изделие американского полковника попало, что называется, «в жилу».

Еще в Ташкенте, понимая, что талант парня надо развивать и хороший стрелок всегда окажется полезным, я на личные деньги купил три сотни патронов. Осваивая оружие,

Снегирь с большим азартом и немалой пользой их расстрелял. И с карабином чуть ли не сроднился.

Переночевав в Чимкенте, тронулись дальше. В Туркестане стоял шестой резервный эскадрон под командованием ротмистра Вышневецкого Романа Адамовича, и я с удовольствием воспользовались гостеприимством боеготововарища и его подчиненных. Вообще, на мой взгляд, им крупно не повезло. В отличие от так называемых «строевых» эскадронов, резервные участия в боях принимали нечасто. Мелкие и редкие стычки с отдельными разбойничьими отрядами, вот и все, что выпало на их долю в Азии. И им наверняка было чертовски скучно.

Хотя, с другой стороны, не все же любят рисковать жизнью. Тем более, товарищам шло усиленное военное довольствие, да и выслуга в чинах на войне короче. Так что может не так уж и плохо им живется.

— Рассказывай уже, как нашему полку служится в Ташкенте? Как здоровье барона Оффенберга? Как поживает генерал-губернатор? Какие последние новости? — скучающие товарищи засыпали меня градом вопросов.

Во время ужина, который они для меня устроили, я, как мог, утолил их любопытство, а утром тронулся дальше.

В дороге у меня оказалось много свободного времени. Раз за разом я обдумывал предстоящую встречу с будущим Белым генералом Скобелевым. В новой жизни судьба свела меня со многими интересными и необычными людьми. Некоторые из них обладали или еще будут обладать внушительными историческими достижениями. Но фигура Скобелева в моих глазах почему-то стояла отдельно от прочих.

Слишком уж необычным казался Белый генерал. Он вспыхнул, как сверхновая звезда, осветив на краткий промежуток времени чуть ли не всю Европу и Азию, а затем так же быстро погас. Кто приложил руку к его смерти? Была ли она вполне естественной или в генерале увидели опасную фигуру, которую решили устранить? Могло быть и так, и эдак. И если в самой России во многих сферах еще царили патриархальные и немного рыцарские времена, то наши политические «друзья» из Англии, Франции и Германии уже начали избавляться от подобных предрассудков и пережитков прошлого. Так что они вполне могли помочь Михаилу Дмитриевичу отправиться на тот свет в самом рассвете сил.

А между тем в Азии буйствовала весна. Барханы покрылись зеленью, воздух казался таким чистым и душистым, что им можно было часами дышать и не надыхаться. Над головой раскинулось бескрайнее голубое небо с редкими пятнышками белых облаков. Природа расцвела и выглядела великолепно. Правда, все это великолепие заканчивалось за три, иногда четыре недели. Приходило жаркое и суровое лето, все выгорало, а зелень на барханах уступала место унылым пескам Каракумов. Черные пески и прозвали так именно потому, что погибшие растения приобретали мрачные черные оттенки, а безжизненные корни напоминали ядовитых змей.

Весна переживала самое буйное время. Но уже приближались шесть долгих месяцев сухого и жаркого лета. И того, что оно несло — палящее солнце, забивающей глотку пыли, постоянную нехватку воды, апатию, солнечные удары.

Верст за сто до Казалинска я поймал себя на мысли, что если память не изменяет, то именно здесь, в этих местах в известной мне истории построили космодром Байконур.

Казалинск встретил нас шумно. Ревели верблюды и ишаки, слышалась брань ямщиков и ругань киргизов, свистели мальчишки. Гам стоял оглушительный. Непосвященному в

восточный менталитет человеку могло показаться, что война с Хивой началась раньше времени, несмотря на заверения генерала Головачева.

Как вскоре выяснилось, все оказалось прозаично — перед небольшими городскими воротами встретились два каравана, один выходил из маленького городка, другой заходил. Уступать никто не хотел. Началась склока. Киргизы, татары и узбеки орали друг на друга с остервенением, проклиная и призывая на головы «сынов гиены и шакала» всевозможные кары.

— Живут же люди, спаси Господи! — не то с уважением, не то с порицанием заметил Снегирев, перекрестившись.

— А ну, дорогу! — я привстал на стременах и возвысил голос.

На меня оглянулись, форму узнали. Недовольные погонщики принялись разводить животных в разные стороны. Минуту назад они ненавидели и были готовы поубивать друг друга, но теперь именно мы с Архипом стали фокусом их гнева. Слышались приглушенные ругательства. Впрочем, никто не решился встретить мой взгляд и что-то сказать в лицо. Напротив, все прятали глаза и опускали головы. Так вышло, что гусар Смерти в Азии уважали. Мы внесли свой вклад в истории и уже сейчас оставили после себя долгую память. Связываться с нами боялись. Я выпрямился в седле, принимая смелый и независимый вид, и медленно проехал сквозь живое человеческое море.

Сначала мы двигались по улицам городка, застроенными маленькими домиками. Часть выглядела как местные постройки, но остальные вполне уместно смотрелись бы и где-нибудь под Рязанью. У каждого строения имелся двор. Его размер и находящаяся там живность свидетельствовала о достатке семьи. В воздухе колыхалась и оседала на одежду желтовато-бурая пыль. На возвышении стояло несколько ветряных мельниц. Лопасты медленно скрипели, издавая тоскливый и скорбный звук.

Миновав местный базар, который по сравнению с Бухарским или Самаркандским представлял жалкое зрелище, мы насквозь прошли площадь и подъехали к воротам форта.

— Здравия желаю, ваше благородие! — отдал честь часовой. Он стоял у открытых ворот в выгоревшей гимнастерке, красно-коричневых шароварах и начищенных сапогах. На форменную кепи был натянут белый полотняный чехол, с накидкой, прикрывающей шею. Его рука сжимала винтовку Крнка со штыком — сюда, да еще и в не самый престижный полк, Берданки пока не дошли. Это нас, гусар Смерти, одними из первых перевооружили. А у большинства армейских подразделений таких высоких покровителей, как наследник или члены царской семьи, не имелось.

На звук из караулки вышло еще два солдата и унтер-офицер. Он-то и выделил сопровождающего, который проводил нас до домика коменданта. Хотя, проводник особо и не требовался. Я и сам еще не забыл, как проезжал через Казалинск совсем недавно, да и затеряться здесь, среди трех дюжин строений, выглядело тяжелой задачей.

— А я вас помню, — руку мне пожал невысокий и крепкий полковник с совершенно седыми волосами и усами. Звали его Голов Андрей Степанович. — Вы не так давно посещали нас... А вот теперь назад-с. С чем пожаловали? Какой у вас приказ?

Я вручил ему предписание, подписанное генералом Головачевым. Через час нас с Архипом уже устроили со всем возможным комфортом. Снегирев посетил мыльню для нижних чинов, а я сходил в офицерскую баню. Там и парилка имелась. Надо полагать, что зимой она выглядела крайне полезной, тем более можно было и на снег выйти. А вот летом, в сорокоградусную жару, особого удовольствия парилка не доставляла.

Двое суток я отсыпался, пил чай из самовара под вишневое варенье и ждал, когда смогу продолжить путь. Наконец, пароход «Арал» закончил проводить какой-то мелкий ремонт, загрузил необходимое количество угля и подготовился к отплытию.

Сам пароход оказался хоть и маленьким, но зато современным. Его изготовили в 1862 г. в Ливерпуле и сюда доставили в разобранном виде на верблюдах. Вооружен он был двумя 10-ти фунтовыми орудиями, установленными на американских станках.

Все эти детали мне любезно рассказал командир судна, после того, как мы попали на борт вместе с лошадьми и всеми своими вещами. Коней устроили в специальном загоне на корме.

Командир «Арала» заинтересовал меня куда сильнее, чем его судно. Дело в том, что им оказался Крузенштерн Павел Павлович.

— А что вы на меня так смотрите? — от подтянутого капитан-лейтенанта не укралось мое удивление. В этом году ему исполнялось тридцать семь лет, но выглядел он старше. По цвету лица и ранним морщинам становилось ясно, что капитан успел хлебнуть в жизни лиха.

— Да вот думаю, кем вы приходитеесь Ивану Федоровичу?*

— Внуком, — он расслабился и открыто, с немалой гордостью, улыбнулся. Я его прекрасно понимал, таким дедом можно и гордиться. — Впрочем, у меня и батюшка вице-адмирал, исследователь и ученый, лауреат Демидовской премии. Не доводилось встречаться?

— Нет, — я покачал головой. Воистину, как же много вокруг интересных людей. — Так что, получается, вы представитель крепкой и славной морской традиции?

— Выходит, что так. Пройдемте, позвольте показать вашу каюту.

Первый день «Арал» весело бежал по Сырдарье. Вдоль берегов росли деревья и кустарники. Здесь, у реки жизнь буквально кипела. Сотни видов рыб, птиц и диких животных чувствовали себя как в раю. Фазаны и тигры служили желаемой добычей для любого охотника. Но вода казалась всего лишь тонкой ниточкой в жаркой пустыне, которую окружали прокаленные солнцем песочные барханы.

Команда на пароходе оказалась небольшой, но дружной. Крузенштерна они почитали за Господа Бога и слушались его не только с уважением, но и с немалой любовью. А корабельный кок угостил нас такой ухой из осетра, что и словами не передать. Да еще и черной икрой потчевал.

До того момента мне казалось, что нет службы лучше, чем быть гусаром. Тем более, Бессмертным. Но плаванье на парходике подтолкнуло к мысли, что и у моряков имеются свои плюсы. Естественно, до кавалерии им далеко, но и в плаваньях присутствует доля романтики.

Мы с Крузенштерном если и не подружились, то неплохо сошлись. Он рассказывал мне истории об участии в экспедициях по Карскому морю, как их судно «Ермак» чуть не зажали два айсберга, открылась течь, и они едва не отправились на дно кормить крабов, как он выразился. Еще там были рассказы о белых медведях, цинге, не проходящей месяцами усталости, слепоте от яркого солнца и о дрейфе на льдине в открытом океане.

На фантазера Крузенштерн не походил, но его красочные описания временами казались откровенной выдумкой. Как человек может вынести подобные тяготы и выжить? При чем сам капитан вспоминал их с веселой улыбкой, как нечто несерьезное и обыденное. На память о тяжелых походах у него, если что и осталось, так ревматизм и подорванное здоровье. Кроме северного духа свободы и наград, естественно. Все это ненавязчиво напоминало

рассказы Джека Лондона.

В свою очередь и я не остался в долгу, вспомнив, как гусары Смерти воевали в Азии и чего успели добиться. Странно, но я считал образцом героизма именно его судьбу и карьеру, а он думал ровно наоборот.

— Эх, жаль, меня с вами не было, — раз за разом пристукивал он ладонью, слушая мой весьма вольный пересказ сражения на Зерабулакских высотах и пленение эмира Музаффера.

Арал оказался красивым морем. Синим, бескрайним и ласковым. Под звуки губной гармошки Архипа мы прошли мимо Сурата в устье Сырдарьи, миновали острова Барс-кильмас, Николай и добрались до западного берега, бросив якорь в небольшом укрепленном поселке Ак-булак. Вокруг него на сотни верст раскинулись пустыня и безрадостный берег.

Здесь проходили караванные тропы, место считалось относительно спокойным. Дальше к югу имелся шанс встретиться с дикими туркменами. Их еще называли йомуды. Наверняка слово как-то связано с другим понятием — номадами, т. е. кочевниками.

Морской и спокойный путь закончился. К югу находилось Хивинское ханство, проводившее грубую и агрессивную политику по отношению к чужакам. Хивой их называли русские и прочие европейцы. Сами себя они величали гордым и некогда грозным именем Хорезм. Непосредственно перед завоеванием Чингисхана Хорезм считался сильнейшей и богатейшей державой, достигнув наивысшей мощи. Его территория включала весь восточный и южный берег Каспия, большую часть Ирана, Азербайджан, выходила южной границей к Аравийскому морю, простерла свою власть на Афганистан и доходила до Казахстана и Индии.

Направиться к Красноводску прямой дорогой я не мог. Следовало двигаться на северо-запад, к форту Александровский, расположенному на Мангышлакском полуострове в Каспийском море. И уже оттуда, вновь на пароходе, плыть на юг до Красноводска.

— Караванные пути опасны, Михаил Сергеевич, — докладывал мне хорунжий Оренбургского войска Петр Выстегин, после того, как мы с ним познакомились. Именно он, вместе с десятком казаков охранял в Ак-булаке условную границу. Кажется, от одиночества и тоски люди здесь зверели. Появление «Арала» и новых лиц они восприняли как манну небесную.

— Опасность прекрасно осознаю, но у меня есть четкие указания. Так что следует идти дальше, — возразил я Выстегину.

— Оно понятно, приказ есть приказ. Что ж, поможем, чем можем.

Сутки я провел в Ак-булаке, приходя в себя после морской качки и знакомясь с положением дел. Крузенштерн собирался взять отпуск и подлечить пошатнувшееся здоровье. Я пожелал ему доброго здравия и на прощанье пожал крепкую руку славного моряка. Он уплыл на север Арала, развозя различные грузы по русским укреплениям, а нас ждал долгий и небезопасный переход к форту Александровскому.

Хорунжий Выстегин проявил бурную деятельность и приказал всему своему маленькому отряду садиться в седло. Увидев возможность немного проводить гостей, заодно проведя очередной обход границы и развеять скуку, Петр оживился. Его ребята охраняли нас на протяжении суток, подготавливая к тяготам пути. А потом мы с ними попрощались и дальше отправились втроем: я, Снегирь и туркмен по имени Бяшим. Он стал нашим проводником.

— Бяшим йомуд сообразительный, хоть и плутоватый, — напутствовал меня Выстегин. — Держите его в сухом теле, Михаил Сергеевич, и не давайте шельмовать. И все

будет хорошо, да-с.

— Не предаст он нас хивинцам? — поинтересовался я.

— Нет, не должен. Он проверенный, несколько раз водил людей по пескам. Ничего плохого за ним не заметили.

Рекомендации оказались не слишком впечатляющие, но им пришлось поверить.

Бяшин выглядел колоритно — высокий, худой, в бараньей шапке, халате и сапогах с загнутыми мысами, он больше походил ни на местных азиатов, а на европейцев. Это если не брать во внимание загар, цвет лица и манеры. Он не расставался со старым ружьем, носил за поясом кинжал и в целом оказался веселым человеком. Ему бы еще помыться основательно, и тогда он вообще бы стал первым молодцом во всех здешних песках.

Выполняя задание полковника Шауфуса, я несколько раз заводил с ним разговор о Хиве, ее хане и отношении хивинцев к русским.

— Хорезм себе на уме. Не любят здесь урусов. И никогда не полюбят. Но хивинцы никого не любят. Ни армян, ни персов, ни афганцев, ни бухарцев или киргиз, ни турок. Да и себя они не любят, только сильную руку признают. Боятся гордого и смелого. Станешь таким, будешь уважаем в Хорезме, — примерно так, коверкая русские и узбекские слова, говорил наш проводник. Регулярной армии у Хивы практически не было, но зато туркмены, представляющие самую воинственную часть страны, никогда не слезали с седла и постоянно искали, где бы кого ограбить.

Начался долгий и неспешный путь. Провиант у нас имелся в избытке, кони отдохнули, да и колодцев хватало. Вода в них часто была солоноватая и невкусная, но она давала главное — возможность выжить в этих песках.

Сначала двигались по барханам на северо-запад, до колодца Борча-Тюли и крошечного укрепленного пункта Кайгина. Охраняли его уральские казаки. В таких местах мы отдыхали, восстанавливали силы и шли дальше. Колодцы с колоритными названиями, такие как Джаркудук, Джида-кудук, Кос-кулад, Танке, Черкошь, Учъ-гез, Чукрик, Тальчик и Сагд-кудук если и оставили какие-то впечатления, то лишь как точки на карте. Все они походили один на другой так, что глазу было не за что зацепиться. Да и устал я под палящим солнцем порядочно, мне все казалось одинаково унылым и серым и когда, наконец, добрались до Каспия и форта Александровского, вздохнул с немалым облегчением.

Форт Александровский на полуострове Мангышлак оказался совсем небольшим и группировался вокруг пристани, заваленной многочисленными грузами. Бочки, тюки, сундуки, горшки, ковры, сети, повозки — чего здесь только не было. Но больше всего почему-то оказалось верблюжьих и лошадиных седел. Очевидно, недавно сюда с Оренбурга пришел большой караван с подобным грузом.

Неподалеку строили опреснитель. Как сказал воинский начальник форта майор Зеленин Егор Николаевич, отсутствие пресной воды являлось одним из главных недостатков города. Поселение окружали пологие холмы. Основная жизнь происходила у большого двухэтажного строения с балконами. Дом служил резиденцией начальника закаспийского отдела. Перед крыльцом стояли деревянные будки, в которых прятались от жары часовые. Рядом располагалась маленькая церквушка и домики местных чиновников. Кругом виднелись юрты. Собственно, даже главная улица города носила имя Кибиточной.

Нас временно разместили в кирпичных казармах, окруженной высокой стеной с бойницами. Говоря откровенно, город и гарнизон постоянно находились перед угрозой возможных неприятностей от местных туркмен, и зорко следили за всем происходящим.

Здесь мы прожили три дня, дожидаясь попутного парохода до Красноводска.

Майор Зеленин устроил мне небольшую экскурсию. Оказалось, что он не только толковый офицер, но и первоклассный топограф, принимающий участие в Среднеазиатских походах и состоящий в армейской разведке. В частности, именно для разведки, с риском для жизни он рисовал карты местных земель. А еще он начал писать записки о том, как русские покоряли Среднюю Азию.

Три дня прошли быстро. Наш проводник Бяшин остался в форте, дожидаясь, когда его услуги понадобятся кому-то другому. Кони восстановили силы. Вместе с ними мы поднялись на борт «Светлого», небольшого гражданского парохода, который с завидной периодичностью совершал рейсы от Астрахани до Ирана вдоль восточного побережья Каспия.

Начался последний, весьма короткий, переход до точки назначения.

Иван Федорович Крузенштерн* — адмирал и мореплаватель, совершивший в 1803–1806 г. первое русское кругосветное плавание.

Штабс-ротмистр Михаил Скобелев, среднего роста, хорошо сложенный, стремительный в движениях и безрассудно храбрый как в бою, так и в обычной жизни, искренне сокрушался лишь о том, что Создатель вложил в него такое качество, как суеверие.

Он перепробовал много способов, пытаясь избавиться от анахронизма, но не преуспел. Тем более, сама жизнь раз за разом подтверждала, что в мире есть что-то еще, помимо всем известного и понятного. Есть какая-то мистическая неопределенность. Тайна. Что-то, что нельзя потрогать руками и взвесить на весах, но что незримо присутствует в судьбе каждого человека.

Как-то раз цыганка предсказала ему, что пока он будет сидеть на белом коне, его не убьют. Ранят, может, контузят, но не убьют. Он, тогда молодой поручик, лишь посмеялся и дал цыганке рубль.

Но затем, выполняя задание по уточнению карт в районе финско-шведской границы*, потерял дорогу. А места там гиблые, болотистые. Ему представлялось, что надо ехать в одну сторону, а лошадь, к слову, белая, упорно тянула в противоположную. Наконец он смирился, положился на волю Божию и на коня, которому позволил выбирать дорогу и спустя три часа вернулся в расположение полка.

Два года назад, участвуя с казаками в одном из разведывательных рейдов, он велел оседлать гнедого скакуна. И чуть тогда не погиб, заблудившись в песках. Конь от жары и жажды пал. Нашли его, когда он уже и не думал о спасении. С тех пор Михаил Скобелев дал себе зарок — пользоваться только конями белой масти.

Вот и сейчас, находясь на маленьком плаце Красноводской крепости, Скобелев с немалым удовольствием осматривал Пегаса — прекрасного белого скакуна, купленного на присланные отцом деньги.

— Конь и в самом деле хорош, — негромко заметил полковник Николай Григорьевич Столетов, командир Красноводского отряда. Гладко выбритый, с роскошными усами, он каждое утро устраивал в своем маленьком доме завтрак для офицеров форта. А после завтрака, пользуясь спокойным временем и отсутствием зноя, обычно совершал обход крепости. Сейчас он с неподдельным искренним удовольствием любовался Пегасом, посасывая трубочку с душистым табаком. Рядом находился адъютант Голубев и еще несколько офицеров.

— Но вот вопрос, господа, как такой конь покажет себя в местных песках? — поинтересовался худой, с желтоватым лицом майор Рокош.

— Прекрасно себя покажет, — невольно повысив голос, ответил Скобелев. Вопрос товарища ему не понравился, тот явно ставил под сомнения достоинства скакуна. — Я хоть сейчас готов проверить его в деле.

— Вот дождетесь штабс-ротмистра Соколова, тогда и проверите, — миролюбиво заверил полковник Столетов.

— Только он что-то задерживается, — едко улыбнулся Голубев. — Да-с, не торопитесь, видать.

Красноводск основали два года назад. Он был расположен в полукруглой долине, со всех сторон окруженной красновато-желтыми горами. Они казались безжизненными и суровыми, практически лишены хоть какой-либо растительности. Жгучие лучи южного

солнца и каменистый грунт при полном отсутствии воды не давали возможности развести здесь хоть какую-то зелень.

На западе и юге, в бухте, нестерпимо искрилось Каспийское море. В те дни, когда ветер утихал, а солнце закрывали тучи, оно становилось неподвижным, будто мертвым.

Красноводск не нравился Скобелеву. Да и что могло ему нравиться в такой дыре? На будущее имелись планы построить здесь опреснитель для воды, заложить полноценный порт, возвести церковь, здание городской управы, привезти землю для сквера и посадить деревья. Возможно тогда, если и люди сюда приедут, Красноводск обретет внешний вид, позволяющий назвать его городом. Хотя торговцы, по большей части персы и армяне, уже активно здесь развернулись, открывая лавки и магазины, налаживая ловлю рыбы и прокладывая караванные тропы к Оренбургу, Бухаре, Ташкенту, и на юг, в Иран.

А пока же он был маленькой крепостью с небольшим гарнизоном. Скобелев командовал здесь кавалерией. Слишком громкое название для того, у кого в подчинении находилось всего четыре десятка лохматых уральских казаков.

Полуденный зной тяжким грузом придавил Красноводск. Все попрятались в тени, пережидая зной. И как раз в это время к причалу подошел пароход «Светлый». Он-то и доставил запоздавшего штабс-ротмистра.

Так как им предстояло совместное дело, Скобелева пригласили в кабинет Столетова, где уже собрались офицеры, и он стал невольным свидетелем рапорта Соколова.

Соколов оказался подтянутым и синеглазым, с открытым загоревшим лицом и твердой складкой губ. Держался он со всем известной гусарской лихостью, вел себя вежливо, но с немалым достоинством. Скобелев, который и сам начинал службу гусаром в Гродненском полку, испытывал к гостю двоякие чувства. С одной стороны — офицерское и боевое братство. Еще находясь в Ташкенте, Скобелев много общался с Бессмертными гусарами. Тогда познакомиться им не удалось, но в полку часто вспоминали Соколова, который отправился учиться в Академию. Эта деталь так же их роднила — сам Скобелев окончил ее в 1868 г. Но одновременно с этим, он испытывал и нешуточное раздражение. Слишком уж долго Соколов добирался, слишком много времени оказалось потрачено впустую. В разведку следовало отправиться еще десять суток назад. Сдерживая недовольство, Скобелев молча слушал рапорт прибывшего офицера

— Почему столь долго добирались? — поинтересовался Столетов, бегло осматривая предоставленные Соколовым бумаги, подписанные генералом Головачевым. — Мы ждали вас раньше.

— Добрался, как мог, господин полковник. Как только генерал Головачев отдал соответствующий приказ, я незамедлительно выехал из Ташкента. Казалинска достиг в семь дней. Двое суток ожидал парохода и трое занял переход по Сырдарье и Аралу. Еще неделя потребовалась, чтобы добраться до форта Александровска. Там трое суток ждал подходящего судна, и вот я здесь. Извините, но вашего недовольства не понимаю, задержек в пути я себе не позволял, — Соколов говорил смело, глаз не опускал и всем видом показывал, что подобных претензий принимать не собирается.

Его независимый вид понравился не всем. Майор Рокош многозначительно кашлянул.

— Я, если чем и недоволен, то лишь досадной задержкой. С каждым днем становится все жарче, вы упустили наиболее благоприятное время. Впрочем, ничего страшного, полагаю, не случилось, — Столетов побарабанил пальцами по столу, вздохнул и неожиданно улыбнулся. Скобелев знал, что полковник человек не злой, отличающийся справедливостью

и заботой не только об офицерах, но и об нижних чинах. Он, если и повышал на кого голос, то в исключительных обстоятельствах. — Обращайтесь ко мне по имени-отчеству, Михаил Сергеевич. Мы рады, что вы на время прикомандированы к Красноводскому отряду. Позвольте представить ваших новых товарищей.

Соколов пожал руку заместителю Столетова, подполковнику Букову, майору Рокош, а затем повернулся к Скобелеву.

— Штабс-ротмистр Скобелев, — Михаилу показалось, что Александрийский гусар смотрит на него как-то странно, не так, как на остальных. Во взгляде гостя читалось не только откровенное любопытство, но и несомненная симпатия. Странно, откуда она могла появиться? Ведь ранее они друг другу представлены не были.

— Штабс-ротмистр Соколов, — рукопожатие у прибывшего гостя оказалось крепким.

Офицеры обменялись несколькими полагающимися в подобных случаях фразами о здоровье, последних столичных новостях и положении дел в Ташкенте. Все же там, в центре, при генерал-губернаторе Кауфмане, происходило все самое значимое в их крае.

— Ну-с, перейдем к вашему заданию, господа, — подполковник Буков внимательно оглядел Скобелева и Соколова, взял линейку и провел ей по карте, обращая внимание собравшихся на ряд мест. Карта, несмотря на все усилия военных топографов, все еще имела несколько белых пятен. Русские примерно понимали, что находится в таких «пятнах», но знания эти нуждались в основательной проверке. — Командование требует от нас проверить маршрут движения к озеру Сарыкамьш. До него порядка пятисот верст. Как вы себя чувствуете, Михаил Сергеевич? Готовы выступить?

— Готов выступить немедленно, — заверил Соколов. — Признаюсь, несмотря на качку, на пароходе я прекрасно выпался.

— Немедленно не надо. И завтра не стоит, смысла торопиться уже нет, — Столетов бросил взгляд в окно. — Вам, Михаил Сергеевич, все же надобно отдохнуть с дороги, сходить в баню, акклиматизироваться, так сказать. А штабс-ротмистр Скобелев введет вас в специфику местного положения дел.

— Слушаюсь, Николай Григорьевич, — отрапортовал Соколов.

Началось обсуждение предстоящего разведывательного рейда. Офицеры изучали карту, делали пометки, высчитывая время нахождения в пути, прикидывали вероятные риски. Задание не казалось особенно опасным, вопросы вызывала лишь последняя часть маршрута. От Сарыкамьша до Хивы насчитывалось менее двухсот верст. Именно там, в окрестностях озера, встреча с враждебно настроенными туркменами казалась вполне вероятной.

Незаметно прошел час. В кабинете стало душно, открытые настежь окна практически не давали свежего воздуха.

— Кажется, все необходимые моменты мы прояснили, — подавая знак, полковник Столетов поднялся на ноги. — А я вас больше не задерживаю, господа, можете отдыхать. Вечером приглашаю всех присутствующих на ужин в офицерский клуб.

Полковник часто смотрел на мир с изрядной долей жизнерадостности. Клуба в Красноводске пока не было, имелось лишь скромное одноэтажное здание, в котором они и собирались.

— Нам предстоит важное и не самое простое дело, — офицеры покинули кабинет. Взглянув на палящее солнце, Скобелев вытер со лба пот и надел фуражку. — Предлагаю обойтись без лишних формальностей и обращаться друг к другу по имени.

— Согласен, — спокойно кивнул Соколов и неожиданно улыбнулся. — Тем более, мы

же тезки. Папиросу? — из внутреннего кармана он достал тяжелый золотой портсигар и с солидным щелчком открыл крышку.

Скобелев папиросу взял и размял табак пальцами. Глядя на дорожную вещицу, он лениво подумал, склонен ли стоящий перед ним офицер к хвастовству. Вроде бы нет, на «фазана»* новый знакомый не походил, но такие портсигары покупали себе те, кто хотел пустить пыль в глаза.

Весь следующий день Скобелев вводил нового товарища в курс дела и разъяснял детали предстоящей операции. Они долго изучали карты и советовались, как лучше выполнить задание. Соколов оказался человеком бывалым, успевшим повоевать в Азии, он ходил по горам и пескам, и потому разжевывать ему ничего не требовалось. Гусар все схватывал с первого взгляда.

Форт Красноводск они покинули на второй день, построившись на плацу для последнего инструктажа в четыре часа утра. Кони ржали и беспокойно переступали, предчувствуя грядущие тяжелые испытания.

— Не буду тратить время, говоря банальные вещи. Все уже сказано, и вы знаете, что делать. Я рассчитываю на вас, господа, — их провожал полковник Столетов, его заместитель, адъютант и еще несколько офицеров. Скобелев по привычке их запомнил — в его глазах дела говорили куда больше, чем слова. Если человек решил пожертвовать парой часов сна, но проводить тебя в опасную рекогносцировку, значит, такой человек тебя уважает. — Действуйте по обстоятельствам. С Богом!

В воздухе еще чувствовалась прохлада, а на небе медленно гасли звезды. Донеслось кукареканье петуха.

В путь отправились вдесятером. Сам Скобелев, как командир их небольшого отряда, денщик Сидор Горохов, Соколов, сопровождающий его гусар Архип Снегирев, три казака и три туркмена-проводника. Каждый сидел на лошади. Кроме того, четыре свободных коня везли офицерскую палатку, запасы воды, провианта и боеприпасов, чай, сахар, 4 пуда сухарей, 5 пудов джугура*, котелок, кожаные ведра на длинных веревках и всякую мелочь, включая термометры, хронометры, компас, линейки, карты и писчие принадлежности.

Первые версты дорога шла по знакомым местам, огибая горы. Медленно рассветало. Скобелев надел в поход белый мундир, а на Соколове красовалась летняя серо-белая форма Бессмертных гусар. Оба офицера вооружились саблями и револьверами системы Смит и Вессон, казаки имели шашки и карабины Крнка, Горохов знал как управляться с игольчатой однозарядной винтовкой Карле, а Снегирев держал пику и щеголял карабином Бердана.

— Архип стреляет недурно, — вскользь заметил Соколов, перехватив изучающий взгляд Скобелева. — Раньше звезд с неба он не ловил, но как только нас вооружили новым карабином, проявил себя настоящим стрелком.

— Будем надеяться, Михаил, что воевать нам не придется, — Скобелев нахмурился. Он и сам был не прочь проверить и себя и нового товарища в деле, вот только не за этим их отправили. Схватка хоть и могла доказать их лихость, так же могла поставить крест на всем задании.

Поначалу тракт тянулся вдоль северного берега Красноводского залива. Проводники выдвинулись далеко вперед, казаки, Горохов и Снегирев немного отстали, вполголоса лясничая* обо всем подряд. Соколов непринужденно сидел в седле и осматривался по сторонам. Вокруг расстилались горы и выгоревшие холмы. Ветер закручивал маленькие пылевые смерчи. Лишь редкие путники на арбах или ишаках добавляли хоть какой-то

интерес.

— Смотреть здесь особо нечего, — негромко заметил Скобелев. — Лишь горы, да песок, вот и все развлечения. Тьфу-ты, — он невольно выругался, когда дорогу впереди торопливо перебежал шакал, поджав хвост и пригнув голову.

— В приметы веришь? — удивился Соколов.

— Немного. Я бы и рад не верить, да они меня постоянно преследует. Куда ни приеду, в любой местности, не поверишь, судьба знак дает. В Польше, в Радковицком лесу пролетел надо мной ворон и каркнул, да так насмешливо, словно что-то знает. Не прошло и часа, пожалуйста, жаркое дело. Мы тогда прижали к реке отряд Михая Шемиота, они сражались как черти, и сдаваться не торопились. Нам несладко пришлось, а я ранен оказался.

Скобелев промолчал, что за то дело он получил свою первую награду — Аннинское оружие. Разведчики разговорились о всяких военных приметах и случаях. Затем перешли на интересные сражения.

— Ты еще не женат? — поинтересовался Соколов. В Красноводске он такие личные вопросы не задавал.

— Нет. В этом деле торопиться не хочу, — Скобелев не стал откровенничать, рассказывая о своих амурных похождениях. Женщины его любили, он пользовался у них успехом, но сам он свою любовь пока не нашел. — А ты женился?

— И я нет, — Соколов покачал головой. Как водится, поговорив о женщинах, разговор перекинулся на лошадей. Новый товарищ с одобрением высказался о Пегасе.

— Славный конь, как я погляжу, — оценил он. — У меня тоже есть неплохой текинец, но я оставил его в Ташкенте. Решил, что не стоит утомлять долгим переходом.

— Ну и зря. Конь для того и нужен, чтобы всегда рядом находиться. Чего его жалеть? У меня их уже больше дюжины разных перебивало.

Через некоторое время выяснилось, что Соколов неплохо знает английский язык и хорошо разбирается в восточных наречьях, особенно в фарси. Сам Скобелев превосходно владел французским, он вообще часто ставил в пример эту страну и восхищался личностью императора Наполеона.

— Время французов прошло безвозвратно, — Соколов усмехнулся. — Все, выдохся народ. Сдулись лягушатники. Немцы недавно взяли Париж* и показали, кто теперь играет первую скрипку в Европе. Они вот-вот заключат, если еще не заключили, мирный договор. Франция, скорее всего, потеряет Эльзас и Лотарингию.

— Военные неудачи являются вполне обыденным явлениям. Через три-четыре года Франция возьмет реванш, — Скобелеву не понравилось, как новый товарищ высказывается о французах и он невольно нахмурился. Да и слово «лягушатники» неприятно резануло слух.

— Нет, не возьмет, — возразил Соколов. Начался спор, в ходе которого Скобелев незаметно увлекся и они чуть не поругались.

— Ты командир нашего отряда и я вынужден с тобой согласиться, — с неповторимой язвительностью сдался Соколов. — Если ты считаешь, что Франция еще способна удивить мир, то так оно и есть. Кто я такой, чтобы спорить с командиром?

— Ну, знаешь ли... Твои слова звучат как насмешка, а насмешек я не потерплю, — Скобелев неприязненно посмотрел на товарища и подстегнув Пегаса, демонстративно выдвинулся вперед.

И все же он промолчал, сумел сдержать раздражение. Скобелев знал, что быстро вспыхивает и так же быстро остывает. С этим он ничего поделать не мог, как и с верой в

приметы. Но все же, язвительный и самоуверенный Соколов был не прав, французы являлись тем народом, с кого стоило брать пример!

Минут тридцать отряд двигался в молчании. Казаки старательно делали вид, что ничего не слышали, а проводники свои мысли держали при себе. Да и кто бы стал их слушать? Остывший Скобелев понял, что они едва не зашли слишком далеко. То, что Соколову нравилась Германия, стало очевидно, но это не должно было стать причиной их размолвки. Сам он немцев недолюбливал. Дело в том, что в детстве отец нанял для его воспитания деспотичного и педантичного учителя-немца. Тот вел себя безжалостно, грубо и как-то раз унизил Михаила перед соседской девочкой. Тогда-то он и возненавидел своего воспитателя, наделив его нелицеприятными качествами подавляющее большинство остальных немцев.

Умом Скобелев понимал, что нельзя судить по одному человеку обо всей нации, но поделаться с собой ничего не мог. Так что он продолжал недолюбливать и немцев, и Германию в целом.

Минут через десять, когда Скобелев полностью простил Соколова и задумался, как бы половчее вновь наладить отношения, тот сам догнал его и пристроив коня рядом, негромко заметил.

— Думаю, мы оба погорячились. Приношу свои извинения.

— Принимается. А я приношу свои, — Скобелев наклонил голову, в душе радуясь, что так все закончилось. Он не боялся ссор и не тушевался, когда приходилось говорить людям правду в лицо, даже тем, кто занимал более высокие чины, просто отчетливо понимал, что с подобным поведением друзей у него не добавится. Их и так насчитывалось немного, видит Бог. — В сущности, все равно, кто играет в Европе первую скрипку. Для России важны именно ее интересы. Они на первом месте.

— А вот тут я с тобой согласен полностью. Англия, Франция или Германия при любой возможности готовы начать против нас войну. Немцы лишь более прямолинейны, меньше склонны к изменам, вот и всё, да и то, лишь на мой взгляд. На самом деле, у России лишь два истинных союзника, армия и флот.

— Bravo! Сильное выражение, я запомню. Но все же, союзники у нас имеются. Не Балканах много славян-православных. Болгары наши исторические друзья. Вот кого стоит учитывать и на кого есть смысл рассчитывать. Если балканские земли войдут в состав России, то она станет поистине непобедимой.

— Не думаю, что так все просто. Те же болгары лишь ждут от русских помощи, а когда получают независимость, тут же поблагодарят и вежливо попросят убраться домой.

— Такого не будет! — с жаром воскликнул Скобелем. Он и сам не заметил, как они втянулись в новый спор.

— А мне кажется, что именно так все и сложится. Там лишь сербов можно назвать порядочными людьми, остальные желают загрести угли чужими руками.

Скобелев так расстроился подобным «холодным и деловым» как он посчитал отношением к этим вопросам, что замкнулся и не пожелал больше общаться. За два или три часа не было сказано ни единого слова. Но затем дорога вновь их помирила.

Солнце поднималось все выше. На привал встали, найдя подходящее место в тени скал у местечка Мулла-Кари. Отдых продолжался свыше четырех часов, в самое жаркое время, с полудня до шестнадцати часов.

Проводники-туркмены сидели вместе и негромко переговаривались. Казаки, Сидор и Архип по очереди дежурили на ближайшей высоте, высматривая округу. И хотя здесь

враждебно настроенные хивинцы появлялись редко, Скобелев впустую рисковать не любил. Он присел на седло, достав бумаги, чернильницу и перья. Первая запись включала в себя упоминания, что они шли шагом, делая шесть с половиной верст в час, пройдя в общей сложности 35 верст с одним небольшим привалом. Штабс-ротмистр добавил, что дорога здесь хорошо утоптанная, шириной около полутора сажень*, с небольшим уклоном и удобна для передвижения пехоты и артиллерии. Соколов так же сделал какие-то записи. Затем они поспали, подложив седла под головы, и с новыми силами двинулись дальше.

В маленьком кишлаке Янгаджи разведчики немного передохнули и пополнили запасы воды. За кишлаком дорога меняла направление к северо-востоку, отдаляясь от побережья. Начался плавный подъем. Поросшие чахлым кустарником склоны гор приобрели красноватый оттенок. Миновали колодец Касын, а на ночевку встали среди останцов уступа Курянынкыре. Горы, даже скорее холмы, представляли собой камни и глину с редкими пучками растительности.

Дорога стала совсем плохой, ужавшись до ширины повозки. Вода в колодцах, хоть и имела по большей части солоноватый привкус, годилась к питью и готовки пищи. Скобелев старательно записал все необходимые сведения.

Здесь еще встречались маленькие аулы и пастухи, перегоняющие с пастбища на пастбища стада баранов или верблюдов. Чуть дальше начинались безжизненные пески Каракумов. За первые сутки прошли свыше восьмидесяти верст, и Скобелев был доволен.

Ночь и утро второго дня отряд двигался по Курянынкырам. С каждым часом горы становились все более пологими, пока и вовсе не превратились в пески и пустыни. Начался самый трудный путь по огромному безжизненному пространству. Колодцы здесь встречались редко, и у них их могли ждать те, видеть кого с учетом весьма скромной численности их отряда совсем не хотелось.

В небе парили стервятники. Несколько раз на глаза попадались караваны. Иногда в них насчитывалось по двести, а то и больше, верблюдов. Нагруженные тюками, сундуками и бочками, «корабли пустыни» шагали неспешно и величественно, в то время, как их погонщики поглядывали на русских не только с любопытством, но и с неприязнью.

— Не нравятся мне эти толстопузые купцы, — Соколов указал плеткой на темную нитку верблюдов и людей, которая двигалась с юга на север. До нее было версты две, не больше. — Кто помешает им рассказать о русском разезде всем встречным?

— Пусть рассказывают, — Скобелев лишь пожал плечами. — С этим мы ничего поделать не можем. Не убивать же всех подозрительных по пути.

— Да у нас и патронов столько нет, — с совершенно серьезным лицом кивнул товарищ. Скобелев коротко хохотнул.

На второй день говорили об Азии, Бухаре, Хиве и Афганистане. Но разговоры скоро закончились. Было жарко, душно, не переставая тек пот, а силы приходилось экономить.

Зловеще и молчаливо тянулись бесконечные желтоватые барханы. Давая отдых лошадям, всадники время от времени спешивались и шли пешком, заодно разминая ноги. Скобелев нагибался, набирал в руки песок и неторопливо пропуская его сквозь пальцы.

— Текинцы считают, что красноватый оттенок пески приобрели благодаря пролитой здесь крови, — поделился он с Соколовым. — Железный Хромец Тамерлан сложил башню из семидесяти тысяч отрубленных голов.

— Верно, крови здесь пролилось много. Хотя, с другой стороны, покажи мне такое место на Земле, где ее не проливали?

Даже местные кустарники, несмотря на неприхотливость к воде, стал попадаться реже. Жара стояла страшная. Всем хотелось пить. В стоне и завывании ветра слышалось жалостливое «дай воды, дай». Песчаная поземка порошила копыта коней и сапоги разведчиков. Зеленый чай лучше всего утолял жажду. Топливом для огня служили уродливые, серого цвета, напоминающие извивающиеся корни, стволы саксаула.

На привалах Снегирев доставал серебряную губную гармошку. Играл он недурно, и это было хоть каким-то развлечением.

Местные туркмены искренне верили, что именно в их землях Аллах запер Шайтана на три тысячи лет. И что именно из-за огненного дыхания нечистого здесь все пересохло. А так как он постоянно жаждет вырваться из своего плена, то и землетрясения здесь стали частым явлением. Они и сами стали свидетелями слабого подземного толчка, который не доставили им никаких неприятностей, лишь кони перепугались и долго не могли успокоиться.

Колодцы и мелкие аулы давно остались за спиной. Двигаясь в достаточно хорошем темпе, русские одолели четыреста восемьдесят верст по пескам и пустыням. Это оказалось тяжело, очень тяжело. Иной раз копыта коней проваливались в песок по бабки, а солнечные лучи раскаляли оружие до такой степени, что до него нельзя было дотронуться. Жар песков чувствовался даже через подметки сапогов. Дорога заняла шесть суток.

У казака Дементия Болдырева от жары пошла носом кровь. На следующий день его примеру последовал еще один казак и Соколов. У Скобелева неприятное кровотечение открылось на шестой день. Подобные неприятности заставляли останавливаться и терять время. Туркмены посматривали в их сторону и старательно прятали улыбку — сами они местный климат переносили куда лучше.

Во время пути оба офицера продолжали вести записи, отмечая время следования, скорость движения, состав почвы, наличие кустарников и растительности, крутизну подъёмов и спусков, характер встречающихся холмов, русла пересохших ручьев и прочие детали. И конечно, на картах они указывали главное — колодцы, расстояние между ними, качество воды и отходящие от них дороги. А еще отмечали ямы с пригодной для питья водой. Удивительно, но изредка такое чудо света здесь все же встречалось. Оно обуславливалось растаявшим после зимы снегом. Такие ямы могли дожить, не испаряясь, до середины лета. Довольно часто попадались солончаки и такыры, сухие, засоленные участки почвы.

Чем дальше они продвигались, тем отчетливей Скобелев понимал, что большой отряд данный путь повторить не сможет. Только ни летом, ни с апреля по октябрь. Воды в колодцах мало, ее едва ли хватит и на двести человек. Да и немилосердно пылающее солнце сделает все возможное, чтобы незваные гости никогда не покинули безжалостных песков. А ветра, шакалы и стервятники довершат начатое, и от смельчаков останутся лишь побелевшие высохшие кости. Нет, с этой стороны русскому войску к Хиве не подобраться.

Хива находилась ровно на востоке, но в какой-то момент отряд свернул на север. Приближаться к Хиве было опасно, хотя дальше, где-то верст через сто, находился колодец Ортакуй. Если войско все же решится на безрассудный маневр, то именно через Ортакуй проходит ближайший прямой путь. Но там наверняка находятся хивинцы, и колодец для них пока заказан.

Дорогу определяли йомуды. Их старшего звали Оджак и он неплохо изъяснялся по-русски. Каждое утро начиналось с того, что офицеры проводили небольшое совещание, в ходе которого Оджак делился опасениями и тревогами, а также обещал, что до очередного

колодца они доберутся через столько-то часов. Или на следующий день. Или вообще не доберутся, если заплутают.

У колодца Узункуй отряд встал на очередной привал. Было вообще удивительно, что им удалось добраться так далеко и не встретить разбойников. До Хивы осталось примерно двести верст, а до самого озера около тридцати.

— Итак, что решил, Михаил? — сняв сапоги и сложив ноги по восточному обычаю, Соколов сидел на попоне и в очередной раз протирал револьвер от пыли. В походе, несмотря на зной и сухоту, к оружию он относился бережно, чего и от Снегирева требовал. В этом плане казакам следовало у него поучиться, они о своих винтовках заботились без особого энтузиазма. — Остался последний переход. Озеро совсем близко. До него полдня пути. Но и опасность возрастает с каждой пройденной верстой. Ты вчерашних туркменов не забыл?

— Нет, — Скобелев с досадой дернул губой. Товарищ дело говорил. Вчера, ближе к полуночи, они заметили нескольких человек. Поднимался растущий месяц, да и звезды давали хороший свет. Двое конных так же заметили их и сразу же ускакали. Ни на купцов, ни на пастухов они не походили. Их бы стоило поймать и допросить, но кто сумеет поймать туркмена в его родных песках?

То, что йомуды больше на глаза не попадались, вызывало еще больше тревоги. Они вполне могли направиться к ближайшему отряду хивинцев, неся весть, что в окрестностях озера появились русские. И кто даст гарантии, что какой-нибудь местный бек не захочет взять их в плен?

Михаил за себя не боялся, но ему совсем не хотелось провалить задание.

— Вот и я не забыл, — Соколов преломил револьвер, прищурил один глаз и посмотрел на солнце сквозь пустой барабан и ствол. Голос его оставался все таким же спокойным. — Сдается мне, что без крови не обойтись. Хочешь пари?

— Нет, — повторил Скобелев. Он прошелся туда и обратно, взметая сапогами пыль. В пути Соколов показал себя неунывающим и компетентным офицером. С таким было не грех и посоветоваться. — Оджак, еще раз — воду из Сырыкамыша можно пить?

— Да, сердар, я ж говорю, пить ее могут! Люди — да, кони — да, верблюды — да! — коверкая слова, степенно ответил тот, просунув плётку под халат и почесывая себе спину. Сердар значило вождь, так туркмены обращались к нему, а Соколова величали «младшим сердаром». — Вода — хороша. Можно пить, но нельзя, — он покачал головой. — Там каркидоны живут, проклятые земли.

Проводники переглянулись между собой и принялись что-то лепетать, мешая русские и туркменские слова. Скобелев слушал и понимал, что в них заговорили какие-то древние предрассудки. Мол, вокруг озера земля проклятая, и лишь глупцы да смельчаки осмеливаются туда заходить. Там погибло много людей, пастухов и купцов, и земли пользуются дурной славой. На лицах йомудов появилась отчетливая тревога.

— Что за каркидоны такие? — удивился Соколов. — Как они выглядят?

— Как каракадилы, — путанно объяснил Оджак. — Только больше, умнее, страшнее. У-у-у!

— Это вараны, думаю, — подумав, заметил Скобелев. — Может, другой вид какой, вымахали в местных условиях. А каракадилами он крокодилов называет.

— Похоже на то, — согласился Соколов. — И все же, несмотря на явное нежелание наших смелых туркменов, мы должны добраться до озера и убедиться, что вода годится для питья.

— Нам не только нужно воду попробовать, но и берег осмотреть, — глубоко вздохнув, решил Скобелев. — Значит, нечего прохлаждаться. Как жара спадет, выступаем.

Начался подъем на плато Устюрта с изрезанными ветрами утесами. Лошади шли медленно, с опаской, поглядывая вниз и боясь покалечить ноги среди камней.

Одолев подъем, русские вступили в заваленные камнем и щебнем пересекающиеся проходы, лавируя меж уступов и невысоких скал. Запах изменился, в воздухе повело прохладой.

Озеро обнаружилось неожиданно. Миновав очередную скалу, они выбрались на открытое место. Горизонт распахнулся, впереди лежало внушительное пространство бирюзовое воды. Пройдя еще немного, они остановились в начале длинного пологого спуска, поросшего жесткой травой. Озеро представляло собой жемчужину, свободно раскинувшуюся в глубокой котловине. С востока и юга воду стерегли пески Каракумов. А с севера и запада нависали трудно проходимые камни и завалы Устюрта. Добраться сюда оказалось не так-то просто. Но они все же выполнили поставленную командованием задачу.

Дул свежий ветер. На небе виднелись кучевые облака. По песку бегали ящерицы, а в небе парили птицы, по виду, беркуты. Вдалеке виднелось стадо сайгаков.

Шумел камыш. По воде шла рябь от волн. Противоположный берег казался едва заметной серо-зеленой черточкой. Нигде не наблюдалось и намек на человека.

— На месте, значит, — Соколов первым покинул седло, быстро разделся по пояс, скинул сапоги и зашел в воду. Наклонившись, он с удовольствием умылся, а затем набрал воды в горсть и прополоскал рот. — А ничего водица, — резюмировал он, делая глоток.

Вода и в самом деле оказалась пригодная для питья, в чем Скобелев убедился через минуту.

— Мне только одно непонятно, откуда в пустыне берется влага? — спросил Соколов, когда они с наслаждением поплыли вдоль берега. Радостные казаки, Горохов и Снегирев также обрадовались озеру и заслуженному отдыху, а вот туркмены в воду заходить категорически отказались. Хотя помыться, учитывая идущий от них тяжелый запах, им бы совершенно не помешало. Но они не захотели и потому их оставили в покое.

Вообще, хоть туркмены и боялись озера, удалось выяснить, что дальше к югу и ближе к Хиве на берегах проживают рыбаки, и что здесь можно поймать великолепных сазанов, сомов и змееголовов. Но никакие мифические каркидоны на глаза им так и не попались.

— Все знают, что Амударья чрезвычайно изменчивая река и постоянно меняет русло. Похоже, иной раз она заливают местную котловину. Либо от нее ранее отходили протоки, питающие озеро. Иного объяснения я пока не вижу.

— Да, кажется, так и есть. Окс* крайне интересная река. Ты знал, что согласно древним историкам она ранее впадала в Каспий?

— Конечно.

— Озеро в пустыне. Много пресной воды, которая никому не нужна. Чудеса!

— Туркменам проще селиться вдоль Амударьи. А сюда, в центр песков, добираться долго и тяжело. Вот и получается, что озеро годно лишь для караванов и редких рыбаков.

Разведчики провели у воды остаток дня и ночь, набираясь сил перед обратным переходом, исследуя и нанося на карту западный берег. Густой кустарник предоставил им хорошую защиту, сделав практически незаметными со стороны случайного наблюдателя.

И все же, учитывая относительную близость Хивы и тех, кто повстречался с ними совсем недавно, задерживаться не стоило. Но и отдых им требовался. Особенно коням. И с

этим ничего нельзя было поделаться.

Ночь прошла спокойно, наступил очередной день. Скобелев приказал готовиться к вечернему выходу. Пока же следовало закончить необходимые дела — постирать одежду, набрать воды и почистить оружие.

— Степняки, кажись, вашблагородие! — закричал Дементий, стоявший в дозоре и поднявшийся на небольшой останец. — Сюды, похоже, едут.

— Кто они и сколько их? — в ответ крикнул Соколов. Он моментально подобрался и принялся наматывать на ноги портянки. — Архип, проверь карабин.

— По виду туркмены. Человек сорок. Версты три до них. По берегу рыщут, может нас ищут.

— Пересчитай их, быстро! — приказал Скобелев, торопливо одеваясь.

— Что делать будем, Миша? — Соколов обернулся к нему.

— Если это хивинцы, то их навели на наш след те двое, — Скобелев по примеру товарища быстро проверил оружие, готовясь к возможному бою. — Вперёд, к Дементию. Надо осмотреться!

Туркмены и два оставшихся казака остались у воды, сворачивая лагерь. Офицеры взбежали к Дементию и упали рядом, подняв пыль. Снегирев прополз ужом и занял место рядом с казаком.

Скобелев осторожно приподнялся, щелкнул выдвигаемой подзорной трубой и принялся изучать диспозицию. Вдоль берега двигалось несколько десятков всадников. Высокие черные шапки и халаты однозначно показывали, что они видят туркменов. Те осматривались по сторонам и руки держали на оружие, готовые в любой момент пустить его в ход.

Дементий так и не успел их пересчитать, но Соколов моментально определился.

— Тридцать семь! Многовато для нас, тебе не кажется?

— Пожалуй... Похоже, кому-то приглянулись наши головы, — Скобелев не стал упоминать того, о чем все и так прекрасно знали. В Хиве, как и ранее в Бухаре, существовал совершенно варварский обычай — местные разбойники, желая получить покровительство от хана, притаскивали к его трону мешки с отрубленными головами иноземцев. Считалось, что чем больше таких мешков, тем значительную удачу проявили степные джигиты, заслужив соответствующую награду.

— Они так просто их не получают, — негромко заметил Соколов. Преломив револьвер, он проверил патроны. — Вряд ли они скажут к нам, чтобы сказать салам, — усмехнулся он, ни на минуты не потеряв присутствия духа.

— Отступаем, — приказал Скобелев. Разведчики отползли назад и побежали к лошадям. А сам он чувствовал азарт и близость схватки. Эх, жаль только, что их так мало! Перевес на стороне неприятеля. Но сдаваться они не собирались.

А затем Скобелев неожиданно усмехнулся. Похоже, шакал, перебежавший дорогу в самом начале их экспедиции, перебежал её не просто так. Примета вновь подтвердилась!

Шведско-финской границы* — Великое княжество Финляндия входило в состав Российской Империи с 1809 по 1917 г.

Фазан* — презрительное обозначение «салонных» офицеров, никогда не воевавших, но имеющих влиятельных покровителей и незаслуженные награды. Также фазанами называли Генштабистов за пестрые мундиры и отличительный знак в виде золотого аксельбанта. Естественно, что Скобелев, боевой офицер и Генштабист, подразумевает именно первый вариант.

Джугур* — разновидность ячменя.

Ляничать* — говорить обо всем подряд, пустословить.

Немцы недавно взяли Париж* — франко-прусская война 1870–1871 г.

Сажень* — 2,13 метра. Верста — 1066 метра.

Окс* — древнее название Амударьи. Происходит от иранского слова Вахш, что значит «дух покровитель вод».

Кусты, в которых мы разбили временный лагерь, прикрывали нас от ненужных взоров. Но туркмены двигались в нашу сторону, планомерно обыскивая все мало-мальски подозрительные места. Судя по всему, искали именно нас.

В так называемом войске Хивы практически полностью отсутствовала организация и дисциплина. Но это не мешало быть им прекрасными охотниками и следопытами. Следовательно, нас обязательно увидят.

— По коням! Вперед! — выкрикнул команду Скобелев и мы с места сорвались в галоп.

Ветка тамарикса хлестнула меня по лицу, а Жужа протестующе заржала. Скобелев вырвался на Пегасе вперед, ведя людей. За ним устремились казаки, Горохов и проводники. Мы с Архипом прикрывали отступление. Меньше минуты понадобилось, чтобы скакуны преодолели кустарник и вырвались на открытое пространство. И едва мы начали подъем к останцам на плато, за спиной раздались радостные гортанные крики — нас увидели. Еще минута, и кони, разбрызгивая копытами камешки, уже наверху.

— Спешиться! — практически сразу последовала новая команда Скобелева.

Он был прав. Здесь, среди останцов и многочисленных камней лошадям ничего не стоило покалечить ноги. Держа коней за уздечки, мы побежали вперед.

То, что мы выставили дозор — хотя иначе и быть не могло — сыграло свою роль. Мы первыми увидели неприятеля и успели подготовиться, а получив фору, отступили в останцы. Идею того, чтобы вскочить в седла и попытаться уйти, отвергли сразу — от туркменов тяжело, практически невозможно оторваться в песках. Лучше уж попытаться дать им бой среди скал.

Скобелев оказался хорошим человеком. Немного резким, импульсивным, но зато смелым, надежным и внимательным. И он обладал таким важным для военного качеством, как предусмотрительность. Оно являлось крайне полезным для тех, у кого в подчинении находятся люди.

Еще на подходе к озеру, двигаясь среди останцов плато Устюрт, мы с ним заприметили несколько подходящих для обороны мест. И сейчас будущий Белый генерал вел нас к одному из них.

— Занять позицию! — приказал Скобелев, — Уложить лошадей, рассыпаться!

— Архип, туда! — я заприметил небольшой пригорок, подходящий для стрелка.

Мы с Архипом упали рядом, он сразу же достал карабин, поерзал, уперся прикладом в плечо и замер. На Снегиря было любо-дорого посмотреть, вел он себя хладнокровно и спокойно, как настоящий гусар. Вот что значит, обстрелянный человек. За одного битого, как известно, двух небитых дают. Тот же Сидор Горохов, денщик Скобелева, перепугался и побледнел, понимая, что смерть близка.

Казаки укладывали лошадей, стараясь занять удобные позиции. И тут азартно кричащие туркмены поднялись на склон и, не снижая хода, устремились в нашу сторону. Зря они так... Два джигита, радостно нахлестывающие коней ногайками, вырвались вперед. Они же и пострадали первыми. Конь одного попал копытом на неровность грунта и испуганно заржав, припал на две ноги. Джигит вылетел меж его ушей и, перекрутившись через голову, растянулся на земле, ударившись головой о камень. Похоже, ему этого хватит, после такого не живут.

Раздался выстрел, Снегирь даже не дернулся. Появилось облачко, запахло кисловатым — в патронах использовался черный дымный порох, дающий своеобразный эффект. Болезненно вскрикнув, второй джигит завалился на бок и вывалился из седла. Конь его изменил направление и по кругу, сбавив скорость, поскакал в сторону.

Архип с сухим щелчком сразу же отвел продольно-скользящий затвор карабина, выбросил гильзу, вставил вытащенный из сумочки на поясе патрон в винтовку и вернул затвор обратно.

Полковник Бердан утверждал, что из его оружия можно производить до пятнадцати прицельных выстрелов в минуту. Здесь американец малость преувеличивал, рекламируя свое изделие. У винтовки отсутствовал магазин, так что стрелку приходилось руками вставлять каждый новый патрон и работать с затвором. Это занимало время и сбивало прицел. Благодаря тренировкам, Снегирь стабильно делал десять-одиннадцать выстрелов в минуту, попадая куда надо и нечасто промахиваясь. И подобное являлось превосходным результатом.

— Прекрасный выстрел. Чарку водки ты заслужил.

— Рад стараться, вашблагородие! — тут же откликнулся он, не поднимая головы.

Прочие туркмены разом опомнились, изменили направление, не став подниматься на склон прямо перед нами и уйдя в сторону. Хивинские лошади и халаты замелькали среди камней саженой в ста от нас. Их предводитель, богато одетый и на превосходном скакуне, худощавый, с черной бородкой бек, принялся что-то командовать, не слезая с седла и уверенно размахивая саблей.

— По беку, огонь! — приказал я.

— Есть! — Снегирев выстрелил. Но то ли моя оценка его первого выстрела изменила настрой гусара, то ли он сбил себе дыхание, но пуля лишь вспорола халат на плесе неприятеля, заставила того мигом спешиться и спрятаться среди камней.

— Мимо, — заметил подползший Скобелев.

— Твою ж мать, не отвечай, береги дыхание! Институтки и те лучше стреляют! — от досады я едва не заехал Снегиреву по уху. Тоже мне, гусар! Мы могли одним выстрелом выиграть схватку. — Экономь патроны и целься, как следует!

— Так точно, ваше благородие, — Архип моим недовольством проникся, снова поерзал на земле, устраиваясь поудобней, перезарядил карабин, выдохнул, замер и плавно нажал на спусковой крючок. На сей раз один из текинцев, взмахнув руками, упал на спину.

— Неплохо, неплохо, — в голосе Скобелева проскользнуло одобрение. Он все видел, но сейчас моего товарища больше заботило, как мы отсюда выберемся.

Наша временная позиция представляла собой небольшую возвышенность, усыпанную тут и там камнями и высокими, по две-три сажени, останцами. Туркмены к тому времени уже спешили и меж камней торчали лишь их черноволосые головы в лохматых бараньих шапках или тюбетейках. По отношению к нам они находились ниже по склону, и у нас появилось преимущество как в обзоре, так и в возможности что либо сделать незаметно. Но мне совсем не нравилось, что вражеский бек остался жив и продолжил распоряжаться, как ни в чем не бывало. Следуя его команде, дюжина хивинцев отступила.

— Обходят, — только и сказал Скобелев.

Началась перестрелка. Казаки стреляли деловито, но не очень метко. Во всяком случае, на один удачный выстрел у них приходилось добрый десяток промахов. Примерно так же действовал и Горохов, толку от которого оказалось еще меньше, хотя Михаил заверял меня, что на стрельбище тот попадал неплохо.

Но то стрельбище, где все происходит чинно и спокойно, без нервов, а здесь реальный бой! Тут все иначе, и Горохов оказался не готов.

Зато радовало то, что неприятель стрелял еще хуже и палил в белый свет, как в копеечку. Большая их часть была вооружена фитильными ружьями, которые давали больше шума и дыма, чем толку. На их фоне Снегирев казался идеальным стрелком от Бога. После промашки он сосредоточился и практически каждый раз в кого-то попадал. Может и не смертельно, но энтузиазма неприятелю подобное не доставляло.

Мы со Скобелевым присматривали за округой и за револьверы пока не брались. Свит и Вессон образца 1869 г. так называемая «русская модель» — прекрасная, хоть и тяжеловатая, «машинка». Отличие от американского оригинала заключалось в том, что его снабдили двумя шпорами, на рукояти и спусковой скобе. Они помогали более удобно держать револьвер и, вместе с некоторыми изменениями в патроне, были добавлены по требованию генерала Горлова, осуществляющего заказ оружия для русской армии.

Насколько я помнил, ковбои Дикого Запада обожали данный револьвер за надежность, неприхотливость и хорошую убойную силу. С шестью заряженными патронами он весил полтора килограмма и придавал уверенность тому, кто держал его в руке. Но сейчас расстояние до неприятеля оказалось великовато для револьвера. Так что патронов пока не тратили.

Но мы совершенно забыли про то, что у врагов могут быть луки. И пользоваться они ими умеют. Наша оплошность дорого встала, когда выглянувший в очередной раз из-за камней казак по имени Павел Крупнов поймал стрелу. Она вошла ему в глаз и замерла, напоследок мелко задрожав. Казак и застонать не успел, лишь дернулся и затих. Нас стало на одного меньше.

Хивинцы свой успех заметили. Он мигом поднял им боевой дух, и с их стороны донеслись радостные вопли.

— Урус, шакал проклятый, сдавайся! — послышался крик. Кричали на фарси.

— А ты кто такой? — дождавшись разрешающего кивка Скобелева, в свою очередь закричал я, дав знак Архипу следить за каждым движением. Если враг окажется глупцом и выглянет, Снегирь получит второй шанс. Бесконечный путь хитрости, который проповедовали китайцы, прямо и недвусмысленно говорил, что от неприятеля стоит всегда ждать самого плохого и непредсказуемого. И самим таким быть, соответственно.

— Я Джочи-бек, родич Мухаммад Рахим хана, да прольет на него Аллах все свои милости, — раздался сильный, насмешливый голос. Бека я успел рассмотреть плохо, мельком, но судя по всему, ему еще нет тридцати. Лицо у него властное, породистое, а голос наглый и самоуверенный. — А тебя я узнал, ты Кара Улюм! Как твое имя, пёс?

— Тебе знать его не надо. Я человек прохожий, тот, кто отправит тебя к Аллаху! — стараясь поддержать такой же насмешливый тон, закричал я.

— Ха, я понял тебя, неверный. Когда буду резать твою голову, ты у меня иначе запоешь, — Джочи-бек, может и был горячим степным джигитом, но хладнокровия не потерял и под выстрелы не подставлялся. — Я прославлюсь на весь Хорезм, став первым, кто принесет голову одного из Кара Улюм к ханскому трону!

— Ты хвастливый дурак, Джочи-бек, раз всерьез считаешь на успех, — я постарался вывести степняка из себя, надеясь, что он совершит какую-нибудь глупость. — Возвращайся в Хиву, купи себе козу или бачу* и предавайся похоти, вспоминая, как гусары Смерти подарили тебе жизнь.

— Меня не трогают твои слова, сын свиньи и шайтана! — донесся ответный крик. Скобелев, несмотря на тяжелое положение, улыбнулся. Казаки и проводники отложили ружья и с интересом прислушивались к нашей захватывающей беседе.

— Что тебе надо? — я переменял тему, словно ничего не случилось.

— Ваши головы. Сдавайтесь, и тогда, возможно, я сохраню вам жизнь, — судя по всему, Джочи-бек неплохо владел собой, в голосе степняка вновь послышалась веселая насмешка.

— Приходи и сам возьми, если не боишься.

— Приду и возьму, не сомневайся, урус. А я думал, вы смелее. Вижу, что люди ошибались. Кара Улям — трусливые бабы, что прячутся по норам и боятся вступить в бой с настоящим мужчиной.

— Ха, ты бы с собой еще пару сотен джигитов привел! Так, чтобы наверняка справиться с десятком русских. Выходи, что-то я не вижу твоей храбрости!

Последней фразой я вновь попытался задеть бека, делая намек на его смелость, но он на простенькую уловку не повелся.

Разговор затих, началась вялая перестрелка. Положение наше ухудшалось с каждой минутой. Очередная стрела ранила, к счастью не смертельно, Дементия. Погибла одна из лошадей, а еще одна, плохо обученная, не смогла сохранить спокойствие, вскочила и убежала. Самый младший из проводников попытался ее удержать и его подстрелили.

И все равно, неприятель не лез вперед, и не пытался решить дело одним решительным ударом. Мне, как военному, очень нравилась эта черта степняков — особой смелостью они отличались лишь к тем, кто их боялся. А когда они наталкивались на твердое и спокойное сопротивление, то рисковать жизнью не торопилось.

— Держи оборону, Миша. Надо проверить пути отхода, иначе нам смерть, — воспользовавшись небольшой передышкой, Скобелев решил действовать. — Оставляю тебе Снегирева и йомудов. Держись!

Он уполз с двумя казаками и Гороховым, скрывшись за останцами. То, что мы находились выше неприятеля, давало возможность незаметного маневра. Эх, сюда бы разведкоманду с вахмистром Козловым во главе! Все бы изменилось в одну минуту!

Но это были лишь мечты, и отвлекаться на них не имело смысла. Мы со Снегирем лежали рядом и выжидали. Архип экономил патроны и стрелял лишь при хороших шансах. Я вообще огня не открывал. Мне с моим револьвером на таких дистанциях ловить нечего.

Минут через пять позади раздались выстрелы. Судя по звуку, стреляли винтовки Крнка и Карле. У хивинцев я таких что-то не видел, значит, за дело взялись казаки. Сердце кольнуло беспокойство. Хотя, за Скобелева волноваться не стоило. Он должен удержаться. А если нет, значит, нам ничего не поможет.

— Дело дрянь, — констатировал возвратившийся Михаил. Он вспотел и был обсыпан пылью, что твой суслик. — Мы подстрелили четверых, а может и пятерых, заставив их отступить, но они убили Горохова. Позиция наша не очень надежна. Мы в окружении.

— Вижу, жаль твоего Сидора... — я передал Снегиреву очередной патрон. Времени, чтобы оплакивать товарищей, не было. — Мне наши йомуды совсем не нравятся. Глянь на них, они уже думают, как вовремя переметнуться на другую сторону. Думаешь, они захотят сложить головы за русских?

— Ясно дело, не захотят, — как и я, Скобелев говорил тихо.

— Что предлагаешь?

— Ты, я и Головкин прыгаем в седла и летим на неприятеля. Прикажем туркменам

сделать залп — на большего их все равно не хватит. Архип и Дементий нас прикроют.

— Нет, не доскачем, — я качнул головой. — Лошади ноги переломают!

— Тысяча чертей! Ты прав, про камни я позабыл. Значит, так побежим.

— Рискованно, Миша. Нас четверо, в рукопашной не одолеют.

— Твои предложения? — последовал практический вопрос.

— Хоть это и плохо, но нам придется ждать темноты. Пусть они сами лезут под наши стволы.

— Сомнут.

— Возможно, но ничего иного предложить не могу. Но мы подготовимся. Гляди, степняки, вероятно, постараются отвлечь нас с тыла, в то время как основная масса побежит прямо. Вон там и там, — я осторожно показал на два вероятных направления. — Понятное дело, кто-то рванет и по камням, и по скалам, но большая часть врагов побежит именно там, стремясь быстрее до нас добраться. И мы наставим ловушек.

— Ловушек? — удивился Скобелев.

— Натянем веревки между камней, заточим походные ложки и воткнем в землю вместе с ножами и всем прочим, чем можно пораниться. Да и пару небольших ям можно успеть незаметно выкопать. Авось, кто-то и ногу сломает, особенно по темноте.

— Годится, — спустя некоторое время, во время которого мучительно рассуждал, откликнулся Скобелев. А что нам еще оставалось делать? Мое предложение явно не выглядело гениальной затеей, но лучше так, чем вообще ничего не делать.

Поддерживая честь мундира и не давая нижним чинам повода для уныния, мы со Скобелевым всячески сохраняли невозмутимость, всем видом показывая, что попадали и не в такие переделки.

Неприятель оказался настолько любезным, что предоставил нам возможность подготовиться. Джочи-бек не давал скучать и время от времени выкрикивал, что собирается с нами сделать и что бы сделал с нашими матерями и сестрами, если бы мог до них добраться. С фантазией у него оказалось все в порядке. Он оказался творческим, с огоньком, человеком! Но, как и мы, решил не рисковать и дожидаться темноты. Степному беку наверняка казалось, что он полностью контролирует ситуацию, и его победа дело времени.

Нашу суету хивинцы заметили, но не разобрались, чем именно мы занимаемся и не придали ей особого значения.

Четыре часа пролетели моментально. Мы подготовились, сделав все возможное. Нас ограничивали ресурсы и то, что приходилось проявлять осторожность.

Потому и ямы вышли небольшими, вырытые так, чтобы нога могла попасть и сломаться под весом тела. Натянутые веревки убить никого не могли, но они давали шанс, что враги не налетят все сразу. Если кто-то споткнется — уже прекрасно. В землю мы воткнули все, что могло поранить, включая острые камни и различную мелочевку.

Скорее всего, со стороны наши приготовления выглядели полной глупостью, но ничего более эффективного предложить неприятелю мы не могли. Тем более, главное на войне не давать скучать подчиненным. Надо загружать их работой, хоть и совсем ненужной, чтобы им в голову не лезли глупые мысли.

— Что ж, Миша, если этот бой окажется последним, не поминай лихом. Жаль, что не успели познакомиться с тобой поближе, — сказал я. Сумерки напоздали быстро. Солнце уже закатилось, и от останцов протянулись длинные тени. Если мы не отобьемся, жить нам оставалось немного. Радовало лишь то, что Снегирь подстрелил еще троих степняков — они

надеялись подползти к нам незаметно и дорого заплатились за свою самонадеянность. Хотя, у нас погиб еще один туркмен, и такой размен явно был не в нашу пользу.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать, — Скобелев пожал мне руку. — Но я умирать не собираюсь.

— Как и я.

— Значит, прорвемся, — просто сказал он.

Минут сорок ничего не происходило. Становилось все темнее, потрескивали остывающие камни, да вдали завыл шакал. Повеяло прохладой. На востоке начали загораться звезды.

Я как раз пригубил воду из фляжки, когда степняки вскочили на ноги, выстрелили даже не в нас, а в нашу сторону, и побежали вперед. Раздался крик Джочи-бека. Но он оказался умен и поднялся лишь после очередного выстрела Архипа, да и то, держался за спинами своих джигитов.

Кричащая и изрыгающая проклятья на головы неверным толпа рванулась в нашу сторону. Хорошо, что мы успели их основательно проредить! Мне не так часто доводилось сражаться на земле. Как и всякий гусар, на коне я себя ощущаю куда уверенней, но деваться было некуда. Сегодня судьба сдала именно такие карты, и на пересдачу рассчитывать не приходилось.

Казачи успели выстрелить по разу, а Архип — два. Три хивинца упали. Наши проводники вскочили и бросились куда-то в сторону, надеясь, что сумеют убежать. На что они рассчитывали, не понятно. Вряд ли Джочи-бек захочет их пощадить, если победит. Да и мы со Скобелевым прощать предательства не собирались.

— Э-э! — удивленно заорал один из джигитов, зацепившись о веревку и со всего маху прикладываясь мордой о землю. Упал и еще кто-то, двое или трое. Мало, очень мало, но лучше так, чем вообще ничего.

Мы со Скобелевым заранее распределили вектора стрельбы, друг другу не мешали и как только враги приблизились, принялись палить из револьверов. Жаль только, что они вмещали по шесть патронов, а время на перезарядку нам никто давать не собирался.

Было темно и бегущие враги казались смазанными тенями. Попасть в них оказалось не самой легкой задачей, но минимум четверых я все же уложил в земельку. Как обстояли дела у Скобелева, не видел, не имея возможности отвлекаться, но надо полагать, он стрелял не хуже.

— Бессмертные гусары! — я загнал последнюю пулю в раскрытый рот ближайшего степняка, кинул бесполезный уже револьвер в лицо второму и выхватил саблю. Эх, сколько часов мы потратили на отработку различных фехтовальных приемов в Старой Школе и позже, уже в полку. Сомневаюсь, что у неприятеля есть достойные бойцы. Там лишь бек может что-то противопоставить.

— За Императора! — раздался крик Скобелева, который так же взялся за клинок.

Первого нападающего я срубил в два движения — отступил вправо, пропуская его выпад и легко, кончиком лезвия, ударил по шее. Удар получился что надо, перерубив артерию и разбрызгивая кровь. Несколько капель попали мне на лицо. Степняк пробежал мимо, еще не понимая, что уже мертв и лишь затем с каким-то удивленным возгласом завалился на камни.

Второй почти достал меня, но я отпрыгнул назад и ударил снизу, прорубая ему подбородок. Краем глаза я видел, как Архип воткнул пику в живот одного из степняков, выдернул ее и поразил еще одного.

Скобелев же показывал настоящие чудеса в обращении с холодным оружием. Он оказался хорош! Очень хорош! Пожалуй, даже лучше меня.

Вокруг кричали, падали и поднимались степняки. Гремели выстрелы из фитильных ружей, хотя по кому они могли попасть в такой кутерьме, я решительно не понимал. Казаки орали и ловко отмахивались шашками. Скобелев поразил одного хивинца, второго, принял выпад третьего и, закрутившись с ним в чередѣ быстрых обменов ударами, начал смещаться в сторону.

— А-а, пес! — я глазам не поверил, когда на меня выскочил не кто иной, как Джочи-бек. Быстрый, подвижный, он напоминал гюрзу, только вместо ядовитых клыков вооружился саблей. Несмотря на темноту, я его узнал и отбив первый выпад, перешел в атаку, пытаюсь поразить врага кистевым ударом.

Джочи-бек ударил по диагонали, справа налево. Я избежал выпада, но тут сбоку на меня налетел еще один степняк. Пришлось разрывать дистанцию и отвлечься. Отпрыгнув назад и используя его тело в качестве прикрытия, я поразил степняка «польской четверкой», которую блестяще описал Старжевский в своем «Трактате о фехтовании».

Неприятель ткнулся лбом в землю, а я в самый последний момент успел отвезти стремительный удар бека. Он почти достал меня, вспоров мундир на левой руке. Рана как будто не казалась серьезной, но кровь закапала почти сразу.

— Сдавайся, урус, — выдохнул Джочи-бек, начав обходить меня по кругу. Движение выглядели плавными, и вместе с тем быстрыми. Мне показалось, что в его голосе слышится тревога. Скобелев сражался где-то сбоку, Архип катался по земле, сцепившись с кем-то, но степняков было на удивление мало. Рядом с беком никого не было, но за его спиной два хивинца теснили последнего из оставшихся в живых казака.

Вместо ответа я рванулся вперед. Наши клинки высекли искры и принялись сталкиваться раз за разом, рождая чистый металлический звон. Одним из выпадов я достал-таки бека в ногу и тот зашипел, как рассерженный кот, выпуская воздух сквозь плотно сжатые зубы.

— Я одинаково хорошо владею двумя руками, — успел сообщить он, перекидывая саблю в левую ладонь. Следующим ударом он достал меня. Попытавшись разорвать дистанцию, я почти успел. Почти. Отточенное до бритвенной остроты лезвие чиркнуло меня по лицу. Касание поначалу показалось легким, почти незаметным, но левый глаз практически сразу залило кровью. Я невольно сбился с шага, дернулся и едва не упав, опустил на колено, беспорядочно отмахиваясь клинком. Кровь заливала лицо, и видел я плохо.

— Славная вышла битва, — Джочи-бек шагнул вперед, понимая оружие для последнего, добивающего удара. В голосе хивинца слышался триумф.

Я попытался отмахнуться, но бек легко отбил мой неуклюжий выпад и следующим ударом выбил саблю из рук. Она отлетела в сторону, зазвенев по камням. Обидно-то как! Я поднял голову, не собираясь отводить взгляда, и зачерпнул в ладонь песок, надеясь успеть бросить его хивинцу в лицо.

— Я здесь, Миша! — откуда-то сбоку появился Скобелев и с ходу обрушился на бека. Он действовал уверенно, напористо и почти сразу стало ясно, что хивинцу победы не видать. Он смог парировать первые удары, но натиск оказался таким сильным, что ему пришлось отступить. С огромным трудом хивинец отражал выпады, не давая стремительной стали прикоснуться к собственному телу. Джочи-бек начал пятиться, проклинал нас на каждом

выдохе. Судя по голосу, хивинец был взбешён. Взбешён потерянными людьми, упущенной победой и тем, что ему не дали добить меня.

Я попробовал подняться на ноги, но силы меня подвели. Ничего другого не оставалось, и я пополз по земле, пытаясь нащупать в темноте выбитую саблю. Кровь заливало лицо и капала на землю. Я размазал ее, пытаясь протереть глаза и торопясь отыскать клинок. Еще можно было принести пользу. Но оружие мне не понадобилось, по крайней мере, на сей раз. Бой закончился, Джочи-бек и все, кто с ним остался, отступили.

Утро застало нас на месте схватки. Из всего нашего отряда в живых осталось трое. Я Скобелев и Снегирь, который едва держался на ногах от многочисленных, хоть и не особо опасных ран. Крови он потерял не много, но зато хрипел — пытавшийся удушить его туркмен едва не сломал денщику кадык.

Скобелев выглядел неплохо. По крайней мере, лучше меня. Не знаю, со сколькими он успел разделаться, но за победу благодарить следовало именно его.

Казачи и Горохов погибли. Их тела Скобелев стащил и положил рядом. Наши проводники-туркмены ночного боя так же не пережили, и будущий Белый генерал уложил их чуть в стороне. Тех и других, с помощью Архипа, он прикрыл камнями, оберегая от хищников. Мертвых степняков насчитывалось много, свыше трех десятков. Заниматься ими Скобелев не стал, только самое лучшее оружие подобрал.

Пересчитать хивинцев я не мог. Голова кружилась, мысли путались, я чувствовал то озноб, то жар. Плохо мне было, очень плохо. Лицо, как сказал Скобелев, опухло и раздулось, но глаз, кажется, остался цел. Он сделал мне перевязку, и теперь вся левую часть лица — лоб, глаз и щеку — закрывала повязка. Перевязал он мне и руку, но там рана выглядела куда незначительней.

— Клинок скользнул по брови и зацепил скулу, — так сообщил мне Михаил. — Рана не серьезная, но при такой жаре тебе придется нелегко.

— Дай воды, — я протянул здоровую руку, и товарищ вложил в нее фляжку. Голова кружилась, и я ясно понимал, что с каждым часом буду чувствовать себя только хуже. Скобелев перевязал нас с Архипом и сделал, что мог, но мне требовалось серьезное лечение и покой. А здесь ни на то, ни на другое рассчитывать не приходилось. — Что с беком? — напившись и отдышавшись, спросил я. У меня даже сил не осталась удержать флягу и она, выскользнув из пальцев, стукнулась о камни.

— Убежал. Ты достал его, но уж больно прытким тот оказался. Он и еще один джигит. Всего двое выжило из их отряда.

— Ты не смог его добить? — немного передохнув, спросил я. Вспомнив о золотом брегете, похлопал себя по внутреннему карману. Хорошо, часы оказались на месте. А вот золотой портсигар пропал.

— Нет.

— Жаль, что он ушел.

— Ничего не поделаешь. Поблагодари лучше Создателя, что сам остался жив! Но зато портсигар твой я нашел. Похоже, он вылетел из кармана во время боя. Держи! — Скобелев вложил мне в руку дорогую вещицу. — Не расскажешь, откуда он у тебя?

— Подарок цесаревича Николая, — облегченно выдохнув, я спрятал портсигар во внутреннем кармане.

— Ничего себе! — Скобелев присвистнул. — Теперь понятно, почему ты с ним так возишься. Было бы обидно потерять столь ценный подарок.

— Чертовски обидно.

— Да, — Скобелев помолчал. — Миша, нам надо уходить. Если бек приведет подмогу, а он именно так и поступит, нам не поздоровится. Понимаешь?

— Понимаю, — я нащупал фляжку и сделал еще один глоток.

— Твоя Жужа погибла.

— Что-то мне подсказывает, что в пехоту мне переходить рано. Лошадей вокруг полно.

— Твоя правда, — Скобелев улыбнулся. — Сможешь забраться в седло? Лошадей у нас теперь действительно много, воды я набрал, припасов на роту хватит. Нам бы от Сарыкамьша лишь подальше убраться. Выдержишь?

— Постараюсь, — я перевел дыхание. — Ничего другого не остается.

— Обопритесь на меня, вашблагородие, — верный Архип подставил плечо. Благодаря ему я с трудом забрался в седло и схватился за передний рожок, борясь с головокружением.

Тронулись. Солнце палило немилосердно. Первые часы я еще держался неплохо, но через некоторое время перестал воспринимать окружающий мир. Помню только что ехал, практически уткнувшись головой в конскую шею. От тряски и жары раны разболелась немилосердно, я то проваливался в забытье, то вздрагивал и на короткое время приходил в себя. Поступь лошади, палящее солнце и непрекращающееся движение заставляли меня чувствовать себя так паршиво, как никогда прежде.

Первая ночевка. Костер. Многочисленные лошади, которых Скобелев согнал в небольшой табун. Есть совершенно не хочется, несмотря на требования Михаила пересилить себя и перекусить. Короткий сон-забытье. Подъем и вновь дорога.

Поднимающееся солнце. Сверкающий песок. Все переплелось в какой-то бредовый клубок. Из него «выскакивают» знакомые и близкие лица. Цесаревич, Звегинцев, Скалон, Некрасов, Скобелев, мама, отец, брат и Полинка. Вроде бы, Архип что-то говорил и поливал мне голову водой. Явь и бред смешались, мне казалось, что в мозгу лопаются какие-то мыльные пузыри. Похоже, меня привязали к седлу, чтобы не упал, но о таких мелочах я думать не мог. Неожиданно появилось лицо Кати Крицкой. Девушка едва заметно улыбалась и что-то шептала. Я ухватился за ее образ, пытаюсь удержаться и вновь не потерять сознание.

Кажется, очередной привал сделали в полдень. Меня уложили на землю и дали возможность немного передохнуть, выпить воды и съесть горсть изюма. Есть мне совершенно не хотелось, но я себя пересилил.

Скобелев перекинул седла на других лошадей и спустя час мы отправились дальше.

— Отличное вышло дело, — время от времени Скобелев со мной разговаривал, но наши беседы, если они и имели место, я практически не помню. Все стерла красно-оранжевое зарево бреда. — Мы победили и задание выполнили. Ты главное держись, Миша.

Я держался. А что еще оставалось делать?

Так прошло несколько дней, не помню, сколько точно. Очнувшись в очередной раз, я обнаружил себя лежащим на земле, укутанным несколькими одеялами. Недалеко горел костерок, распространяя запах сгоревшего саксаула. Архип что-то напевал, мешая ложкой в подвешенном на огне котелке. Скобелев находился рядом, внимательно изучая карту и делая в ней какие-то пометки.

Утро только начиналось. Солнце медленно поднималось из-за горизонта, грозя превратить пустыню в очередную раскаленную сковородку. Я почувствовал себя лучше. Славу Богу, кризис миновал.

— Как говорит мой друг поручик Ржевский, дайте зеркало, хочу посмотреть, как

прошла вчерашняя ночь, — я старался говорить громко, но в результате раздался какой-то жалкий шепот.

— Миша, живой! — Скобелев неожиданно нагнулся и с радостью схватил меня за руку. — Очнулся! Мы уже здесь сутки стоим, я уже и не думал, что ты оклемаешься. А ты уже шутишь!

— Сутки? — вот этого я совершенно не помнил. — Далеко мы от Сарыкамьша?

— Далеко. Двести верст с Божьей помощью умудрились пройти. Так далеко за нами погоня не сунется. Я решил сделать привал.

— Правильно, — говорить не хотелось. Я вновь выпил воду и снова задремал. Проснувшись после обеда, поел приготовленный Архипом суп и почувствовал, как силы начали постепенно возвращаться.

Скобелев угостил меня папироской и жизнь стала окончательно налаживаться. Я потрогал лицо. Опухоль все еще не спала, тем более, ее прикрывали многочисленные бинты.

— В порядке твой глаз, не беспокойся, я его внимательно осмотрел, — успокоил меня товарищ. Нет, уже не просто товарищ, а друг. Настоящий, проверенный. — Да и рана не такая страшная, как показалось на первый раз. Я тебе слово даю, когда опухоль спадет и все заживет, у тебя лишь узкий шрам останется. А шрамы гусар украшают.

— Болтун! — буркнул я. За свою внешность я не особо переживал, мне лишь калекой становиться совершенно не хотелось. А шрамы... Да на них вообще плевать. Но лицо, как говорится, на самом виду. Как Катя меня воспримет в новом виде? Вот этот вопрос меня и волновал главным образом.

Оставшийся путь проходил легче, сознание я потерял всего один раз. Хорошо помню кишлак Янгаджи, тень в скалах у Мулла-Кари. Силы медленно возвращались и если бы не солнечный удар — вот досада — я бы пришел в себя быстрее. Солнечный удар оказался совсем не к месту. Он и для здорового человека крайне неприятная вещь, а что говорить про меня в таком состоянии?

Последний день вновь вышел крайне неприятным и тяжелым. Но мы все же добрались. И когда я увидел впереди стены Красноводска, услышал русские голоса и шум, то понял, что все у меня будет хорошо.

Сажень* — 2 метра 13 сантиметров. Делилась на три аршина по 16 вершков в каждом.

Бача-бази* — мальчики, предназначенные для сексуальных утех. В Средней Азии подобна порочная практика была особенно распространена в крупных городах, таких как Бухара, Самарканд, Коканд, Хива.

В лазарете Красноводска я пробыл больше недели. И хотя раны благополучно затянулись, а дело шло на поправку, последствия солнечного удара и общая слабость заставили меня задержаться на больничной койке.

Как я потом узнал, Скобелев доложил полковнику Столетову о нашем рейде и всячески расхваливал мою смелость и сообразительность. Михаил навещал меня ежедневно, принося различные гостинцы — папиросы, дыни, вино и даже один раз умудрился незаметно засунуть под одеяло вяленого жереха. Не знаю, на что он рассчитывал, так как доктор запах почувствовал и пожурил меня за «легкомысленное отношение к собственному выздоровлению». Но я все равно был благодарен Скобелеву. Мы с ним стали друзьями. Миша оказался надежным товарищем.

Один раз в лазарет зашли полковник Столетов и его заместитель Буков. Они некоторое время расспрашивали меня о здоровье, похвалили за проявленное мужество и удалились, пожелав скорейшего выздоровления.

А так было скучно. Еще заглядывал Архип, но с ним, в силу разницы в положении, по душам разговаривать не получалось. Снегирь любил меня, уважал, оберегал и заботился, я отвечал ему тем же, но все же пропасть между нами в сословном обществе выглядела непреодолимой.

Правда, помимо доктора, за мной ухаживали две сестры милосердия. Первая, строгая Ольга Нилова, особой симпатии не вызывала. Худоба, нескладная фигура, отсутствие груди и бедер не позволяли причислить ее к красавицам. Ей уже исполнилось двадцать семь, что по местным меркам относило ее к категории старых дев. Замуж Ольгу никто не брал и оттого характер у девушки испортился. Она ходила, поджав губы и сдерживая раздражение.

А вот вторая, миленькая восемнадцатилетняя Тонечка Осипова девушкой оказалась замечательной, скромной и заботливой, но только я такой типаж знал. Серьезные и верные, подобные дамы влюблялись раз и навсегда. Дай им лишь повод, небольшой намек, и она положат свою жизнь к твоим ногам и будут верны до гроба. А мне подобное совершенно не нужно. Я Катю люблю, а Тоне портить жизнь совершенно не хотелось. Так что приходилось выдерживать дружески-нейтральную линию и позабыть об «амурах».

Когда в первый раз сняли повязку, я получил зеркало и смог вдоволь насмотреться на собственную физиономию. Опасения, что все окажется плохо, не подтвердились. Узкая тонкая полоска шрама начиналась над левой бровью, разрезала ее пополам и продолжалась до середины щеки. Сейчас воспаление и краснота прошли не до конца, но когда все окончательно заживет, будет вполне неплохо. А для гусара Смерти, так и вовсе — прекрасно. Главное, чтобы Катюше мой шрам не испортил настроение.

— Любуешься собой? — весело поинтересовался заглянувший в палату Скобелев при виде зеркала.

— Ага.

— А что любоваться? Ты же не институтка и не конь на продажу, — он оглянулся и, убедившись, что посторонних в палате нет, протянул мне очередную пачку папирос первого сорта, производства фабрики братьев Крафт. Здесь, в глубинке, они считались большой редкостью и признаком хорошего тона. — У меня хорошие новости, Миша. Бумаги и данные по нашей экспедиции переслали в Петербург, в военное ведомство. Полковник Столетов

отправил на нас с тобой рапорт в Ташкент. Скоро получим по ордену, если генерал-губернатор утвердит бумаги.

— Утвердит, — я нисколько не сомневался, что Кауфман именно так и поступит. Человек он не жадный. Интересно, чем наградят на сей раз? Анной или Станиславом?

Скобелев задержался на час. Мы с ним разговаривали обо всем подряд, я упомянул Катю, брата и Полину. Сестренка моя росла натурой серьезной, начитанной и смышленной. Я не знал, какая будущность ее ожидает, но естественно, хотел девушке счастливой и долгой жизни.

Когда меня выписали, то Скобелев пригласил жить к себе на квартиру, где любезно предложил часть комнаты. Хотя, маленький и душный одноэтажный домик под жестяной крышей плохо подходил под понятие полноценной квартиры. Мы с Михаилом занимали одну комнату, ночуя на узеньких кроватях, стоящих у противоположных стен. Здесь имелся рассохшийся шкаф, два стула, стол и комод. Вот и все убранство, не считая занавесок и свеч. Во второй комнате поселились наши денщики, мой бравый Архип и молоденький вологодский паренек, которого Скобелев взял на место убитого Горохова. Снегирев вполне освоился, стал заведовать провиантом и потчевал нас вкусными блюдами собственного приготовления.

Первое время после выписки меня не трогали, давая возможность прийти в себя, но затем началась обыденная служба. Красноводск оказался маленьким ничем не примечательным фортом, и потому жизнь здесь протекала скучно и невыносимо однообразно.

Скобелев, как командир местной кавалерии, два раза в неделю выводил казаков в поле на тактические маневры. Окрепнув, я стал постоянным его спутником. Мы отрабатывали с казаками сабельные приемы, на скаку рубили лозу, орудовали пиками и разучивали различные команды. Лишних боеприпасов в Красноводске не имелось, и потому огневая подготовка велась только теоретическая.

Досуг наш разнообразием не отличался. По вечерам здесь можно было лишь пить водку, гонять чай, читать книги или играть в шахматы. Именно последним мы с Мишей и занимались.

Театр в Красноводске, судя по всему, построят еще не скоро, публичного дома не было, да и приличные барышни сюда пока не добрались. Но я все же нашел себе интересное, а главное полезное занятие.

Дело в том, что кто-кто, а купцы в Красноводск заглядывали. Здесь можно было встретить интересных людей, включая персов и афганцев. И насчитывалось их не так уж и мало, так как город находился на одном из караванных путей, соединяющих Оренбург, иранский Тегеран и афганский Герат, а так же Хиву, Бухару и все прочие Среднеазиатские города.

Именно с ними я решил «поработать» и несколько дней присматривался, выбирая с кого начать.

Русские купцы меня в настоящий момент не интересовали — их в Хиву банально не пускали. Имеющихся в наличии татар, киргизов и узбеков оставил на крайний случай. Пузатого коротконового бухарца беспокоить не стал. Важного и тучного иранца с натертой маслом бородой отверг сразу. Один из туркмен, молодой и энергичный, поначалу показался перспективным, но поговорив с ним, сразу почувствовал, что тот слишком уж хитрый. Может и согласиться на предложение, но велик шанс, что предаст. А вот

единственный на базаре афганец по первоначальным оценкам соответствовал всем требованиям.

Сам базар выглядел просто, если не сказать убого. Под громким словом подразумевались ряды низеньких, сбитых на скорую руку лавок. Спереди находилась прилавок, а в задней части складывали товар. В тени лежали собаки, у коновязей стояли маленькие туркменские лошадки, а рядом с ними привязывали ишаков и верблюдов.

Изображая скучающего офицера, который не знает, как убить время, я прошелся по утрамбованной до состояния камня земле и остановился у одной из лавок. Там продавали седла. Выбор оказался внушительным. Дешевые и совсем простые изделия лежали в первых рядах, а за ними виднелись более дорогие, включая экземпляры, обшитые бархатом и жемчугом. Седла имели разную форму и предназначались не только для коней, но и для верблюдов.

В глубине лавки, в приятном сумраке на коврике сидел и сам хозяин. Рядом с ним стояли маленький чайник, пиала и кальян. Он периодически прикладывался к нему, булькал водой и выпускал облака ароматного дыма. Судя по сладковатым ноткам, табак смешали с гашишем.

— Уважаемый, сколько стоит вон то седло? — я показал на одно из изделий, привлечение внимание. Прямо сейчас покупать я ничего не собирался, но разговор о товарах выглядел перспективной темой для начала разговора.

— Пятьдесят рублий, саиб, — поднимаясь и подходя, ответил он. Купец оказался высок, хорошо сложен, с темными вьющимися волосами и аккуратной черной бородкой. Его лицо было овальным, с правильными тонкими чертами, как у европейцев и светлой, хоть и загорелой, кожей. Самыми заметными в нем оказались глаза — голубые и очень внимательные. Одевался он в просторные штаны, рубаху, безрукавку и кожаные сандалии. Голову украшала чалма.

Я заметил, как внимательно он осмотрел мою форму и задержал взгляд на лице. Шрамы украшают мужчину. Настоящие воины понимают в них толк, даже если судьба поставила их в битве по разным сторонам. А купец напоминал именно воина, а не торговца.

Разговаривали мы на русском. Афганец производил хорошее впечатление. Да и обращение «саиб», которое обычно использовали младшие по отношению к старшим или более высокому по статусу человеку, вызвало невольную симпатию. Хотя особенно обольщаться не стоит. Купец, чтобы продать свой товар, и не так может тебя назвать.

— Дорого, однако, — на всякий случай заметил я, осматривая седло. В Азии принято торговаться. Тех, кто торговаться не умеет, здесь не уважают. Я торговаться не умел, да и не пристало офицеру заниматься подобным, но все же мне было интересно понаблюдать за реакцией купца.

В Москве и Петербурге простые седла стоили около 20 рублей, а кавалерийские — 40. Различные украшения и сама кожа, например итальянская из Толедо или Милана, добавляли изделию в цене, иногда весьма существенно.

— Зачѐм так гавариш? Совсѐм нѐдорого. Даром считай, — он поднял руки, призывая Аллаха в свидетели. — Сорок восѐмь рублий. Послѐднее слово!

Было забавно слушать его акцент. Он коверкал слова, и заменял букву «е» на «э». Но я его не критиковал. Выучить чужой язык, тем более такой сложный, как наш родной русский, дело совсем не легкое. Так что он молодец.

— Фарси понимаешь, саиб? — я вернул любезность, обратившись к нему схожим

образом.

— Конечно, — он улыбнулся, а я поблагодарил своего старого друга Пашино за то, что освоил этот красивый и настолько универсальный в Азии язык. На нем здесь практически все общались.

Незаметно разговорились. Купца звали Ариан Ахад Хан. Он родился и жил в Афганистане, являясь представителем одного из пуштунских племен.

В тот день я ничего не купил, но пуштун как будто не обиделся. На следующий день я снова выбрался на базар, чтобы размять ноги и опять остановился у лавки Ариана. За ночь у меня наметился неплохой план. Теперь стоило проверить, можно ли воплотить его в жизнь.

Для начала я купил приглянувшееся седло. Мне оно ни к чему, но зато станет вполне достойным подарком Скобелеву. После покупки купец пригласил меня вглубь лавки и угостил хорошим зеленым чаем. Он назывался «кяхтинским» в честь небольшого городка Кяхта на русско-монгольской границе. Через город шел постоянный поток товаров из Китая, в том числе и чай, лучшие сорта которого считались эталоном вкуса и качества.

Цесаревич Николай Романов как-то упоминал, что расположенная на Великом шелковом пути Кяхта пропускает через себя одного лишь чая на 7 миллионов американских долларов в год. И все, кто причастен к данной торговле, наживают огромные состояния. В России ходили легенды о кяхтинских купцах — об их сумасбродных выходках, фантастических ставках в карты, на бильярде и прочих безумствах, включая строительство дворцов и расточительное содержание девок легкого поведения.

— Гашиш куришь, сайб? — поинтересовался купец, показывая на кальян.

— Нет, — я покачал головой. — Лучше расскажи, где ты успел побывать, Ариан Хан. Мне нравятся рассказы о дальних странах.

— О, как и мне, — он неторопливо огладил бородку. — Я много где был. Индия, Персия, Арабия, Бухара, Хива. Надеюсь и в Китае, стране шелка и фарфора, побывать.

— Хорошая мысль, пусть Всевышний тебе поможет, — одобрил я, делая глоток душистого чая. — А сюда каким ветром тебя забросило?

— Поистине, мир велик! Много стран, много народов. Интересно на все посмотреть. Тем более, чем дальше заедешь, тем больше прибыль, — он открыто улыбнулся. — Я хочу Баку увидеть, сайб. И Оренбург. Что скажешь, был ты там?

— Да. Хорошие города, но если действительно хочешь познать мир, то тебе надо в Москву или Петербург. Вот где красота! И торговля там серьезная, к слову.

— Я слышал эти названия, — он уважительно поцокал языком. — Кто не слышал о столице твоей страны, где живет Белый Царь? Все слышали!

На третий день мы коснулись более содержательных тем. Я осторожно поинтересовался, как он относится к англичанам. Англичан Хан особенно не жаловал.

— Высокомерные, жадные люди, хоть и смелые. Умные и хитрые. Хотят нас захватить. Топчут нашу землю, нос суют, куда не надо, пытаются всем командовать, — так он сказал. — Но что их поминать? Михаил-бек, расскажи мне лучше о Кара Улюм. Расскажи о ваших обычаях. Правда ли то, что вы лучшие воины Белого Царя? Говорят, вы непобедимы и над головами вашими простерлось благословенная длань вашего Бога.

— Конечно, расскажу, — я улыбнулся. Да, Бессмертные гусары, которых здесь прозвали Кара Улюм, что значит Черная Смерть, заслужили себе репутацию элитного и безжалостного подразделения. Нас уважали и побаивались, а слухи о Черных гусарах разошлись по всей Средней Азии. Лучшие воины Белого Царя — вот значит как!

Общение наше продолжалось около получаса. При расставании Ариан Хан пригласил меня в гости. Он снимал небольшой дом на краю Красноводска. С ним проживали два его помощника-приказчика, там же хранились товары, верблюды и кони купца. Да и капитал свой он наверняка хранил именно там.

В гости я отправился вечером, когда изнуряющий зной начал спадать.

— Mailma de Khudai milgareh deh! — афганец встретил меня выражением на пушту, которое обозначало, что гость — это божий друг. Вообще, как мне показалось, афганцы и в частности пуштуны, народом были гостеприимным и веселым. А Хан, кроме того, обожал Омара Хаяма и его Рубаи, был начитан, умен и знал несколько языков.

Рубаи я знал еще по прошлой жизни, так что нам нашлось, о чем поговорить. Обсуждая восточную поэзию, мы и о еде не забывали. Сидя на коврах, ели прямо руками — жареного на травах барашка, кукурузные лепешки, рис и сладкий творог. Все это было обильно посыпано пряностями — гвоздикой, зирой, куркумой и шафраном. Выпили по чаше легкого игристого вина. Как оказалось, пуштун не мог называть себя праведным мусульманином, раз позволял алкоголь.

Разговор тѣк легко. Оба мы понимали, что каждому что-то требуется от собеседника. В тот вечер я не стал поднимать серьезные темы, достаточно и того, что мы с пуштуном сошлись еще ближе.

— Миша, думаю завтра пригласить купца в гости, — сообщил я Скобелеву за завтраком. — Желательно, чтобы нам никто не мешал.

— Будешь привлекать его на службу? — Скобелев и сам являлся разведчиком Генштаба, так что подобные нюансы понимал прекрасно.

— Да. Он кажется перспективным человеком. Много где бывает, часто возвращается домой, в Афганистан. Через него можно и планы англичан прояснить.

— Понимаю. Что ж, ты все правильно делаешь. Желаю успеха.

Придя в гости, Ариан Хан торжественно вручил мне небольшой кальян, а я отдался серебряным портсигаром. Оба подарками остались довольны, да и стоили они примерно одинаково.

Ужинали пловом, приготовленным Архипом. Купец его похвалил, но надо полагать, лишь из вежливости. В Средней Азии так умели готовить подобное блюдо, что пальчики оближешь. Снегирю в этом деле еще учиться и учиться.

— Род мой идет от эфталитов, которых так же называют белыми гуннами, — с немалым достоинством сообщил купец, неторопливо вкушая плов. — Но сейчас мы считаем себя пуштунами. А твой род каков?

— Соколовы известны уже четыре века. Предки мои служили воеводами в Курске и других крепостях. У нас и герб собственный есть — сокол, звезды и шлем с крыльями, — не особо хвастаясь, я говорил лишь правду. Здесь, в Средней Азии, несмотря на повсеместную нищету, безграмотность и чуть ли не первобытную дикость, прекрасно знали, что такое благородство и честь. Сам-то я считал, что личные качества человека куда важнее его родословной. В истории полно случаев, когда невероятно знатные аристократы оказываются настолько гнилыми личностями, что давали фору любому душегубу с большой дороги. С другой стороны, прямых и верных слову людей везде ценили и ценят. Что в России, что в Англии, что где-нибудь в джунглях Амазонки или прериях Дикого Запада.

— Хорошо, хорошо, — одобрил купец.

Пуштуны являлись иранским народом. Их вполне законно можно называть ариями.

Если так подумать, то несколько тысяч лет назад у славян и иранцев обязательно имелся общий предок.

— Что ты за человек, Ариан Хан? — напрямую спросил я. — Есть ли в тебе добродетели?

— Во мне много недостатков, но я следую благословенному пути кодекса Пушгунвалай, — скромно констатировал гость.

— И что же это за кодекс?

— Кодекс чести. Вера в Аллаха, правдивость, преданность истине, бесстрашие, отвага, гостеприимство, знания и любовь не пустой звук для тех, кто идет этим путем.

— И ты преуспел во всех этих славных деяниях?

— Куда мне, пьющему вино и курящему гашиш, грешнику, — он рассмеялся. — Я лишь стараюсь таким быть.

Я предложил необычное для гостя блюдо. Вернее, закуску — бутерброды с белым хлебом, маслом и копченой осетриной. Не знаю, как другим, но мне они под горячий сладкий чай очень нравятся.

— Рыбу пуштуны не едят, мы не морской народ, — сообщил гость.

— Но запрета на нее нет?

— Нет, — он откусил бутерброд и задумчиво пожевал, прислушиваясь к ощущениям. Хлебнул из пиалы чая и по его довольному лицу стало ясно, что пища им одобрена.

Закончив с едой, вышли на улицу и присели на скамейку, дымя папиросами. Хан употреблял индийский табак. Он оказался крепким и духовитым.

Солнце склонялось к западу. Издалека, с плаца, доносились строевые команды, гремел барабан.

— Помню, ты говорил, что собираешься в Хиву, Ариан, — заметил я, начиная серьезный разговор.

— Так и есть по милости Аллаха. Там у меня есть деловой товарищ, но дорога в Хиву не самая безопасная. Туркмены любят грабить купцов.

— Вся наша жизнь сплошная опасность, — прощупывая пуштуна, я еще вчера понял, что тот не лишен некой рискованной удали.

— Меняем реки, страны, города. Иные двери, новые года. А никуда нам от себя не деться, а если деться — только в никуда, — он процитировал Хаяма.

— Браво, Ариан.

— Благодарю.

— В Хиве есть много того, что интересует нас, русских. Сила крепостей, их гарнизоны, оружие солдат, дороги и колодцы. Внимательный человек может многое заметить, — начал я, а сердце забилося чуть быстрее. Признаюсь, опыта у меня в подобных делах никакого, я впервые вербовал агента — так это называется на нашем языке.

— Ты предлагаешь мне стать шпионом? — Хан не удивился. Надо полагать, он догадался, что я хочу от него получить.

— Нет, не шпионом. Разведчиком. Ты можешь сказать, что разницы здесь нет, но я возражу — разница огромна! Шпион делает свое дело за деньги, разведчик — за идею. Разведчик — древнее и благородное занятие. Много великих людей прошло по данной стезе, начиная с Египта, Вавилона и Рима. Разведчики имелись и у пророка Мухаммеда. Здесь нет ничего предосудительного. А учитывая риск, то в честь смельчаков можно слагать стихи, — все же, отсутствие опыта дало о себе знать. Я сбился с неторопливого ритма и заговорил

быстрее, спеша высказать все аргументы до того момента, как услышу возможное «нет».

— Хивинцы — жестокий народ, но в моем сердце нет к ним ненависти, — наконец сказал Хан, и я понял, что мое предложение ему понравилось. По крайней мере, не вызвало отторжение.

— Хорезм — лишь маленький камушек на большой дороге. С него можно начать. А дальше... То, что делают англичане в Афганистане и Индии весьма интересно Белому Царю. Ты можешь помочь в борьбе с теми, кто хочет забрать себе ваши земли.

— Помочь русским, а потом русские придут в Афганистан?

— Если мы и придем, то жизнь людей станет лучше. Разве ты не слышал, как расцвели Ташкент, Бухара и Самарканд за последние годы?

— Твоя правда, Михаил-бек, расцвели. Вот значит что тебе нужно от меня, — собеседник улыбнулся. — Скажи мне вот что — кто твой начальник? Ярым-паша*?

— Нет, я так высоко не летаю. Как Кара Улюм я подчиняюсь полковнику барону Оффенбергу. Он сейчас в Ташкенте. Там же находится тот, кто командует всей разведкой. Имени его я тебе пока не скажу, мы ни о чем ведь еще не договорились, но он человек справедливый и серьезный. Его донесения уходят в нашу столицу.

— Ясно.

— Так как, Ариан, нравится тебе мое предложение? Я такими вещами не разбрасываюсь, и отношусь к тебе не как к инструменту или возможности, а как к товарищу.

— Почему нет, саиб? Годится! Мне даже приятно будет заняться подобным, — твердо сказал купец, и глаз не отвел. — Я с радостью помогу русским в их битве против англичан.

Я незаметно перевел дух. Все получилось! А я ведь уже почти решил применить свою способность. Хорошо, что не успел. Не надо влезать людям в голову, если можно все сделать по чести.

Еще я думал, что пуштун поднимет вопрос о вознаграждении за свой опасный труд, но тот ничего такого не сказал. Значит, еще одно очко в его копилку.

— И где же мы снова встретимся? — вместо этого поинтересовался он. — Или мне следует написать письмо?

— Нет, писать ничего не надо. Письма могут нести опасность. Через Хиву ты можешь отправиться в Ташкент. Там я тебя встречу. Устраивает тебя такой вариант?

— Устраивает.

— Живи обычной жизнью, торгуй и зарабатывай на хлеб, как делал раньше, мне нет нужды следить за твоими шагами, — заверил я. В то же время мои мысли лихорадочно перескакивали с одного на другое, пытаюсь понять, чем можно заинтересовать и по-настоящему привязать к себе такого человека. Деньги? Да, как купцу они ему нужны. Возможно, удастся договорить о покупке седел для нашего полка, а это хорошие суммы, лошадей у нас много. Что еще? Сувениры? Книги? Оружие? А затем я понял, чем можно ему угодить. — Я не знаю, как дальше пойдет твоя и моя жизнь, но вот что скажу — если все сложится хорошо, что скажешь о поездке в Петербург?

В глазах пуштуна промелькнула радость. Он услышал то, что хотел. Я угадал. Понятное дело, если он захочет путешествовать, то может обойтись и без меня. Но все же, когда у тебя есть надежный и проверенный товарищ из той страны, куда ты мечтаешь отправиться, все становится куда проще.

— Твои слова доставили радость моему сердцу, — сказал он.

Скрепляя наш уговор и, как я надеялся, будущую дружбу, мы пожали друг другу руки и

выпили вина.

Скобелев с вопросами о купце меня не донимал. Он лишь спросил, как прошел разговор. И услышав мое «хорошо», перевел беседу на другую тему. Я не стал просить его о молчании — он и так ничего лишнего никому не скажет. В разведке болтливость оборачивается тем, что человек, который тебе доверяет, может лишиться головы. И подобная мотивация действует самым лучшим образом.

Первым Красноводск покинул Ариан Хан, отправившись, как и было обговорено, в Хиву. Я провел с ним не один час, разъясняя, что конкретно меня интересует и на что следует обращать особое внимание. При этом я чувствовал воодушевление. Еще бы, наконец-то у меня появился первый агент, Большая Игра продолжается! Я в деле, впереди много интересного, а главное полезного для моей Родины.

Через месяц после того, как мы со Скобелевым вернулись из рейда, Красноводск покинул и я — меня отзывали обратно в Ташкент.

— Приятно было познакомиться с вами, Михаил Сергеевич. Уверен, оставшиеся здесь товарищи будут рады вновь приветствовать вас в своем скромном обществе, — так на прощание сказал полковник Столетов. Он и прочие офицеры устроили в честь моего отъезда небольшую пирушку.

Полковник выглядел озабоченно и нервно, готовясь сдавать дела и отправляться принимать под командование 112-й пехотный Уральский полк. Сюда, на его место, уже вызвали полковника Маркозова.

На причал меня проводил Скобелев. Выглядел он задумчиво, что-то его тяготило.

— Что с тобой, Миша? — поинтересовался я, глядя как Архип по сходням заносит на борт парохода наши вещи.

— Ничего такого, о чем стоит говорить в такой день.

— И все же скажи.

— Будь по-твоему. Я на днях самовольно вскрыл секретный пакет и просмотрел план предстоящей операции против Хивы. Ничего такого, я же не предатель какой, просто хотел лучше разобраться в сложившейся обстановке.

— И что дальше? — на самом деле, то, что сделал друг, можно расценить по-разному. И как что-то серьезное, и как заурядный пустяк. Чего в жизни не бывает? Вот только зачем ему потребовалось вскрывать секретные бумаги? А просто так, характер такой у человека. И ничего не докажешь, главное.

— Думал, все образумится, но сегодня утром меня вызвал полковник Столетов и официально заявил, что мне предоставляется десятимесячный отпуск. Похоже, попал я в опалу, как кур в ощиц. И карьере моей конец. Так что жду парохода, через Астрахань поплыву по Волге-матушке, заеду в свое родовое имение Заборова, отдохну там малость, а оттуда в столицу.

— Еще ничего не ясно, не стоит унывать, — я положил руку ему на плечо. Жаль, но я не помнил, были ли подобные детали в известной мне биографии Скобелева. Я просто не интересовался настолько незначительными подробностями. Но неужели они способны повлиять на судьбу будущего Белого генерала? Почему-то я твердо верил, что — нет, не способны. — Мы еще с тобой повоюем!

— Дай Бог, — Скобелев перекрестился, повернувшись к виднеющейся вдали церквушки.

— Миша, плохо, что ты мне об этом так поздно сказал. Я вот о чем подумал... В Петербурге учится моя сестра, Полина, — на самом деле, за время похода, в лазарете, да и

потом, неся службу, мы со Скобелевым много рассказывали друг другу о своих семьях и друзьях. И я в красках описывал многочисленные достоинства Полины. Имелась у меня одна мысль, а там как получится. И вот сейчас все очень неплохо складывалось.

— Ты говорил, что она красавица и большая умница.

— Так и есть. Купи и передай ей от меня подарки — шелковую шаль, сушеные фрукты, какую-нибудь восточную безделушку, отрез бархата или атласа. Сам видишь, я не успеваю. Вот, возьми деньги, думаю, ста рублей хватит, — я полез в карман.

— Вздор! И не думай даже! Ты — гусар, думать вам только по службе положено, — он засмеялся и схватил меня за руку. — Я сам все куплю. И денег мне твоих не надо.

— Я запомню. Значит, при следующей встрече приглашаю тебя в ресторан. Спасибо, Миша!

Мы расстались. Моя командировка в Красноводск закончилась. Если так подумать, она принесла много полезного.

Ярым-паша* — уважительное прозвище в Средней Азии генерал-губернатора Кауфмана.

Обратно в Ташкент добирались по уже знакомому маршруту. Пекло немилосердно. Пароход доставил нас до форта Александровский, где два дня мы ждали проводника. Им снова оказался знакомый туркмен Бяшин.

— О, хорошо, я вновь поведу вас к Аралу, — только и сказал он.

Во время перехода через пески никто не пытался нас убить, так что этот отрезок ничем не запомнился.

В Ак-булаке все также командовал хорунжий Выстегин. Его жизнь за минувшее время никак не изменилась, была серой и скудной на новости, так что мне он обрадовался. Дождаясь очередного парохода, я потчевал его рассказами о жизни в Ташкенте. В такие моменты отчетливо понимаешь, как же мало надо человеку для счастья. Одичавшему в глухой дыре Выстегину Ташкент казался чуть ли не раем на земле, вершиной цивилизации. Он бы, ни на минуту не задумываясь, с превеликим удовольствием перевелся туда служить.

Наконец, пароход прибыл, привезя письма, патроны, трех новых коней и какие-то грузы. Судно оказалось прежним — «Аралом», однако командовал им капитан Ферзин.

— А где же Павел Павлович? — поинтересовался я, когда мы познакомились и отплыли от берега, сопровождаемые унылыми взглядами казаков Выстегина.

— Плохи дела Крузенштерна, — вздохнул Ферзин. — На Сырдарье затонул пароход «Самарканд». Павел хотел ехать домой лечиться, но в последний день все отменил и целых семнадцать суток по пояс в воде он руководил подъёмом парохода, будь тот неладен. В общем, сильно заболел наш Павлуша. Доктор сказал, что здоровье его пошатнулось непоправимо. Он же его на Севере и так до ручки довёл.

— И где теперь Крузенштерн?

— Домой отправился, в родное имение. Бледный до синевы, легкие едва дышат, сил нет. Дай Бог, чтобы выжил.

— Дай Бог, — задумчиво повторил я. Да, служба наша бывает к людям безжалостна. Особенно если ты путешествуешь в голод и холод по таким местам, как Карское море.

Изготовленный в Ливерпуле пароход доставил нас в Казалинск и уже оттуда, посуху, как и полагается гусарам, выдвинулись на Ташкент. В город въехали в первых числах августа.

Рапорт мой принимали последовательно генерал Головачев, полковник Оффенберг, а затем и Шауфус. Он, как разведчик, долго задавал различные вопросы, касающиеся нашей специфической службы. Подумав, я не стал ему ничего рассказывать про Ариан Ахад Хана. Еще неизвестно, доберется ли тот до Ташкента и что вообще получится из нашего сотрудничества. А то неудобно может выйти — расскажешь про агента, а тот возьмет и пропадет.

В тот же вечер, после бани и короткого отдыха, меня пригласили в офицерский клуб нашего полка.

— Ну, Мишель, готовься! Сегодня тебе придется пить, аки конь на водопое! — приобняв меня за плечи, радостно сообщил Некрасов.

Как оказалось, повод действительно оказался весьма весомым. Причем двойной. К тому времени Кауфман получил рапорт Столетова о нашей со Скобелевым разведке. Генерал-губернатор отнесся к нему благосклонно. А учитывая схватку, потерю трех казаков, Горохова и проводников-туркменов, да и мою рану до общего счета, нас решили отметить. Скобелева

награда найдет дома, а мне же Оффенберг торжественно вручил орден Святой Анны 3-й степени. Да и мое представление на Снегирева не осталось незамеченным. Его наградили 4-м Георгием при всем эскадроне, так что теперь он георгиевский кавалер.

Народу собралось много. Возглавлял общество специально приглашенный генерал Головачев. Незаметный Шауфус стоял у дальней стены, рядом с колонной.

— За «Дело у Сарыкамыша» и блестяще проведенную разведывательную операцию я с гордостью вручаю вам, Михаил Сергеевич, сей славный орден! — хорошо поставленным голосом генерал Головачев поздравил меня с наградой.

На этом церемония не закончилась. Там же, при всех, Головачев поздравил меня с очередным воинским званием — ротмистром. То, что я получу его, новостью для меня не стало. Считать гусары умеют. Предыдущие звание мне дали три года назад, в день, когда мы пленили эмира Музаффара.

Так что ротмистром я стал вполне заслуженно, по сроку выслуги. И не сказать, что слишком рано. В сентябре мне исполнится двадцать пять. В таком возрасте многие, особенно тем, кому везет по жизни, или у кого есть протекция, достигают схожих, или даже более высоких результатов. Вон, Олив Сергей, моя «дядя» по Старой Школе, будучи старше меня, год назад так же получил аналогичный чин.

— Ура! Ура! Ура! — троекратно прокричали товарищи. Поднялся радостный шум. Послышались хлопки открываемого шампанского.

— Поздравляем! Храбрец! Молодец! — товарищи со всех сторон окружили меня, протягивая наполненные бокалы. Чтобы никого не обидеть, пришлось выпить с каждым.

Сразу после этого переместились в главный зал, мы называли его бальным, так как здесь постоянно устраивались танцы. Играла музыка, у буфета застыли вышколенные слуги. Пахло духами, табаком и сладостями. Гостей прибавилось. В основном, конечно, здесь присутствовали офицеры Александрийских гусар, но так же пригласили более дюжины товарищей из других полков. Дамы не могли и не хотели пропускать очередной праздник, прибыв в полном составе. Оделись они, как на парад. Сверкали украшения, дорогие ткани, веера всевозможных расцветок и видов. Почетными гостями оказались две женщины, супруги Кауфмана и Головачева, Юлия Морицовна и Евгения Романовна. Но главной дамой, взявшей на себя организационные функции по праву, так сказать, хозяйки, являлась жена барона Оффенберга, Елизавета Павловна. Дамой она была высокой, белокурой, веселой, но не особо красивой. Её окружала целая стайка полковых жен, сестер и племянниц, некоторые из которых были очень даже ничего.

Бал состоялся не из-за моей скромной персоны, а являлся вполне заурядным субботним явлением в офицерском клубе. У Туркестанского батальона и других подразделений проводились точно такие же мероприятия с такой же частотой. Так что веселые гуляки могли за вечер и ночь посетить пять-шесть различных мест и основательно упиться.

— Расскажи нам уже что-нибудь о своем друге, поручике Ржевском. В каком он, кстати, полку? — спросил меня Тельнов. Товарищи не первый год пытались вызнать место службы столь славного гусара. Больше того, до меня дошли слухи, что они наводили справки. Гусарских полков в России не так уж и много, все наперечет. А офицеры друг друга знают. Самое забавное, что Ржевских в настоящее время нашлось целых двое.

— Он в 11-м Изюмском, — закричал кто-то.

— Нет, в Ахтырском, — уверенно перебил его Некрасов. — Я знаю, проверил.

Действительно, именно в этих полках и числятся Ржевские. Вот будет забавно, если из-

за моих анекдотов они вызовут меня на дуэль.

— Нет, господа, вы оба неправы. Мой друг служит в ином подразделение. Но это тайна, покрытая первобытным мраком.

— Да будет тебе, рассказывай лучше анекдот, — со смехом ткнул меня в бок Андрияша. Тельнов шумно фыркнул.

— История, в сущности, совершенно безобидная, — я покосился в сторону заинтересовавшихся дам. При них наш казарменный юмор следовало стреножить, и воли ему не давать. Так что историю пришлось выбрать нейтральную и не особо пикантную. — Поручик Ржевских решил повысить свой культурный уровень, для чего прочитал книгу об этикете. Там описывались правила хорошего тона в беседах с дамами. И даны примеры разговоров: о погоде, о животных, и о музыке. И вот, совершая вечернюю прогулку, поручик увидел знакомую барышню с болонкой. Подойдя, он, не говоря дурного слова, пнул песика сапогом, а потом, начиная светский разговор, задумчиво заметил: — Низко полетела ваша собачка, видать к дождю, да и на увертюру Моцарта ее завывания не похожи.

Анекдот оказался простеньким, но гусары дружно рассмеялись. А вот дамы к коротенькой истории отнеслись более сдержанно, не всем она понравилась.

Придворные балы всегда открывали полонезом. Но это танец официальный, долгий и немного торжественный. На частных, как сейчас, балах, вполне можно начать с вальса. Так мы и сделали. Руководил процессом князь Ухтомский, прекрасно знающий протокол и уверенным тоном отдающий приказы музыкантам и гостям.

Танцевали немецкий вальс в три па, он более спокойный, чем французский или венгерский. Затем шли кадрили и полька.

Не особо жалующие танцы офицеры начали расходиться. Картежники принялись расписывать вист и бридж, а из бильярдной послышался стук шаров. Я же, как в некоем роде именинник, вынужден был танцевать с дамами. Неплохо, конечно, но весьма скучно, так как все эти танцы никакого продолжения не имели. Мы просто развлекали женщин, вот и всё.

— А не поехать ли нам к модисткам? — где то ближе к полуночи предложил порядочно подвыпивший Андрияша. Он только что выиграл пари, срубив с одного удара саблей огонек на свече, не потревожив самой свечи, и потому чувствовал себя великолепно.

— Едем! Немедленно! По коням! — раздались громкие крики.

У гусар слово никогда не расходится с делом, так что все немедленно выдвинулись. Помню, как веселились в ресторации «Шах», как катались по городу на пролетках с гитарами, цыганами и барышнями легкого поведения. У какой-то рожи палили из револьверов по подкинутым бутылкам, играли в фанты с дамами, целовались, жгли костры, жарили колбасу, готовили жженку и пили на брудершафт. Весело было. Князь Ухтомский метко характеризовал подобное времяпровождение термином «изысканное свинство».

Началась ежедневная рутина. В каждом эскадроне по штату полагался один командир в чине ротмистра. В первом таким выступал Эрнест Костенко, и места для меня не оставалось. Но зато появилась вакансия в четвертом, командиром которого меня и назначили.

Ранее командовал им Самохин, заядлый коллекционер трубок и портсигаров. Получив приличное наследство, он решил со службой покончить, и таким образом место освободилось.

Офицеры в четвертом эскадроне подобрались славные: штабс-ротмистр Егор Егоров, поручики Георгий Рут и Александр Дворцов, а так же корнет Людвиг Фальк. Он происходил из прибалтийских немцев, а его фамилия переводилась как Сокол. Мы с ним, считай,

оказались тезками.

Мой эскадрон насчитывал сто двадцать восемь сабель, включая офицеров, и делился на четыре взвода. Связь между офицерами и рядовыми гусарами помогали поддерживать два старших вахмистра, вахмистры и унтер-офицеры, командиры взводов. Они считались «гусарской аристократией», их отношения между собой основывались на «политике». Сколько бы ни были дружные или задушевные отношения между ними, при людях они всегда говорят друг другу «вы», обращаясь по имени-отчеству. Так у них проявляется взаимное уважение и почет к званию унтер-офицера. Люди они все солидные, надежные, проверенные, «дурости» никогда не позволяющие. Так что и к себе, и к другим членам «аристократии» Александрийских гусар отношение у них сугубо трепетное. Насмешки в свой адрес или в отношении прочих унтеров они никогда не потерпят. Традиция такова, что если сегодня в унтера произведут какого-нибудь рядового, которого вчера все без исключения «тыкали», то с нового дня вахмистры и прочие начинают говорить ему «вы». И если какой нижний чин забывался и обращался по старому, то тут же ему давали в морду или по спине — мол, не балуй, блюди «линию».

Никакие офицеры никогда не влезали в эту «политику», вахмистры и унтера сами все устраивали в лучшем виде. Помощь им не требовалась.

Двух старших вахмистров звали Андрей Васильевич Холопов и Карп Макарович Чистяков. Оба они брили бороды, но отрастили длинные усы, а вид имели такой лихой и одновременно разбойничий, что и не ясно с первого раза, что с такими «героическими» кавалеристами делать — награждать или в тюрьму сажать, ибо люди с подобными лицами не могут не быть в чем-либо виноватыми. Но Голиаф и Леший, как их прозвали за свирепый нрав и грозный вид, были гусарами справными и честными. За полк и государя Императора они жизнь готовы были отдать, а то, что на марше к ним в походный мешок мог совершенно случайно запрыгнуть петух или поросенок, так то дело житейское, с кем не бывает?

Когда ничего не происходит, служба гусар может выглядеть достаточно серой. Единственное, что ее как-то скрашивало, так это выходы в город и субботние офицерские собрания, на которых приглашали полковых жен.

Хотя, мне скучать не приходилось. Если так разобраться, то свободного времени вообще оставалось крайне мало. И большая часть его уходила на эскадрон. Только сейчас, получив под командование сто тридцать человек и вдвое больше лошадей, я до конца осознал, как же непросто ими управлять. Уверенности мне хватало, но вот различные ежедневные организационные трудности буквально душили. Пришлось решать сотни постоянно возникающих вопросов: получать на эскадрон казенные деньги и отчитываться за каждую копейку, закупать сено и овес, разбираться с подсунувшими плохую упряжь интендантами, искать уголь для кузни, контролировать общий котел и отпускаемые на него продукты, следить за внешним видом людей и скакунов, пресекать слишком жестокое обращение с нижними чинами, проводить разъяснительные работы, ругаться по поводу неподходящих условий проживания, проверять оружие... Кроме того, я был обязан проводить маневры, строевые и огневые тренировки, наказывать провинившихся и поощрять отличившихся.

В городе находилось несколько трактиров и пивнушек, куда частенько заходили свободные от службы нижние чины. Там они выпивали, и, как водится, иной раз выясняли отношения с представителями других полков. Гусар был так обучен, что за родной мундир дрался, как сапер Водичка из небезызвестного романа, который Гашек еще не написал. Приходилось защищать их от полицейских посягательств, вытаскивать из кутузок и

договариваться с мировыми судьями. Причем прилюдно я обещал спустить на них всех собак, но добравшись до казарм, неизменно хвалил, если драка закончилась победой «наших». В сущности, гусарам из нижних чинов не прощали лишь трусости, воровства, предательства и обмана. На все остальное смотрели сквозь пальцы. Некоторые офицеры так вообще, всячески мотивировали своих, чтобы те дрались, как звери.

— Гусар, который не может защитить честь полкового мундира и позволяет себя избить, как последнего ямщика, больше похож на дерьмо, чем на славного кавалериста! Разбили тебе морду, и ты разбей, но не вздумай отступить, сукин сын! — примерно так выражался подполковник Тельнов. Прочие ротмистры полностью поддерживали данную политику, но прилюдно, разумеется, ее ругали.

Вот такие обязанности. И это лишь малая часть, верхушка айсберга.

Понятное дело, кроме меня, в эскадроне насчитывалось еще четыре офицера, да и унтеры оказались людьми опытными. Вот только пока я основательно вник в различные мелочи, пока заставил каждого ответственно выполнять свою службу, с меня семь потов сошло.

Уже зная, что будет увольняться, ротмистр Самохин в последние месяцы к своим обязанностям относился, мягко говоря, наплевательски. А расхлебывать пришлось мне. Я поздно приходил на квартиру и рано уходил, осунулся и похудел.

— Вот поэтому я и не тороплюсь получать ротмистра, — заметил Некрасов, видя мои мучения. Он был старше, я обогнал его в чине, но зависти это не вызвало. Наоборот, Андрей выказывал сочувствие и готовность помочь. А чем он поможет, будучи в другом эскадроне? Друг подал рапорт, чтоб его перевели ко мне, но барон Оффенберг отказался его подписывать. Да и ротмистру Костенко совершенно не хотелось отпускать от себя толкового и проверенного помощника.

Любопытно, но должность командира эскадрона, как и заведующего полковым хозяйством, давала ряд неоспоримых преимуществ. В частности, доступ к казенным деньгам подразумевал возможность жить обеспеченной и сытой жизнью. Нет, разговор не шел о банальном и низком казнокрадстве, тебя бы не поняли свои же товарищи. Да, кое-какие «щероховатости» имелись и у нас, но честь мундира и мораль старались поддерживать всеми доступными способами.

Возможно, я и идеализировал родной полк, но у нас неприятных историй не случалось уже лет десять. Но дело тут в ином. В месяц нижним чинам полагалось определенное, строго выверенное количество продуктов, формы, одеял и всего прочего. Да и на каждую лошадь велся счет овса, сена, подков и деталей упряжи, включая попоны, стремяна, уздечки... Амуницию, оружие и патроны выдавали интенданты. Все прочее покупать полагалось командиру эскадрона по закупочным ценам, установленным в данной местности. Вот только цены часто «плавали», в зависимости от сезона, неурожая и прочих факторов. Осенью все было дешевле, а зимой и в начале весны — дороже.

Нюанс заключался в том, что предприимчивый и энергичный командир может так наладить дело, что и эскадрон его катается, как сыр в масле, и сам он всегда при деньгах. Для этого лишь следовало меньше тратить время на себя, а больше перемещаться по округе и находить нужных людей, готовых дать скидку на свой товар.

Эх, раньше я о таком мог только мечтать! Когда у меня в Чугуеве не хватало денег на самые необходимые вещи, когда я постоянно перезанимал, подобное выглядело чуть ли не как манна небесная. А сейчас, учитывая, как успешно продвигались дела «Державы» и

солидную долю в железной дороге, поиск денег на хлеб насущный потеря всю свою актуальность. Теперь я просто старался честно выполнять свои обязанности, не тратя лишнее время на различные интересные возможности.

Получив эскадрон, я стал командиром тактической единицы. Таких в Российской армии без счета. В чем-то он был лучше, в чем-то хуже других подобных подразделений. Учитывая статус Александрийских гусар, он мог считаться элитным кавалерийским эскадронам, хотя настоящей элитой называли себя гвардейские полки.

Но мне хотелось большего, хотелось сделать эскадрон эталонным, таким, на кого равняются и берут пример. И сразу же стало ясно, что начинать стоило с двух аспектов: фехтования и стрелкового дела. В седле гусары и так сидели хорошо, да и выправка у них блестящая, так что на эти детали можно было не отвлекаться.

Четвертый эскадрон стоял в Ташкенте. Мы с Некрасовым продолжали снимать общую квартиру и виделись ежедневно. Правда, через неделю Андрей взял длительный отпуск и укатил в Москву, а я начал прикидывать различные варианты, как можно поднять боеспособность эскадрона.

* * *

Практически всю неделю, за исключением воскресенья, студентки Мариинского женского института вставали в шесть утра. Нынешняя суббота не стала исключением.

Наступил очередной сентябрь. За окнами угасали последние солнечные деньки. Полина Соколова с грустью вспоминала прошедшее лето, родителей и родную усадьбу, откуда приехала четыре дня назад.

В спальнях еще не топили. Полина проснулась, оглядела длинные ряды кроватей под одинаковыми одеялами, уютно посапывающих подруг, зевнула и задумалась. Начался очередной учебный год. Что он принесет? Какие изменения могут произойти в ее жизни, или все будет так же благопристойно и скучно, как и раньше? Два прекрасных месяца летних каникул пролетели незаметно, она встретила с отцом, мамочкой и Митькой, но теперь вновь настала пора учебы. Каникулы начнутся не скоро, на Рождественские праздники, а до них еще нужно дожить. Было бы здорово зимой увидеться с Михаилом, если он, конечно, возьмет отпуск и приедет в Петербург.

Особо раздумывать девушке не дали. В спальню вошла горничная и строгим голосом объявила подъем. Сразу же поднялась суэта, шум, вызванные нахождением в одном помещении трех десятков молодых и веселых девушек.

В баню институтки ходили по субботам, а каждое утро умывались прохладной водой, раздевшись по пояс. В умывальных комнатах смех и громкие голоса лишь усилились. Девушки разбились на небольшие группы, обмениваясь последними слухами, словно не виделись целую вечность и пересказывая недавние сны.

Студентки всех классов в институте делились на парфеток и мовешек. Оба слова происходили из французского языка. Первое обозначало «совершенная», а второе «дурная».

Строгая иерархия класса складывалась в зависимости от красоты, социального статуса и успехов в учебе. Девушки часто обсуждали друг друга, выстраивая отношения и отводя каждой положенное ей место.

В классе Соколовой блистала Ирина Арбенева. Из дворянского рода, богатая и

эффектная, с живым умом и насмешливым характером, она с первых дней заняла лидирующие позиции, и уступать их никому не собиралась. Как и каждую парфетку, ее окружала свита из верных мовешек, готовых выполнить практически любую просьбу.

— Сегодня ко мне приезжает маман, — заметила Арбенева. Слово «маман» она произнесла с французским проносом. — Мы отправимся в город. Кому что прикупить?

— Мне ленты, Ирина. Синие и красные.

— А мне, если можно, конфет, — тут же откликнулись ее мовешки.

У дальней стены расположилась еще одна компания во главе с Софи Буссе. Чувственная кареглазая брюнетка пользовалась общим уважением, но не симпатией или любовью. Про нее насмешливо говорили, что Софи в совершенстве освоила умение падать в обморок в самый нужный момент.

Полина в чужие разговоры не вмешивалась. Класс официально утвердил наличие четырех парфеток. Она, хоть и относилась к их числу, имела более низкий статус, чем у Арбеновой и Буссе.

Завтрак был скудным, впрочем, как и всегда: сладкий чай и булки с маслом. Старшие девушки одевались в строгие темно-синие платья и передники. Они сидели за столами ровными рядами, по которым можно было ровнять линейку. Те, кто учился на первых двух курсах, носили платья коричневого цвета. Это как бы символизировало, что им еще многому предстоит научиться, поднимаясь от «земли» к «небесам» в познаниях и добродетелях.

После завтрака начались уроки. В субботний день они продолжались до обеда. Первым предметом в их классе стояли танцы, затем французский язык и уж после риторика.

— Достоинство всякого человека состоит в честном исполнении своего долга, — со значением произнесла Ольга Евграфовна Лориц, оглядывая класс поверх очков. Все девушки прекрасно выучили данный взгляд. Он обозначал, что их учитель готов перейти к серьезным вопросам. Например, предложить очередную тему для урока. Так оно и произошло. — Тема сегодняшнего сочинения звучит так: риторика Аристотеля и ее краткая характеристика. Можете приступать.

Классная дама неторопливо, с достоинством и красивым почерком написала тему сочинения на доске. Тридцать две девушки вздохнули и принялись за работу. Урок продолжался пятьдесят пять минут, и за это время требовалось полностью раскрыть тему. Причем написать сочинение каллиграфическим почерком, без помарок и клякс — они так же влияли на итоговую оценку.

Обед проходил в час после полудня. Подавали жидкий овощной суп без мяса, отварную говядину и пирожок. Соня Дурова вновь провинилась. В качестве наказания ее приказали снять передник, заменив его более грубым и некрасивым. А кушала она у так называемого «черного стола». Там не было стульев и провинившихся таким образом выставляли на всеобщее обозрение. Четыре девицы с разных классов стояли вокруг стола и старательно делали вид, что их совершенно не волнуют перешептывания более дисциплинированных подруг.

В прошлом Полина успела два раза прочувствовать на себе подобное наказание.

— Бедная Сонечка, — тихо, наклонившись к уху, заметила Лиза, лучшая подруга в институте. — И что ей так не везет?

— Дурова, бедняжка, полностью оправдывает свою фамилию. Если она и дальше будет себя вести, как дурочка, то чего же еще ждать от судьбы? — с другой стороны наклонилась Серафима. — Ей надо поумнеть. Глядишь, и меньше в неприятности будет попадать.

День прошел незаметно. Тех, кто как Арбенева, получили разрешение на выход в город и у кого имелись близкие родственники, с кем можно выйти на такую прогулку, вернулись в институт, полные новых впечатлений. Все прочие занимались разрешенными в свободное время делами — читали, музицировали, рисовали, вышивали, писали стихи или письма родным.

После бани с парилкой, где их хлестали вениками две дюжие банщицы, девушки строем прошли на ужин. Овощной салат, гречневая каша с котлеткой и чай с пирожным по случаю выходного дня, вот и весь скудный *dîner*.*

Затем все сидели в гостиной и отдыхали, негромко переговариваясь. Поначалу разучивали модный в последний год вальс Йоганна Штрауса «Сказки Венского леса». Передохнув, классная дама попросила Марию Обухову почитать собравшимся главы из «Ивангоэ» Вальтера Скотта. Книга нравилась всем без исключения, а история любви рыцаря и его прекрасной дамы вызывала неизменный отклик в сердцах.

Когда окончательно стемнело, девушки умылись, разошлись по спальням и принялись готовиться ко сну. Едва гасли светильники, наставало время «жутких» рассказов о белых дамах, черных рыцарях и отрубленных руках. Тем более, по легенде, в стенах их института некогда замуровали какую-то знатную даму. Чем старше девушки становились, тем реже среди них можно было встретить тех, кто верил в подобные глупости. Но раньше многие воспринимали эту легенду всерьез и даже утверждали, что собственными глазами видели привидение Несчастной Дамы.

И конечно, до утра говорили о любви и о будущих мужьях, забираясь в одну кровать и укрывшись одеялами. Это были часы, когда девушки делились самым сокровенным, мечтами и надеждами на жизнь.

В Петербурге и других городах России их называли «институтками», вкладывая в слово не совсем приятный смысл. Дескать, институтки крайне наивные, субтильные и экзальтированные дамочки с осиной талией, которые не разбираются во многих элементарных вещах и постоянно витают в облаках, обладая к тому же, слабым здоровьем.

Полина не знала, так ли обстоит дело во всех институтах, но в Мариинском хватало и глупышек, и вредин. В их стенах ходил анекдот, как тридцать лет назад, когда нравы были куда строже, некто Ирина Воронцова, после того, как на одном из балов ее пригласили на мазурку, с чего-то решила, что это предварительное сватовство, за которым должно последовать официальное предложение. Естественно, предложения не последовало, и девушка едва не залезла в петлю от отчаяния и поруганной чести — как она считала. Затем она одумалась и обратилась к своему брату офицеру, умоляя его вызвать танцевавшего с ней мазурку кавалера на дуэль.

Имелись и другие истории, когда институтки считали, что те, кто делает им предложения и по каким-то причинам получает отказ, должны непременно застрелиться.

Сейчас подобное вызывало лишь улыбку, но по рассказам мамы ранее аналогичные случаи происходили не так уж и редко.

Полина не считала себя искусенной в жизни, но и глупышкой никогда бы назвала. Как ни странно, ей сильно помог и продолжал помогать ее брат Михаил.

Он много ей всего рассказывал, а некоторые его истории едва ли не вгоняли ее в краску. Но зато он смог подготовить её к взрослой жизни и она уже не краснела, как многие другие, при слове «страстный поцелуй», встреченный в стихах или романах.

Обучаясь в институте, девушки имели возможность обмениваться письмами с

родственниками. Но письма подвергались цензуре. То, что они писали, и то, что получали, просматривала их классная дама. Так что Михаил, зная о подобных порядках, ничего лишнего себе не позволял. Но родным он присылал более подробные рассказы о своих веселых приключениях. Уезжая домой на Рождество или летом, Полина имела возможность читать их без цензуры.

Девушки имели право покидать Мариинский институт лишь на каникулах или в выходные дни, при обязательном сопровождении кого-то из близких родственников, отца, мамы, старшей сестры или брата. Ранее, когда Михаил учился в Академии, Полина с огромной радостью пользовалась подобным шансом, не пропустив ни одного раза, когда брат куда-то ее приглашал.

Надо было видеть, какими глазами смотрят на Михаила её подруги, когда он, молодой гусарский офицер в безукоризненной форме, заходил за ней в институт. Брат понимал, что за ними наблюдают десятки глаз, а потому и вел себя соответствующе. Он неторопливо открывал перед ней двери, подавал руку на ступеньках и торжественно выводил на улицу. А по возвращению подруги закидывали ее бесчисленными вопросами о Михаиле — где он служит, помолвлен ли с кем-то и есть ли у него любовь.

Замечательное было время! Они с братом могли посетить ресторан или кафе и как следует покушать — все же кормили их плохо и большинство девушек часто чувствовали голод. А еще они гуляли по улицам, заходили в магазины, церкви или посещали Хмелевых.

Но после того, как Михаил закончил Академию и уехал обратно в Ташкент, такие прогулки закончились. Полина начала тосковать. Их класс раз в месяц выходил на общий мотон по Таврическому саду. Выходил в сопровождении классной дамы, нескольких горничных и швейцара, разгоняющих всех встречных по дороге. Подобное мероприятие, хоть потом о нем и говорили четыре недели, служило слабой отдушиной. Большинству девушек было скучно и тяжело жить взаперти.

Два раза Полину посетила Екатерина Крицкая и три раза семья Хмелёвых. Беседы происходили в институтской гостиной и давали хоть какой-то глоток свежего воздуха.

— Полина Соколова! К вам гость. Офицер, он дожидается вас в гостиной, — в воскресенье, после обеда сообщила ей классная дама.

— И кто же этот офицер, Ольга Евграфовна? — удивилась Соколова. Сердце ее забилось чуть быстрее — она никого не ждала.

— Некто штабс-ротмистр Скобелев. Молодой офицер, мы не хотели его пускать, но он каким-то образом сумел убедить нашу Марию Сергеевну. Сказал, что служил с вашим братом и привез от него весточку. Вы его примете?

— Конечно! — тщательно скрывая волнение, ответила девушка. Убедить в чем-либо Марию Сергеевну Ольхину, директрису Мариинского института, было той еще задачей. Строгая и властная, она руководила вверенным ей учреждением со всем надлежащим достоинством. И если позволила незнакомому офицеру встретиться с одной из учениц, значит либо гость оказался на удивление настойчив, либо принесенные им вести были весьма важны.

— Тогда извольте переодеться. Жду вас в гостиной.

Чуть ли не бегом Полина бросилась в спальню. Девушкам запрещалось носить в стенах института светские платья, так что она надела школьное, пошитое специально для таких случаев. Подружки-моветки помогли переодеться, закидав целой грудой вопросов о том, кто таков пришедший к ней офицер.

— Я знаю лишь то, что он служит с моим братом Михаилом, — отвечала Полина, торопливо одеваясь. Парадное институтское платье, передник, легкая пелеринка... Туфельки она заменила, надев свои любимые — на низком каблуке, с ремешком и ленточками, которые обвязывались вокруг щиколотки. И хотя ни туфелек, ни тем более ленточек из-под длинного подола платья никто увидеть не мог, девушка чувствовала себя в них уверенней.

Гостиная представляла собой просторную комнату с высокими широкими окнами и начищенным паркетом. Посередине стоял большой круглый стол и стулья. У стены рядом с дверью подпирала потолок выложенная изразцами печь. На противоположной стене висели картины — пейзажи, а так же портреты Императора и Императрицы. В одном из углов находился черный рояль. Низкие диванчики довершали обстановку.

Здесь уже находилось около двух десятка человек — девушки и их гости. Они разбились по кучкам и устроились со всеми удобствами, негромко переговариваясь. За порядком бдительно присматривали две классные дамы и горничная.

— Позвольте представиться, штабс-ротмистр Скобелев, Михаил Дмитриевич, — щелкнул каблуками подтянутый мужчина. Голубые глаза, прямой нос, твердая складка губ и выразительный подбородок сразу же говорили, что перед ней человек храбрый, решительный и образованный. Форма сидела на нем безупречно, с тем неуловимым шиком, которого умудрялись достигать лишь некоторые из офицеров.

— Полина Сергеевна Соколова, — девушка присела в книксен.

— Извините меня великодушно, Полина Сергеевна, что позволил себе встретиться с вами, не будучи заранее представленным, — Скобелев говорил негромко, но уверенно, да и смотрел без всякого стеснения. Разговаривая, он по привычке придерживал саблю левой рукой — Миша делал точно так же. — Дело в том, что мне довелось служить с вашим братом. Вместе с ним мы участвовали в бою. Он стал мне не только боевым товарищем, но и другом.

— С ним же ничего страшного не случилось? — невольно побледнела девушка.

— Совершенно ничего! Он бодр и здоров. Мы попрощались с Михаилом в Красноводске, это небольшой форт на Каспийском море. Он отправился в Ташкент и просил навестить вас и передать гостинцы, — беседуя, они отошли к окну. Девушка ловила на себе внимательные взгляды классных дам, которые следили, чтобы разговор протекал согласно строгому этикету, одновременно контролируя нравственность и добродетель институток.

— Расскажите мне, Михаил Дмитриевич, как вы познакомились с моим братом, и что произошло после.

— Охотно, — Скобелев улыбнулся. Говорил он легко. С его слов девушка поняла, что участвуя в очередном разведывательном рейде, они далеко продвинулись в пески Каракумов и там встретились с хивинцами. Завязался бой, они победили, а Михаил получил легкое ранение. А вообще, русские офицеры занимались, в общем-то, вполне заурядными и совсем не опасными делами. Михаил уже полностью выздоровел, так что и говорить здесь не о чем.

Полина уже знала подобный тон. Брат примерно так и описывал гусарские будни. С его слов выходило, что воевать в Средней Азии легче легкого, а если там кого и убивают, то лишь случайно или по небрежности.

Скобелев в красках описал переход по пустыне, схватку и возвращение домой.

— Ваш брат получил маленький шрам, но с ним он стал даже лучше, — закончил гость. При этом офицер смотрел на нее так внимательно, что девушка опустила глаза, скрывая неловкость. — Для вас он просил передать гостинцы — изюм, восточные сладости,

«кяхтинский» зеленый чай, отрез шелка и все в таком же духе. Я не стал брать их с собой, зная ваши строгие правила. Но, может, я был не прав? — поинтересовался Скобелев.

— Нет, вы поступили правильно, — невольно скосив глаза на классных дам, заметила Полина. В институте не позволялось приносить гостинцы и ничего из съестного. Считалось, что подобное расслабляет девиц и нарушает дисциплину. К тому же, хранимая в тумбочках еда привлекала тараканов и мышей. — Но я не могу принять столь щедрые подарки.

— Вздор, Полина Сергеевна! Подарки не мои, их вам ваш брат просил передать. Я не потратился ни на копейку, просто по пути завез, вот и все.

— Хорошо, ваше объяснение позволяет мне принять подарки от брата, — подумав, согласилась Соколова, тщательно скрывая радость. Миша часто ее баловал, а его «восточные» сладости вызывали неизменное восхищение прочих девушек. Подобное не значило, что остальные институтки не находили возможности побаловать себя чем-то вкусненьким. Следовало лишь дать гувернантки гривенник и та доставит все, что требуется. В разумных пределах, естественно. Но все же, гостинцы от брата стояли особняком, в них присутствовал особый, непередаваемый колорит.

— Так как же лучше сделать? — поинтересовался Скобелев. — И прошу простить меня, что добирался до вас так долго. К сожалению, пришлось задержаться в родном имении на два месяца, улаживая семейные дела.

— Вам не за что просить прощение, Михаил Дмитриевич. Напротив, это мне стоит быть вам благодарной за подобный знак внимания, — девушка сложила руки перед собой. — Вы наверняка знаете, что я не могу выходить из института, да и послать мне некого. Так что с гостинцами придется подождать до зимы.

— Даже не думайте! Столько ждать и ради чего? Я принесу их вам через неделю. Условимся встретиться здесь же, в субботу.

— Вас ко мне больше не пустят, — заметила Полина. — Пускают лишь близких родственников. Вам и так пошли навстречу.

— Пустят, никуда не денутся, — уверенно, ничуть не сомневаясь, заметил штабс-ротмистр. Было видно, что трудностями его не смутить. — Вот что, Полина Сергеевна, скажите, что еще я могу для вас сделать?

— Благодарю, но мне больше ничего не требуется, — твердо ответила девушка, опуская глаза. Ей показалось, что гость смотрит на нее слишком пристально, и она невольно покраснела, молясь, чтобы классные дамы ничего не увидели и не стали критиковать за слишком свободное поведение.

Некоторое время Полина пыталась поддерживать разговор, не допускать продолжительных пауз. Но беседа с незнакомым человеком всегда оказывается непростой. В разговоре возникали неловкости. Наконец Скобелев откланялся, пожелав всего самого хорошего.

Остаток дня и вечер Полина выглядела задумчивой, тщательно скрывая волнение. Прощальный взгляд Михаила Дмитриевича и его легкий комплимент получились весьма красноречивыми. Она не хотела витать в облаках, но кажется, в ее жизни наметились перемены. Весьма приятные перемены.

Dîner * — ужин, французский язык.

Глава 6

В конце августа Александрийские гусары отмечали полковой праздник. Играл оркестр, звонко трубили горнисты, реяло наше знамя, песенники разливались соловьями, а расположенные в Ташкенте эскадроны шагом проехали по городу, наслаждаясь общим вниманием.

Совершенно незаметно наступило 3 сентября. Мне исполнилось двадцать пять лет. Отмечали в недавно открытой ресторации «Шах». Я пригласил полковых офицеров, их жен и нескольких товарищей из других полков. Жаль, что отсутствовал Алексей Куропаткин. Но он получил штабс-капитана и отправился в Петербург сдавать экзамен в Академию Генерального Штаба.

Было шумно, вино и водка лились рекой. Вот только не все поздравляли меня от чистого сердца. Нашлись и завистники. Как же, такой молодой, а уже ротмистр! К сожалению, человеческая природа не меняется. На мой взгляд, среди офицеров, где подобные качества порицались, культура общения все же на вполне приемлемом уровне. Мы стараемся сдерживать в себе низменные чувства. Но люди оставались людьми, и не каждый находил в себе силы беззаботно улыбаться, видя как тот, кто пришел в полк позже, уже обогнал тебя и по чинам, и по наградам.

А еще появились слухи, что у меня есть влиятельный покровитель из членов Царской Семьи. Я понимал, что рано или поздно так и будет, тайну вечно хранить не получится, но все же надеялся, что подобные разговоры не начнутся еще годик другой.

Конец лета и начало осени расквартированные в Ташкенте полки с нетерпением ожидали вести из Семиреченска. Генерал-лейтенант Колпаковский, который также подчинялся Кауфману, выдвинулся в поход против Илийского султаната, который фактически принадлежал Китаю.

От Ташкента до Семиреченска около семи сотен верст. Достаточно близко на самом деле, до того же Оренбурга, считай, вдвое больше. Так что большинство гусар сетовали, что зря нас туда не отправили. Колпаковский обошелся силами 1-го Туркестанского линейного батальона и Семиреченскими казаками. Победу генерал добыл меньше чем за два месяца. К Российской Империи присоединился внушительный Илийский край. Из прошлой жизни я вообще ни о чем таком не помнил.

Между тем, жизнь в Ташкенте не стояла на месте. Город развивался. Каждый год в нем появлялись новые здания, улицы, мастерские или заводы. Один офицерский клуб Александрийских гусар чего стоил! Закладывались ресторации, магазины, прокладывались новые дороги, практически доделали телеграфную линию. Сюда начали приезжать актерские труппы, лошадиные барышники, предприимчивый люд, бильярдные и карточные шулера. Появлялись салоны, фотографические и часовые мастерские, булочные, кондитерские. Поползли слухи, что через два или три года проведут железную дорогу, хотя Хмелёв ничего подобного не сообщал. Общественность все громче требовала построить театр, ипподром и библиотеку. В Ташкенте даже газета первая появилась. Хотя более верно ее стоило бы обозначить как общественный листок, выходивший два раза в месяц. Его называли «Туркестанские ведомости», а финансировали, издавали и редактировали при канцелярии генерал-губернатора. Там появилась статья о столичном телефоне, и о том, что не худо было бы следовать за общественным прогрессом и организовать его здесь.

Правда, телефон пока выглядел всего лишь мечтой, он ведь даже в Петербурге все еще редкое явление. Телефон, как и телеграф, выглядел очень перспективным направлением. Это связь и развитие страны. И конечно, хорошие доходы. Я бы и телеграфом занялся. Вот только где найти надежных и честных людей? Так что о телеграфе пришлось пока забыть.

Да и личности здесь появлялись интересные. В 1870 г., пока я учился в Академии, в Ташкент проездом заглянул путешественник, географ и натуралист Николай Пржевальский, направляющийся в свою очередную экспедицию, на сей раз в Китай через Кяхту. В настоящее время Пржевальский служит в армии в чине капитана, но уже имеет немалый вес в научной среде и состоит членом Русского Географического общества. Очень обидно, что я с ним до сих пор не знаком.

В октябре 1871 г. в гости к нам пожаловал сам Тургенев. Прием ему устроили впечатляющий, все же писателем он являлся серьезным, и уже вплотную приблизился к всеобщей славе. Тем более, то, как он описал гусар Смерти в своей брошюре о Средней Азии, добавило ему немало симпатии в наших глазах.

Александровские гусары пригласили именитого гостя в ресторацию «Шах» и устроили ему такую встречу, что Ташкент вздрогнул! Естественно, как и каждый уважающий себя писатель, Иван Сергеевич давно научился пить. Но против гусар Смерти известный литератор оказался жидковат, несмотря на более чем солидную внешность. Да что говорить, когда к тебе раз за разом подходят крайне обидчивые офицеры и радушно приглашают на брудершафт, трудно не захмелеть.

Иван Сергеевич сильно опьянел и на очередной вопрос, как он написал такой замечательный очерк, возьми и скажи, что всему виной один офицер, который находится прямо здесь и которого зовут Соколов Михаил. От досады я едва не разбил фужер о пол. И кто его за язык тянул?

Что тут началось!

— Ура, Михаил! — первым ко мне подскочил хмельной Эрнест Костенко, сгреб в охапку и расцеловал. С другой стороны руку жал Самохвалов Илья.

— Bravo! Замечательный курбет! — оценил Тельнов.

— Правильным галопом идешь, Михаил, — одобрил Егоров. Еще несколько человек разразились приветственными выкриками и потребовали шампанского. Присутствующие дамы заинтересовались и засыпали меня градом вопросов — главным образом, почему я оказался таким негодным молчуном и ничего им не рассказал. Но не все разделяли подобный восторг.

— Вы взяли на себя немалую смелость, выступая перед господином Тургеневым от имени всех Бессмертных гусар, — заметил полковник Оффенберг. Он и князь Ухтомский отвели меня в сторону и по праву старших товарищей потребовали объяснений.

— Петр Иванович, так ведь я был один в столице! Вы остались в Ташкенте, советоваться не с кем, но и прекрасный шанс я упустить не смог. И согласитесь, получилось весьма недурно, а?

— Пожалуй, — барон задумчиво покрутил ус.

— И когда, Соколов, вы все успеваете? И воевать с немалой пользой для себя, и Академию заканчивать и книги помогать писать? — заметил Ухтомский. Выражение лица у него было «кислое». Он старался говорить вроде бы в шутку, но я отчетливо слышал недовольство в его голосе. Недовольство и досаду, а может и толику зависти.

— Разве я в чем-то провинился? — голоса я не повышал, но прямо встретил взгляд

князя и шагнул ему навстречу.

— Господа, господа! — полковник Оффенберг так же не страдал глухотой. — Что за разговоры! Нет повода для ссор. Соколов выставил наш полк в весьма выгодном свете. Так что лучше выпьем. Эй, человек, вина! И пьем на брудершафт.

Нас окружили многочисленные полковые дамы и принялись настойчиво мирить. Мы с Ухтомским выпили и остались, как и раньше, боевыми товарищами. Инцидент вроде оказался исчерпан, но я прекрасно понимал, что не все так гладко.

В Ташкенте поселился богатый купец, меценат, собиратель древних рукописей и библиофил Алексей Николаевич Хлудов. Человеком он оказался широкой души, и его дом стал достаточно популярным местом.

Хлудов построил на реке Салар кожевенный завод и широко развернул среднеазиатскую торговлю, отправляя приказчиков на многие сотни верст в разные стороны. Через его руки шли значительные суммы и невероятные объёмы товаров. В таком непростом деле ему помогали четверо сыновей. Один из них, Михаил, прославился тем, что успел побывать в Индии и привез оттуда ручного тигра, с которым прогуливался по городу, водя того на цепи*.

Тигр Забияка, как и вся семья Хлудовых, пользовались большим успехом в городе.

В Ташкенте проживал Джура-бек, бывший владыка Шахрисабса. Его взял в плен генерал Абрамов, привез сюда, а Кауфман дал свободу и позволил заниматься, чем душа пожелает. Бек быстро сблизился с русским обществом и чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Он приобрел вблизи города небольшое поместье и начал собирать старинные восточные рукописи. С ним поддерживал отношения мирза Хаким, представляющий в Ташкенте Кокандского Худояр-хана.

На месте я не сидел и еще до отъезда в Красноводск договорился с писарем в штабе Кауфмана, чтобы он перерисовал мне качественный чертеж полевой кухни. За заказ тот взял двадцать рублей, но и работу сделал на совесть. По возвращению в Ташкент меня ждал качественный, очень подробный чертеж в трех проекциях, по которому можно было делать кухню.

Но я пока не торопился. Полковник Оффенберг мое начинание обещал поддержать. Правда, на сей раз согласился обеспечить экспериментальными кузнями не шесть эскадронов, а лишь четыре. Но и этого мне вполне хватало. Осталось лишь найти подходящего человека.

Октябрь ничем особенным не запомнился. Я лишь писал письма — родителям, Полине, друзьям «с Невского» и, конечно же, Кате Крицкой. Девятого октября ей исполнилось двадцать лет. Месяцам ранее я отправил ей подарок — золотую цепочку и милый кулон с сердоликом. В письме упомянул, что получил шрам на лице и теперь выгляжу не так, как раньше.

К тому времени, наше общение становилось все более открытым, очень личным. И ответ девушки меня порадовал.

«Возмущению моему нет предела! Ты напрасно считаешь меня безмозглой глупышкой, оценивающей мужчину лишь по внешнему виду и состоянию в банке. Твой шрам ничего для меня не значит. Более того, ты получил его на войне, честно и благородно выполняя свой долг, и я буду им гордиться», — вот такие строки были в ее ответном послании. Как же приятно их читать!

Весточку прислал и Хмелёв. Он подробно описывал дела Железнодорожного правления,

строил планы на будущее и интересовался, не испытываю ли я в чем нужды. В конце он с немалой гордостью сообщил, что его младший сын Игорь поступил в Старую Школу и все так же мечтает стать Бессмертным гусаром.

Да и с Барановым мы постоянно обменивались вестями. Наша «Держава» продолжала неуклонно расширяться, обслуживая все новых и новых клиентов. Он упомянул, что одним из уважаемых клиентов стал сам Менделеев, и я сделал пометку наконец-то познакомиться с гениальным ученым. Свою Периодическую систему тот презентовал обществу в 1869 г. и она произвела настоящий фурор. Но я тогда был сильно занят учебой, а к ученому на прием народ буквально выстраивался в очередь. Да не абы кто, а сплошь прославленные и знаменитые люди! Так что мне, простому штабс-ротмистру, пробиться к Менделееву в тот момент оказалось непросто. А затем он уехал в длительный вояж по Европе.

Баранов упомянул, что к нему приезжали гости из Германии и Австро-Венгрии и он договорился о поставках наших аппаратов. Да и Министерство Железных дорог сделало ему большой заказ, и он уже начал подготавливать проект первого междугороднего телефона Петербург-Москва. В общем, Баранов работал без выходных. Он стал весьма обеспеченным человеком и его векселя, которые я мог свободно обналичить в Ташкентском отделении Государственного банка, помогали жить на широкую ногу и помогать товарищам.

Митька продолжал учиться в Университете и прислал свою брошюру. Она называлась «Шестьдесят дней под палящим солнцем» и была целиком посвящена походу Русской армии против Бухарского эмирата.

Когда я вижу такие достижения, то мое сердце переполняет гордость. Даже один человек может многое изменить, если ему повезет, конечно. В знакомой мне истории не было «Державы» и первого в мире телефона Баранова, не было очерка Тургенева о Средней Азии, и тем более Митя Соколов не писал свою книгу. А здесь они есть. И изменения продолжают накапливаться.

В конце октября в Ташкент прибыл тридцатилетний инженер Сильвестр Тимофеевич Волков. Сюда его привел ряд коммерческих проектов, целесообразность и перспективность которых ему полагалось оценить. Я познакомился с ним в ресторации «У Ермолаева». Человеком он оказался увлекающимся, честным и со способностями. Волков мечтал о серьезных делах. Таких, как конструирование и изготовление новых паровозов или пароходов. В его воображении рукотворные паровые машины должны были покорить самые удаленные уголки Земли. И добраться туда, где еще не ступала нога человека.

Нас представили друг другу, и около недели я осторожно прощупывал инженера. И когда некое доверие было достигнуто, пригласил его в ресторан. Мы заказали столик, взяли тушеную с рисом утку и некоторое время наслаждались вкусной едой и хорошим обществом. Место было достаточно популярное и практически все столики оказались заняты. Со всех сторон слышалось позвякивание столовых приборов, разговоры, смех.

Видя, что инженер пришел в превосходное настроение, я предложил ему основать мастерскую, а затем и завод в Саратове, на берегу Волги.

— И чем же будет заниматься моя мастерская? Вернее, наша, — без особого энтузиазма поинтересовался он. Тем более, несмотря на мой чин ротмистра, я был младше и наверняка не казался «надежным», в плане финансов и инженерных работ, человеком.

— Вы будете производить передвижные полевые кухни, походные котелки и фляжки, вилки, ложки, ножи и солдатские каски.

— Все это как будто интересно, но несколько однообразно, Михаил Сергеевич, не

находите? — Волков не выглядел ошарашенным моими планами. Среднего роста, начинающий полнеть, с небольшими залысинами, в костюме с галстуком и начищенных шпидлетах, вид он имел немного неуклюжий и мечтательный. — Не подумайте, что я неблагодарен и не ценю вашего предложения. Просто мне бы хотелось чего-то большего, чем полевые кухни. Хотя и они, безусловно, нужны армии. Но позвольте спросить — какие кухни? Ничего подобного в мире как будто нет, ни у англичан, ни у немцев, — он подбоченился и посмотрел на меня свысока — мол, я прекрасно знаю все последние Европейские изобретения.

— У них нет, а у нас будет. Смотрите, Сильвестр Тимофеевич, — с этими словами я положил на стол предусмотрительно захваченный тубус и развернул перед ним чертеж. И по тому, как округлились глаза инженера, стало ясно, что задумку он ухватил на лету.

— Так ведь это практически готовое изделие! — быстро осмотрев чертеж, сообщил Волков.

— Верно. Вам лишь надо довести его до ума и создать четыре таких модели. Деньги вы получите. Работать необходимо в полковой кузнице Александрийского полка.

— Ничего себе, — он присвистнул, а затем задумался. — Если получится начать такое дело, то оно принесет солидные барыши. Шутка ли, первая в мире полевая кухня! Армия засыплет нас заказами!

— Вот и я так думаю.

— А не боитесь, что я вас обману? Глаз у меня набитый, память хорошая, чертеж я запомнил. Что мне мешает сделать все в одиночку и присвоить все лавры себе?

Волков вел себя немного развязно. Он выпил несколько рюмок водки, и алкоголь развязал ему язык.

— Ничего не мешает, — я с самым безразличным видом пожал плечами, откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и щелчком сбил с колена несуществующую пылинку. — Только и у меня рука набита, стреляю я хорошо, с саблей обращаюсь превосходно, и что такое смерть, знаю не понаслышке.

— Да я, собственно, так, пошутил, — Волков неожиданно поперхнулся, побледнел и принялся нервно мять край скатерти. Он скользнул взглядом по моему лицу, черной венгерке с вышивкой и сабли на поясе. Приближалась зима, гусары Смерти сменили летнюю форму на зимнюю, так что сейчас я выглядел впечатляюще. Но с чего инженер занервничал? Вот чудак, неужели он серьезно воспринял мои слова? Никто не будет его трогать. Я же пошутил!

Но глядя на лицо будущего прославленного (как я надеялся) инженера, понял, что да, воспринял крайне серьезно. Репутация гусар Смерти и мой тон подействовали на него специфически. Он и протрезветь успел.

— Вина! — крикнул я официанту. — Что вы так переволновались, Сильвестр Тимофеевич? Пошутил я, пошутил. Ну же, выпейте. Вот и славно. Прошу прощение за мой казарменный юмор. Перегнул палку, признаюсь.

— Однако! — малость отдышавшись, заметил Волков. Он оттянул галстук и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Краски медленно возвращались на его лицо.

— Давайте с вами еще выпьем. За дружбу и доверие! — мой тост окончательно привел его в себя. Волков ожил. Правда в его поведении и жестах появилось что-то новое. Уважение, что ли? — Полевая кухня лишь начало, Сильвестр Тимофеевич. Когда мастерская превратится в завод, а тот, в свою очередь, прочно встанет на ноги, вы сможете подумать и о

строительстве новых пароходов. Тем более, вы же упоминали, что мечтаете их проектировать. А Волга-матушка самое подходящее для подобного начинания место.

Лицо Волкова вновь преобразилось, заиграв новыми красками. Удивление, радость, воодушевление, вот что я на нем прочел.

— Спасибо, спасибо, дорогой Михаил Сергеевич! — он наклонился ко мне и двумя руками принялся трясти мою ладонь. — Вы прямо мечту мою осуществили-с! — тут он смутился своего порыва и несколько смешался.

— Да я пока еще ничего вам не дал, не за что благодарить. Это лишь перспективы, да и то, туманные. И кухню мою могут не одобрить.

— Понимаю. Но все же мне по сердцу ваше предложение.

— Но начинать все же следует с кухни. Так что, возьметесь?

— Возьмусь, — последовал вполне искренний ответ.

Волкову потребовалось больше месяца, чтобы изготовить четыре образца. Он не торопился и к работе подходил неспешно, основательно. Мне это понравилось.

И наконец, уже в новом, 1872 году я смог взглянуть на итоговый результат.

По сравнению с прежней экспериментальной моделью, у новой добавился ряд особенностей. Основная конструкция осталась прежней — на четырехколесную телегу устанавливался железный круг, в середине которого, в углублении, поставили медный котел, охлаждающий кожух и топку. Имелась труба и крышка. Сама телега стала длиннее. Оглобли сделали кривыми для удобства лошади, чтобы они не натирали бока. На три вершка увеличили диаметр колес и их ширину. Подняли котел над землей, для устранения ударов о грунт. Изменилось сидение ездового, оно стало более удобным, предусмотрели подножку для ног, чтобы кучер не клал ноги на оглобли, излишне нагружая лошадь. Поддувало переделали, чтобы контролировать количество свежего воздуха.

Объем котла позволял заливать в него 12 ведер воды, добавляя прочие продукты — 2 пуда крупы и 10 фунтов сала, морковь, картошку, капусту так, что разовое питание могли получить двести человек. Данное количество соответствовало пехотной роте во время войны, так как я сразу заложил условие, чтобы кухня могла обслуживать все без исключения подразделения Российской армии.

В ходе начальных испытаний установили, что вода в котле закипает примерно за 50 минут. Суп готовился около 2-х часов. При этом расходовалось 1 пуд сосновых чурок и полпуда сухого камыша. В течение часа после закладки последних дров печь продолжала кипеть, а нормальное тепло пищи поддерживается еще два часа.

Большинство прошлых проблем удалось устранить, но уже сейчас стала очевидной новая беда — вес кухни с полной загрузкой котла, вместе с ездовым и поваром мог достигать 30 пудов. Одной лошади оказалось тяжело тащить кухню, особенно по проселочной дороге в плохую погоду.

Четыре полевых кухни поставили в рядок. Рядом с ними находился я, инженер Волков, Егоров Егор, два кузнеца и несколько нижних чинов. Полковое начальство — Оффенберг, Ухтомский и Тельнов — проводило осмотр и давало предварительную оценку.

— Вы неплохо потрудились, — заметил полковник Оффенберг, обходя образцы. Он приказал поднять крышку и заглянул в котел, попробовал пошатать трубу и постучал сапогом по колесу. — Изделие кажется мне более продуманным и законченным, чем прежние образцы. А вы что скажете, Михаил Кириллович?

— Скажу, что пока еще ничего неясно. А вот как покажут себя кухни, ответ дадут лишь

полевые испытания, — подполковник князь Ухтомский обошел кухню по кругу. На меня он старательно не смотрел.

Тельнов не поленился, забрался на место кучера и присел, проверяя надежность сидения. Около получаса начальство задавало мне и Волкову различные вопросы. Инженер нервничал больше моего, не обошлось без небольшого конфуза. На очередной вопрос о том, каков предположительный срок службы кухни, Волков ответил, что на все воля Господа Бога и Императора, как прикажут, так и будут служить. Тельнов громко захохотал, глядя на густо покрасневшего инженера.

Оффенберг с трудом сдержал улыбку, Ухтомский нахмурился. Скепсиса князь не скрывал и успел сделать парочку двусмысленных замечаний. Хорошо, что не он здесь все решал. Посоветовавшись с заместителями, Оффенберг вынес окончательный вердикт.

— Ваши кухни, Михаил Сергеевич, нам в общем интерьере* понравились. Приказываю раздать их по эскадронам и начать испытания.

— Слушаюсь! — по уставу ответил я. — Как быть со вторым эскадронам, ведь он стоит в Самарканде?

— Отправим туда кухню в самое ближайшее время. Заодно и проверим, как она покажет себя в дороге, — подумав, решил полковник.

Ну, все, колеса завертелись. Теперь главное, чтобы кухни не подвели, не прогорели, ничего не отвалилось и не рассыпалось. И надо не забыть объяснить эскадронным поварам, как правильно с ними обращаться. А то они люди простые до безобразия, могут и начудить.

Теперь оставалось только ждать. Учитывая, что сейчас мирное время, и мы никуда не маршируем, дело могло затянуться и на месяц, и на два.

— Вы главное, пока из Ташкента не уезжайте, — предупредил я Волкова. — Надо дождаться итоговой оценки.

— Конечно, дождусь. Мне и самому интересно, да-с, — заверил инженер. Он все чаще использовал при общении со мной частицу «с», которая носила название словоерс. Пару десятков лет назад словоерс употреблялся среди равных по статусу собеседников, но сейчас оно стало все чаще использоваться при обращении младшего к старшему. И подобное говорило о том, что инженер меня зауважал.

Жизнь шла своим чередом. В феврале в Ташкент прибыл Пашино, чему я был только рад.

— Петр! Вот так встреча! — я с несомненной симпатией пожал руку человеку, которого считал надежным другом и в чем-то даже наставником. — И надворного советника* успел получить, и орден новый! Поздравляю!

— Спасибо, Миша, — Пашино улыбнулся скромно, но с немалым достоинством.

— А я думал, ты полностью журналом своим увлечен. Покинул службу, ушел на пенсию и, покряхтывая, разводишь в имении пчел.

— Не такой уж я и старей, как тебе кажется, — он заразительно рассмеялся.

— Так что, вновь вернулся на службу?

— Прогорел мой «Азиатский вестник», — он горестно вздохнул. — Дальше первого номера дело не пошло. Не встретил журнал сочувствия у публики. А что касается службы... — тут он понизил голос и огляделся по сторонам. — До меня дошли сведения, что сам Цесаревич Николай Александрович заинтересовался дипломатической разведкой. У него на приеме был тайный советник Стремоухов, которому поручили проявлять в дальнейшем больше активности и вернуть на службу ряд уволенных ранее сотрудников. Вот

так я неожиданно-негаданно опять оказался в строю.

— Отличные новости. Здорово, что мы вновь встретились в Ташкенте. Глядишь, ты и еще что-нибудь напишешь, — я не стал говорить Пашино, что инициатива наследника совсем не случайна. Он продолжал вникать в различные государственные дела. Дипломатическая разведка занимала среди них явно не последнее место, а Николай продолжал наращивать свой авторитет. Именно я подкинул ему идею увеличить штаты нескольких ведомств и вернуть уволенных сотрудников. В числе тех, на кого я обратил особое внимание Николая, находился и Петр Пашино. С моей точки зрения, такими честными и способными людьми страна не имела права разбрасываться.

Некоторое время Пашино делился наболевшим — как все сложно устроено, как после неудачи с «Вестником» начал хлопотать о передачи ему газеты «Кавказ» в Тифлисе, да в последний момент передумал, подал рапорт и вернулся на прежнее место службы по настойчивой просьбе бывшего начальника Стремоухова. Учитывая способности Пашино, его со счетов списывать не хотели, да еще и в чине продвинули, и орден на грудь повесили.

— И вот я здесь, Миша, — он снова понизил голос. — Дело мне поручено, и дело серьезное.

— И что за дело?

— По нашему с тобой профилю, — он усмехнулся.

Петр оказался великолепным этнографом, путешественником и лингвистом. Но человек не может быть совершенным во всем, и потому организационные вопросы давались ему непросто. Вот и журнал не пошел. Зато теперь он вновь послужит России.

Я совсем не удивился, когда на следующий день меня пригласили к полковнику Шауфусу. В кабинете начальника всей Среднеазиатской разведки находился и Пашино. Он откинулся на спинку стула и задумчиво попыхивал папироской.

— Проходите, Михаил Сергеевич, — встретил меня Шауфус. — Присаживайтесь и настраивайтесь на долгий разговор.

— Как вам будет угодно, — последовал мой короткий ответ.

— Хорошо. Вам уже известно, что надворный советник Пашино вновь служит в Азиатском Департаменте МИД. Его начальник, тайный советник Петр Николаевич Стремоухов осуществляет одну перспективную операцию. Дело согласовано на самом верху, со светлейшим князем Горчаковым*. Нам поручено оказывать господину Пашино всяческое содействие.

— Готов выполнить любой приказ. Что от меня требуется?

— Там, — Пашино поднял указательный палец к потолку, — принято решение проявить большую активность в Большой Игре с англичанами. Мне поручено проникнуть на территорию Афганистана, а затем, по возможности, добраться и до Индии. По легенде я буду изображать бродячего дервиша и миссия моя совершенно секретная.

— Фактически, даже генерал-губернатор Кауфман не посвящен во все детали, — добавил Шауфус.

Мне оставалось лишь кивнуть, принимая к сведению степень секретности. А хорошо наши дипломаты действуют, с размахом! Молодцы, ничего не скажешь. Так и надо, а то британский лев совсем обнаглел. Интересно, а в моей истории проводились подобные операции? Наверняка проводились, я ведь не настолько себя переоцениваю, чтобы думать, будто цесаревич Николай благодаря моим рассказам продвинул что-то, о чем раньше никто и не догадывался.

— Все просто, Михаил Сергеевич, — Шауфус подозвал меня к карте. — Вы берете три десятка надежных гусар из своего эскадрона и выдвигаетесь с Петром Ивановичем в Термез. Вот он, самая южная точка нашей Империи на берегу Амударьи. Граница проходит по реке. Сразу за ней Афганистан.

— И англичане, — негромко добавил Пашино.

— И англичане, — кивнул Шауфус.

— От меня требуется лишь сопровождение?

— Не только. С собой вы повезете провиант, различную одежду, запасных коней, оружие, деньги. С одной стороны, канцлер Горчаков хочет продемонстрировать Англии наше присутствие и Александрийские гусары как нельзя лучше подходят для подобного. Пусть Британия понервничает, увидев русскую армию у границ Афганистана, это пойдет нам на пользу. С другой стороны вам надлежит оказывать всяческое содействие господину Пашино.

— Проясните границу моих полномочий, — попросил я.

— Если со мной что-то случится в Афганистане, я постараюсь послать весточку, — невозмутимо ответил Пашино. — Надежный человек у меня имеется. Он принесет криптографию* в Термез. Но если что-то пойдет не так, то я спрячу записки в одном из тайников, которые мы с тобой обсудим в дороге. В этом случае тебе, Михаил, надо будет постараться их извлечь и доставить сюда. Но вероятность подобного развития событий крайне невелика, хотя ты должен будешь оставаться на берегу Амударьи в течение месяца. По его окончанию я либо окажусь в Индии, либо попаду в плен. Так или иначе, но тебе не останется ничего иного, как вернуться в Ташкент.

— Вы хотите сказать, что мне позволено перейти границу? — я с трудом сдержал удивление. Страх не было, лишь азарт и желание быстрее очутиться в Термезе.

— Лишь в самом крайнем случае, с двумя-тремя самыми надежными гусарами и проводником. Естественно, не в форме. И, само собой разумеется, вас ни при каких обстоятельствах не должны поймать или опознать, иначе случится дипломатический конфуз. И вам категорически запрещено забираться южнее Мазари-Шариф. Это небольшой город, вот он, — полковник показал точку на карте.

— А применение оружия?

— В смертельном положении, только защищая свою жизнь. Подобное совершенно нежелательно. Вы готовы взяться за столь щепетильное дело? — напрямую спросил Шауфус.

— Готов!

— А справитесь?

— Приложу все силы, — за вопрос, в котором ясно чувствовались сомнения в моих силах, я на него не обиделся. Видно же, что человек за дело радуется.

— Именно это я и хотел услышать, — Шауфус удовлетворенно вздохнул. — А теперь, господа, подвигайтесь ближе к столу. Нам надо спланировать весь ход операции. И спланировать так, чтобы все получилось, а господин Пашино вернулся к нам в полном здравии. Не угодно ли для начала чаю с лимоном?

Михаил Хлудов и его ручной тигр* — реальный факт.

Интерьер* — полковник Оффенберг использует термин из иппологии (науки о лошадях), обозначающий особенности внутреннего строения отдельных органов и тканей животного, отражающихся на жизнедеятельности организма.

Надворный советник* — чин, соответствующий подполковнику.

Светлейший князь Горчаков* — последний канцлер Российской Империи, Горчаков Александр Михайлович, один из самых влиятельных и уважаемых дипломатов второй половины XIX века.

Криптография* — тайнопись, шифр.

Несколько дней шла обычная эскадронная рутинка. Интенданты, у которых и снега зимой не допросишься, выделили тысячу патронов калибра 4,2 линии для карабина Бердана. Немного, но пострелять хватило. Что бы их «выбить», мне пришлось приложить усилия, которые вполне попадали под определение «небольшой подвиг».

Обязанности по стрелковой подготовке полностью взял на себя штаб-ротмистр Егор Егоров, который наряду с Седовым и Изюмовым входил в пятерку лучших стрелков в полку. Егоров был отличным товарищем, надежным, смелым и честным. Если бы он не распускал руки, и не мордовал нижних чинов по различным поводам, то ему бы вообще цены не было.

— Что, слон, боишься за свой хобот? — обычно такими словами Егоров начинал экзекуцию на плацу или в казарме, а затем в ход шли кулаки. Нижние чины перед ним трепетали. Из самого свирепого вахмистра он за месяц делал смиренную и послушную овечку.

В русской армии до сих пор существовала система телесных наказаний, да и офицеры не особо стеснялись поддерживать свой авторитет с помощью зуботычин и тычков. Мне подобное не особо нравилось, но переделать сложившуюся за несколько веков систему я не имел возможности. Тем более, те же вахмистры и унтера сами любили лупцевать «по мордасам» глупых и безграмотных первогодок, не представляя свою службу без крепкого кулака и матерного слова.

Одно время я обдумывал идею покупать патроны на личные деньги. Винтовка в настоящее время стоила 45, а 100 патронов к ней — 12 рублей. Американский инженер выбил для себя хороший контракт, стремясь продать свое изделие дороже, но через некоторое время цена неизбежно упадет. А пока имеем то, что имеет. Сто патронов для эскадрона — капля в море. Тут и тысяча мало, расстреляли и не заметили. Так что для меня подобные развлечения на постоянной основе все же дороговаты. Скорее всего, я куплю две-три тысячи патронов, но пока что лучше трясти интендантов.

Для сопровождения Пашино я отобрал тридцать сабель во главе со старшим вахмистром Чистяковым по прозвищу Лещий. Гусары — кавалерия легкая и подвижная. Можно сказать, спецназ девятнадцатого века. И то, что нам поручили, как раз укладывалось в подобный род деятельности.

Все складывалось замечательно. Печалило лишь то, что никто, ни гусары в частности, ни Русская армия в целом не знала, что такое рукопашный бой и различные приемы. Люди умели пользоваться штыком, саблей и пикой, но дальше этого мысль пока не шагнула. Официально не шагнула, так как всяких умельцев на Руси всегда хватало.

Но вот вопрос — есть ли на сегодняшний день в России мастера рукопашного боя? Кроме кулачных боев на ум пока ничего не пришло. Борцы и всякие тяжелоатлеты у нас имеются. Они, как правило, разъезжают по различным варьете, ярмаркам, и на потеху публики ломают медведей, рвут цепи и гнут подковы. Интересно, Иван Поддубный уже родился? Хотя, он же вроде как больше силач, чем борец. Или нет? А вообще, мир не стоит на месте. У англичан развивается бокс, а во Франции так называемая «французская борьба». Японцы знамениты самураями, кобудо и джиу-джитсу, в Китае есть Шаолиньский монастырь и свои глубоко разработанные системы. Значит, и нам надо чем-то подобным озаботиться.

Пару месяцев назад, получив эскадрон, а вместе с ним и немалую власть, я поставил

себе цель превратить вверенное мне подразделение в образцовое. Сейчас во многих полках таковым считались те, кто мог превосходно маршировать, показывать себя на учениях и вообще, иметь выправку и бравый вид. Подобная мишура очень нравилось генералам и высоким лицам.

Но я хотел иного — превратить эскадрон в таких головорезов, кому и сам черт не брат и с кем по силам выполнить практически любую, учитывая нашу численность, тактическую задачу. Сейчас «головорезами» могли с полным на то основанием считать себя человек десять-двенадцать. Мне же надо, чтобы все 128 сабель были готовы по моему приказу штурмовать врата Ада.

Рукопашный бой — прекрасное начинание, несмотря на то, что кавалерия редко сражается пешей. Пусть пока мои гусары рубят на всем скаку лозу и отрабатывают до автоматизма различные удары и движения саблей, но я обязательно что-нибудь придумаю и с рукопашным боем.

Поручик Георгий Рут был превосходным наездником, и он взял на себя обязанности по обучению эскадрона джигитовки.

Правда, все немного откладывалось, так как теперь приходилось отвлекаться и отпраиваться в Термез. Меня ждало не менее, скорее даже более важное дело. Командиром эскадрона я оставлял штабс-ротмистра Егорова, а с собой решил взять поручика Рута. Он заведовал разведывательной командой и занимался тем же, чем и мы с Андреем ранее в первом эскадроне. А мне помощники, причем именно разведчики, нужны.

За два дня до нашего отъезда в Ташкент наконец-то прибыл Ариан Ахад Хан. Я уже и не надеялся его увидеть.

Нас с ним не должны лишний раз видеть вместе, особенно в Ташкенте, так что встреча прошла в небольшом домике, который Шауфус и несколько его агентов использовали как раз для такой цели. По документам он проходил как «дом для секретных встреч» и был удобен тем, что стоял в саду, и к нему имелась возможность подойти с нескольких сторон.

— Ариан! Как же хорошо, что ты добрался! Еще немного и мы бы не встретились, — я с удовольствием пожал его руку. Выглядел пуштун таким же спокойным, как и при прежней встрече. — Как себя чувствуешь? Как здоровье?

Мы присели за стол в глубине комнаты. Темнело, и я зажег несколько свечей, задернув окна и усадив гостя так, чтобы с улицы его не могли увидеть. Различным мерам конспирации меня заранее обучил Шауфус.

— Слава Аллаху, все хорошо.

— А что так долго?

— Торговля пошла добрая, грех прибыль упускать, — немного легкомысленно сообщил он. Для агента он действовал не профессионально, явно отдавая первенство торговле, а не службе на русскую разведку. Но осуждать его я не стал, он в своем праве, сотрудничество у нас добровольное.

Как оказалось, правильно я его не критиковал. Хан пробыл в Хиве долго, и многое успел заметить. Он обстоятельно перечислил силы гарнизона Хивы, высоту стен, надежность ворот и упомянул отряды нескольких беков, наиболее приближенных к Мухаммад Рахим хану.

Достав личные пометки, выполненные каким-то таинственным алфавитом, он перечислил мне полученные сведения, а я перенес их на бумагу.

— Все? — спросил я.

— Нет, Михаил, не все. Я выяснил, что в Хиве находится Ата Джан, младший брат Мухаммад хана. Его содержат в зиндане*.

— Мы о нем знаем, — естественно, что столь долго пробыв в Азии, гусары уже разобрались в местных политических раскладах. К тому же и Шауфус открыл несколько секретов. — Этот Ата Джан приходится хану братом по отцу, матери у них разные. Он молод, но по слухам, любим простым людом. Хан его ненавидит, но убить не решается, опасаясь народного гнева.

— Так и есть.

— Ата Джан нам интересен, мы могли бы многое ему предложить и не отказались бы с ним познакомиться. Вот только все это пока выглядит маловероятным.

— Да-да, в хивинскую тюрьму так просто не попадешь, — пушгун покачал головой.

— Теперь всё, Ариан?

— Всё, — последовал ответ.

Чтобы Хан не волновался, я при нем сжег его записки и долго благодарил, расспрашивая, чем могу помочь. Ариан упомянул, что семейные дела требуют его возвращения домой, но я попросил его задержаться в городе еще на день или два. Мне требовалось переговорить с Шауфусом и получить новые инструкции.

С Ханом мы расстались, я потушил свечи, и он первым бесшумно выскользнул в Ташкентскую ночь. Через минут пять дом покинул и я.

— На первый раз блестяще, — заметил Шауфус, после того как я рассказал ему о полученных сведениях и о самом пушгуне. — Теперь, Михаил Сергеевич, вам надлежит все эти данные оформить рапортом и передать мне. Это станет официальным документом. Кстати, поздравляю с первым агентом. Ваш пушгун как будто выглядит перспективным. Берегите его!

— Спасибо, буду беречь. А как писать такой рапорт и на чье имя?

— На имя генерал-губернатора, гриф «секретно». Пишите, что от агента такого-то, который был там-то, получены такие-то сведения. Никаких личных оценок, одни лишь сухие факты. Ну, и число с подписью, само собой. Да, вот еще что. Вам необходимо придумать псевдоним для Хана. Агентурное имя. В случае чего, именно им он станет подписывать свои донесения. О том, кто под ним скрывается, знать будем лишь мы с вами, да сам Ариан.

— Псевдоним? — я озадаченно потер подбородок. Раньше я ничем таким не занимался и с подобными тонкостями знаком не был. — «Афганец» подойдет?

— Нет, слишком приметно. В последнее время принято решение называть агентов так, чтобы не возникало никаких ассоциаций с реальным человеком. Это служит для его же безопасности.

— Тогда, наверное, назову его «Зверобоем», — мне неожиданно вспомнились книги Фенимора Купера и его главный герой. Имя звучало хорошо, ведь такие люди охотятся на разных животных, в том числе и на заморских львов. — Подойдет такой псевдоним?

— Не вижу препятствий. Зверобой, так Зверобой. Значит, я его оформляю?

— Да.

Шауфус достал из несгораемого шкафа толстый журнал, сел за стол, макнул перо в чернильницу и вписал в одну из граф несколько строчек. Затем открыл ключом выдвижной ящик и вытащил ассигнацию. — Сто рублей. Вознаграждение вашему Зверобою. Сведения его нам не помешают. Распишитесь за него вот здесь. Прошу.

— А что, Дмитрий Николаевич, всем агентам мы так хорошо платим? — я расписался и

взял ассигнацию. На передней стороне шла надпись «Государственный кредитный билет», а на обратной поместили портрет Екатерины II, «100 рублей» и год выпуска — 1866. Именно из-за императрицы купюру успели прозвать ласковым словом «катенька».

— Не всем и не за всё. Но сведения доставленные Зверобоем ценны. Передайте ему эти деньги и дайте новое задание — по возможности вновь вернуться в Хиву и продолжить наблюдения. Вы знаете, что нас интересует. Сделайте акцент на колодцах и самых удобных местах переправы через Амударью. Было бы замечательно наладить связь с Ата Джаном, но вряд ли Зверобоему удастся подобное. Уж больно сложное дело.

— А если он не захочет отправиться в Хиву?

— Агентами должны управлять вы, а не они вами. Вы должны ставить им задания, — Шауфус для внушительности повысил голос. — Впрочем, определяйтесь сами.

Русская разведка делала первые шаги, многое еще казалось неясным, неотработанным и непонятым. Но мне было приятно стоять у истока всего этого.

В настоящее время Россия получала разведданные по двум линиям: дипломатической и армейской. Всю военную разведку возглавлял генерал-майор Обручев, правая рука военного министра Милютина. Про Обручева говорили, что он «мозг» всего ведомства. Забавно, ныне разведка носила несколько туманное и запутанное название, а именно — Военно-ученый комитет Главного Штаба, сокращенно ВУК. При ВУКе имелась Канцелярия, архив и два отделения, Европейское и Азиатское. Европейским руководил полковник Фельдман, а Азиатским — Богачев. Именно последнему подчинялся Шауфус. Причем, все было достаточно скромно, общий штат ВУКа в Петербурге не превышал двадцати человек, в число которых входило десять делопроизводителей.

От Шауфуса я ушел задумчивым. Что же делать с деньгами? Сто рублей для Ариана не такая уж и большая сумма. Он их возьмет, но это не вызовет особой благодарности. Лучше будет, если я куплю ему что-нибудь полезное.

Так я и сделал и при нашей второй встречи вручил Хану подарки — новенький карабин Бердана и такой же новенький, в лакированной коробке, револьвер Смит и Вессон. К ним шли патроны и две превосходные кожаные кобуры с растительным узором.

— О, какое замечательное оружие, — он с восхищением взял карабин, затем принялся осматривать револьвер. — Спасибо, саиб, твой дар пришелся мне по сердцу.

— Пусть он принесет тебе пользу, — пожелал я и показал, как разбирать и собирать оружие, и как за ним надо следить. Оружейное масло так же шло в комплекте.

— А не удивятся мои друзья, что у меня новейшее оружие русских? — неожиданно забеспокоился пушгун.

— Оружие не наше, а американское, к сожалению. Если будут спрашивать, скажи, что купил его в Ташкенте. Кстати, за твои сведения и риск тебе полагается сто рублей. Я взял на себя смелость и приобрел вот эти вещи. Ты не разочарован?

— Нет, оружие куда лучше денег. Да и пользы от него больше, — Хан передернул затвор карабина и широко улыбнулся, блеснув белыми зубами.

Я объяснил ему, что отныне его имя «Зверобой» и что в будущем, если захочет передать послание, он должен подписываться именно так. Имя моему агенту понравилось, жаль только, что он наотрез отказался от возвращения в Хиву.

— Нет, саиб, и не проси. Не поеду. Не могу. Понимаешь? У меня отец тяжело заболел, надо его навестить.

— Что ж ты сразу не сказал? Конечно, поезжай. Обязательно поезжай. Но только не

пропадай. Найди меня, если что, или отправь записку.

— Напишу, конечно, напишу.

В самый последний момент, когда мы уже практически расстались, я кое о чем сообразил и обругал себя последними словами. Тоже мне, разведчик! Олух царя Небесного, а не разведчик, вот ты кто, Миша Соколов! У тебя проверенный человек собирается в Афганистан, а ты мух ловишь!

Пришлось вновь сесть за стол. Естественно, о миссии Пашино я не упоминал. Петр это совершенно другая операция, секретов раскрывать не стоит. Но Зверобой мог помочь. В частности, никто не мешает ему собирать сведения об англичанах в Афганистане. Таким образом, он дополнит наблюдения Пашино. Да и оставить надежного человека в Мазари-Шарифе, через которого можно держать связь, ему по силам. Это будет наш запасной вариант на крайний случай.

Около часа мы обговаривали различные детали, и под покровом ночи, как жрицы любви какие-то, покинули «дом для секретных встреч».

Агент Зверобой собирался отправиться в Афганистан сразу после нас. Дорога у нас одна, но не стоит ехать в Термез вместе. Да и в пути нам лучше не встречаться.

* * *

3 марта отец Василий, новый полковой священник Александрийских гусар отслужил молебен. Сразу после него и отправились. Полковник Оффенберг, полковник Шауфус и еще ряд офицеров провожали их в путь.

Для конспирации и чтобы не бросаться в глаза среди группы одинаково одетых людей, Петр Пашино облачился в форму рядового гусара. Кавалеристы поглядывали на новичка с немалым интересом, но вопросов не задавали. Миша Соколов, несмотря на молодость, сумел внушить эскадрону надлежащую дисциплину.

Гусар Смерти насчитывалось тридцать человек, включая самого Соколова, поручика Рута, старшего вахмистра Чистякова, двух офицерских денщиков и двух унтеров, Козырева и Петухова. Еще имелся горнист. С собой гусары вели три десятка лошадей, навьюченных различным грузом.

— Ну, с Богом! — Пашино перекрестился, покидая город.

— Поражаюсь твоей смелости, Петр, — заметил Соколов, когда дорога пошла душистыми садами. — Рисковый ты человек.

— А ты разве не рискованный? — Пашин посмотрел на друга с немалой иронией. Соколов сидел в седле великолепного жеребца по кличке Хартум. Молодой ротмистр мог и не знать, но большая часть офицеров относилась к нему с теплотой и немалым уважением. Правда, завистники поговаривали о высоких покровителях делающего блестящую карьеру гусара, но Пашино внимания на подобное не обращал. То, что есть покровитель — хорошо, значит, сумел его найти. Тем более, сам Соколов ни разу не заводил каких-то необычных разговоров, не ставил себя выше прочих и не торопился переводиться в столицу, как полагалась всякому уважающему себя фазану. Он служил с честью, рискуя жизнью, не увиливая от опасностей и трудностей. Всем крикунам можно было лишь посоветовать брать с него пример.

Говоря откровенно, Пашино с немалым интересом наблюдал за быстрым карьерным ростом своего молодого друга. И он бы совсем не удивился, скажи ему кто, что через пять

лет Соколов получит полковника и станет командиром гусар Смерти. А что, если Миша и дальше продолжит так геройствовать, то и не такое возможно. Тот же Паскевич* генерала вообще получил в двадцать восемь лет.

Ташкент остался за спиной. Ранее Пашино доводилось проезжать этой дорогой. Четыре раза по служебным делам, а пятый, последний, когда он сопровождал посла Аксакова в Бухару. Тогда с ним так же были Александрийские гусары. Надворному советнику нравилась их компания.

Вечерами они играли с Соколовым или Рутом в шахматы, а гусары вновь угостили его своей знаменитой жженкой.

Джизак оставался все таким же маленьким и пыльным городом. Да и в Самарканде за минувшее время ничего не изменилось. Все та же нищета, пыль, вонь, базарные крики и ишаки с верблюдами. И лишь величественные минареты да дворец Тамерлана напоминали о былом могуществе узбеков. Здесь стоял гарнизон под командованием генерала Абрамова и второй эскадрон гусар Смерти. Соколов и Рут с большим удовольствием воспользовались их гостеприимством. Сам Пашино, соблюдая секретность, старался лишней раз никому на глаза не попадаться. Тем более, при генерале находился изгнанный эмир Афганистана Абдур Рахман. У него имелась свита, родичи и множество слуг. Многие из них могли его запомнить и встретить впоследствии уже в Афганистане. А подобных встреч Пашино допускать не хотел ни в коем случае.

К русским большая часть населения относилась достаточно хорошо. Жить стало пусть и немного, но лучше, и люди такие вещи замечать умели, несмотря на повальную безграмотность.

От Самарканда до Термеза насчитывалось 370 верст. Дорога резко свернула к югу. Цветущие маковые поля покрывали всю округу, напоминая яркий ковер. Начался плавный подъем к перевалу Тахта-Карача. Он находился на седловине Агалыка, одного из отрогов Зеравшанского хребта.

Холодало. По сторонам поднимались не слишком высокие вершины. Снегом мог похвастаться лишь далекий Кемкутан. Ночью выли волки и шакалы, а днем над их головами парили беркуты.

— Миша, ты знал, что здесь, на Тахта-Карача в древности произошла битва? — на вершине перевала отряд сделал передышку. Гусары проверяли подпруги и разминали ноги. Послышался приказ вахмистра «оправиться». Пашино говорил на фарси, тренируя друга. — Здесь сошлись арабы Омейядского халифата и воины Тюргешского каганата.

— И когда это случилось? — Соколов заинтересованно посмотрел по сторонам.

— Более тысячи лет назад.

— О чем вы говорите? — потребовал разъяснений поручик Рут. Фарси он не знал. Когда ему повторили на русском, тот насмешливо хмыкнул. — Преданья старины глубокой!

— Тот, кто забыл уроки истории, обречен на их повторение, — напомнил Пашино. Он уже успел составить мнение о Руте. Георгий оказался честным и смелым офицером, явно рвался в бой, но ничем более серьезным обременять себя не желал. Может, он и изменится с возрастом, а может, и нет. Сейчас, во всяком случае, ни на что более ответственное, чем командование разведывательным отделением, поручик не подходил. Рекомендовать его к серьезной работе не имело смысла.

Хорошо, что началась весна. Зимой здесь было не пройти. На перевале лежал снег, отрезая плодородную южную долину от остальной части Бухарского эмирата — эти земли

на бумаге принадлежали именно Бухаре, Россия лишь осуществляла протекторат.

С севера на перевал вела плавная и неспешная дорога, а вот спуск превратился в бесконечно вьющуюся и выделывающую «кольца» веревку. Впереди раскинулась бескрайняя Кашкадарьинская степь, и лишь слева ее ограничивал хребет Байсунтау. Местными землями правили беки Шахрисабса.

— Мы покидаем земли древней Согдианы и вступаем в не менее древнюю Бактрию. До нас здесь ступали кони Александра Македонского, — с немалым воодушевлением поделился Пашино.

— Неужели греки добрались и сюда? — поручик Рут рассмеялся. — Признаюсь, я не ожидал от них подобной прыти.

Шахрисабс оказался совсем небольшим городом. Правил им Ахмад-бек. Оставляя хребет Байсунтау по левую руку, отряд последовательно миновал Гузар, Шураб, кишлак Ачкикудук на сорок домов из кирпича-сырца, Шуррават и еще один кишлак — Ангор.

То, что они проезжали, даже поселками язык не поворачивался назвать. Жили здесь совсем бедные, забытые люди. Русских они видели впервые, тем более, Черных гусар. Все мужское население в каждом кишлаке выстраивалось вдоль пыльного тракта и провожало их изумленными взглядами. Детишки таращили глаза и ковырялись в носу, да и взрослые переговаривались с немалым изумлением. Гусары, их оружие, амуниция, прекрасные кони — подобного они ранее не видели и теперь малость опешили. И лишь убеленные благородными сединами старцы-аксакалы выглядели так безмятежно, словно ничего в целом мире не могло больше их расшевелить.

— Хм, — задумчиво протянул Соколов, когда они наконец-то добрались до Термеза. — Я ожидал большего.

Пашино, хоть и сам оказался здесь в первый раз, полностью его понимал. Термеза, как такового, не было. Когда-то он считался богатым, чуть ли не великим, городом и стоял на месте древней переправы через Амударью. У афганцев даже существует легенда, утверждающая, что здесь какое-то время жили Адам и Ева, изгнанные из рая. А еще тут последовательно нашли приют пророки Зороастр и Авраам. Никто не знал, что делал здесь основатель зороастризма, но Авраам якобы именно отсюда переселился в землю Ханаанскую.

Пашино как лингвист и филолог был очарован подобными легендами, хотя довольно скептически относился к их правдивости. Легенды нельзя ощутить. А вот время ощутить можно. Его можно понять по тем изменениям, что происходят с людьми и окружающими их миром. И время оказалось безжалостным к Термезу.

Город разрушил Чингиз-хан. После него остались кости и дымящиеся развалины, которые давным-давно поросли кустарником и редкими деревьями. За минувшие века их покрыл слой земли и даже очертания крупных домов и крепостных стен угадывались с трудом.

В двух верстах к западу от развалин Термеза находился кишлак Патта-Гисар и остров Арал-Пайгамбар, который обтекали мутные воды Амударьи.

— Осмотреться, найти место для лагеря. Выслать разъезд вдоль реки, вверх и вниз по течению, — скомандовал Соколов.

— Так точно, ваше благородие! — пробасил старший вахмистр.

Слушались командира с удовольствием, чувствовалась, что гусарам нравится лихой ротмистр.

Лагерь обустроили за час. Лошадей стреножили, сняли с них седла, задали овсу и воды. На ближайший холм встал часовой. Гусары поставили палатки, сбили коновязь и выделили место для нужника. Из втекающего в Амударью ручейка набрали воду, развели костры и принялись готовить ужин. Поручик Рут съездил в Патта-Гисар, осмотрел кишлак и по возвращению доложил Соколову, что ничего необычного там не заметил.

Одну из пик укрепили на склоне, и на ней затрепетал русский, черно-желто-белый, флаг. Глядя на него, Пашино ощутил прилив гордости — шутка ли, флаг России наконец-то добрался до самой южной точки Империи! Судьбоносное событие отметили бутылкой красного Бургундского вина, припасенного как раз на такой случай.

После ужина гусары наскоро соорудили легкую баньку — вкопали в грунт четыре жерди, обернули их парусиной и натаскали внутрь раскалённых на огне камней, которые полагалось поливать водой. Первым мылся сам Пашино. Он прекрасно понимал, что следующую баню придется ждать очень долго.

Когда он вышел, вытирая голову, гусары уже поставили для него отдельную палатку. Пожелав всем спокойной ночи, Петр Иванович залез внутрь и почти мгновенно уснул.

Утром, после общего завтрака, Пашино вновь занял палатку и принялся готовиться. Еще в дороги он выбрился налысо и слегка подравнял бороду, так чтобы она походила на те, что носят мусульмане. Он неважно видел, но от очков пришлось отказаться. Светлая, как у каждого европейца, кожа, могла доставить неприятностей, но Петр знал, как исправить данное недоразумение — он начал втирать в лицо ослиный навоз*. За этим крайне неприятным занятием его и застал Соколов.

— Ничего себе, — заметил тот, с интересом наблюдая за приготовлениями. — А что, Петр, разве нет ничего менее... экзотического?

— Есть, конечно. К примеру, дамская косметика может подойти. Только скажи на милость, где ее в Афганистане найти?

— Твоя правда, — ротмистр улыбнулся. Он молча наблюдал, как Петр Иванович распаковал тюк с одеждой и принялся переодеваться. Основой выступила *ал-хирка*, напоминающая халат, сшитый из большого числа разноцветных лоскутков. Голову прикрыла остроконечная шапка *кулох*, составленная из четырех клиньев, мехов наружу. Ее украшал вышитый зеленой нитью (священный для мусульман цвет) простенький орнамент. Ноги он обмотал рваными портянками и натянул старые сбитые сапоги, а к матерчатому поясу привязал флягу из тыквы. Прожжённые в нескольких местах шаровары и не первой свежести нательная рубаша дополнили его наряд. Разведчик повесил на плечо грязную сумку. В ней находилось несколько мелких медных монет Бухары и Хивы, деревянная миска для подаяний, кусок хлеба, черствая кукурузная лепешка и горсть изюма. В руки он взял яшмовые четки. Они стоили дороже, чем все его лохмотья вместе взятые, и как бы символизировали поиск святости их обладателя.

— Ну, как тебе? — спросил Пашино, выйдя из палатки и делая пару шагов.

— Потрясающе, Петр. Скажи что-нибудь на фарси.

— О Аллах, защити нас от зла, что есть в этом дне и последующих, и от зла того, что мы сделали в дни минувшие, — негромко и внушительно разведчик прочитал на память подходящую суру. Коран он знал наизусть и понимал, что это станет его преимуществом. Он сел, сложил ноги и под заунывный напев принялся перебирать четки.

Поручик Рут стоял, похлопывая себя плеткой по голенищу сапога. Рядовые гусары поглядывали в их сторону с немалым любопытством. Естественно, им никто ничего не

объяснял, но они были людьми опытными и за минувшее время сумели о многом догадаться. И сейчас, понимая, какая непростая миссия ожидает Пашино, помалкивали. На их лицах разведчик без труда читал участие и уважение.

— Невероятно, — оценил Соколов. — Просто невероятно! Смотрю на настоящего правоверного. Я сам бы так никогда не смог.

— Если захочешь, сможешь.

— Какая у тебя легенда?

— Я буду изображать паломника, турка из Аясунука, что под Смирны. Имя мое — Мухамед Алба Эфенди, и я, посетив Самарканд, теперь направляюсь в святыню Мазари-Шарифа, гробницу халифа Али. Я примкну к другим паломникам и посету святыню, а оттуда пойду дальше в Индию, перебираясь с одного святого места на другое. Таков мой обет.

— Твоя речь выдает в тебе начитанного человека, Мухамед.

— Так и есть, гяур. Мой недавно умерший отец, да примет Аллах его душу, занимал пост мухаддиса* в медресе* и был знатоком хадиса и фикха*. Он дал мне хорошее образование. Но я много грешил в молодости, пил вино, распутничал с гулящими женщинами и услаждал свои глаза непристойными зрелищами.

— У тебя есть семья?

— Да, две жены и три сына. Я отдал им все свое имущество и занялся спасением души, став паломником.

— Ты был в Мекке?

— Нет, хадж я не совершил, иначе имел бы право назвать себя хаджи. Это моя мечта, посетить Аль-Харам в Мекке, мечеть Пророка в Медине и Аль-Аксу в Иерусалиме.

— Почему же ты не начал с них, а направляешься в Индию?

— Потому, что самое дорогое сердцу оставляют напоследок.

— Откуда ты пришел?

— Через Тегеран, Хиву, Бухару и Самарканд я добрался до Термеза.

— Говорят, в Термезе видели Кара Улюм?

— Так и есть, достойный сын своего отца. О, они страшные воины, свирепые и непобедимые. В блистательной Бухаре их именем до сих пор пугают детей.

— Они тебя не тронули?

— Нет. Да и зачем я им нужен? Они сражаются лишь с врагами Белого царя.

Соколов задал еще несколько вопросов, а затем поднял руки, признавая, что удовлетворен, получив ответы на все вопросы.

— Я пока еще не могу называть себя профессионалом, но к твоей легенде замечаний у меня нет.

— Посмотрим, как она покажет себя в деле, — ответил Пашино.

День тянулся нестерпимо медленно. По крайней мере, так казалось самому Пашино, изнывающему от безделья. Да и нервничал он все же, несмотря на свой внешне полностью беззаботный вид. Но его девиз — пока человек жив, унывать ему не следует — выручил его и на сей раз.

Ночь выдалась темная. Ветер нагнал тучи и закрыл небо. Помолившись и перекрестившись, Пашино выбрался из палатки. Нательный крестик он снял, поцеловал и отдал на хранение другу.

В лагере было тихо, лишь часовой расхаживал на ближайшем холме. Соколов проводил

его к берегу. Там находилась лодка — ее, вместе с веслами и сетью гусары купили днем у местных рыбаков.

— Ну, с Богом! — Пашино первым забрался в лодку и занял место на кормовой банке. Снегирев взял карабин и устроился на носу. Два гусара сели на весла, а Соколов присел рядом, заставив Пашино потесниться.

— Хочу самолично проводить тебя за речку, — сказал он на невысказанный вопрос.

Петр промолчал, но на сердце стало теплее от подобной заботы.

Тихо скрипели весла в уключинах. Поросший камышом берег медленно удалялся. На стремнине течение усилилось и их начало сносить.

Через некоторое время нос лодки уткнулся в южный берег Амударьи. Снегирев первым выбрался на песок и замер, прислушиваясь. Тихо шелестел камыш. Лишь голоса ночных птиц изредка раздавались в ночи.

— Всё, я пошел. Прощаемся. Если что, не поминайте лихом, — неловкое молчание прервал сам Пашино, так как гусары начинать разговор не торопились.

— Возвращайся, Петр, — Соколов крепко обнял его. — И не вздумай сложить свою голову. Ты живой нам нужен. Полезнее пройти путь жизни, чем всю вселенную, — гусар к случаю вспомнил афоризм Козьмы Пруткова.

— Бог даст, увидимся, — Пашино напоследок помахал рукой, прислушался для порядка и начал осторожно удаляться от берега. Он подобрался и даже думать теперь стал на турецком — имелась у него и такая способность.

Через некоторое время Пашино вышел на дорогу. Днем по ней двигались многочисленные купцы и путники, идущие в Шахрисабс и Самарканд. Но сейчас здесь было пустынно, порядочные люди по ночам не ходят.

Русский разведчик удалился от реки, прошел около трех верст, свернул в какие-то кусты и прилег прямо на землю. Именно таким образом ему и предстояло спать ближайшие недели, а то и месяцы.

Новый день он начал с фаджра, предрассветной молитвы. Большая Игра, в которой для него отвели свою роль, требовала от ее участников полной достоверности. Молитвой и прочими ритуалами пренебрегать не стоило ни в коем случае. Теперь он будет молиться по пять раз в день, как и предписано настоящему мусульманину.

Ему подпевали птицы. Пашино счел их беззаботные трели прекрасным знаком. Выпив из фляги воды и закусив кусочком лепешки, он выбрался на дорогу. Негромко насвистывая, он направился к Мазари-Шариф, до которого от Амударьи насчитывалось около пятидесяти верст. Там его дожидался надежный и проверенный человек — афганец Абдулгани. Когда-то тот входил в отряд Искандер хана, перешедшего на службу от Бухарского эмира к генерал-губернатору Кауфману.

Абдулгани встретит его, поможет, чем сможет и немного проводит. Вместе они дойдут до Кабула, и если все сложится хорошо, то афганец повернет обратно и постарается доставить Соколову первую весточку.

В настоящее время Афганистаном управлял эмир Шир Али, дядя изгнанного в Самарканд Абдур Рахмана. Государство при нем продолжало оставаться в варварском состоянии. Правители отдельных провинций и городов чувствовали себя практически независимыми властителями. Для развития страны ничего не делалось, а сам эмир, на бумаге оставаясь суверенным, поддерживал англофильскую политику. Британских военных специалистов в стране насчитывалось великое множество. Они уверенно, а временами и

нагло, контролировали дипломатию, армию и торговлю Афганистана. И тех, кто пытался им помешать, считали врагами.

Примерно через час Пашино догнал какой-то путник верхом на ишаке, с навьюченными на него переметными сумками.

— Мир тебе! — первым сказал незнакомец, с интересом оглядывая Пашино.

— И тебе мир! — разведчик поклонился. Приветствовали его на узбекском. Скорее всего, путник, как и он сам, недавно переправился через Амударью. Интересно, где тот ночевал?

Некоторое время невольный попутчик ехал рядом. Как и все простые люди, он отличался любопытством и крайней степенью наивности. Пашино поведал, что недавно посетил Медресе Шердор в Самарканде, а ныне держит путь в Голубую мечеть.

Путник поспрашивал еще немного, а затем, утолив любопытство, подстегнул ишака. Какое-то время разведчик шагал в одиночестве, а затем от ближайшего ответвления на главную дорогу выехало несколько арб. Они везли в Мазари-Шариф горшки на продажу, и Пашино принял решение присоединиться к ним.

Афганцы не были купцами, лишь обычными ремесленниками. Пахло от них своеобразно. Похоже, последний раз мыться им довелось еще в прошлом году. Один из них запустил грязные пальцы под замасленную тюбетейку, нащупал вошь, вытащил ее и со счастливой улыбкой раздавил на ногте. Гончары с немалым уважением оглядели странствующего паломника, пошептались, потеснились и предложили ему прилечь рядом с собой, на мягком клевере.

— Да прольет Аллах на вас свою милость, — от чистого сердца пожелал разведчик, занимая место на арбе и давая отдых ногам. Так началось его опасная миссия.

С этого дня он мог рассчитывать лишь на Бога, достоверность тщательно продуманной легенды, прекрасное знание Корана, языков, а также на личное хладнокровие. И конечно, ему совсем бы не помешала малая толика удачи.

Зиндан* — аналог тюрьмы в Средней Азии.

Паскевич* — Пашино имеет в виду Светлейшего князя Варшавского, графа Ивана Федоровича Паскевича, ставшего генералом в 28 лет.

Ослиный навоз* — факт, описанный самим Пашино в своих записках.

Хадис* — исламские предание. Соответственно, мухаддис — знаток преданий.

Медресе* — религиозно-просветительское и учебное заведение.

Фикх* — исламское право.

— Чайку, вашблагородие? — поинтересовался подошедший Снегирь. — Самовар только вскипел. А чуть позже и ушица поспеет.

— Давай! Сейчас подойдем, — распорядился я.

Вместе с Георгием Рутом мы стояли на небольшом пригорке. Припекало. Снизу густо рос камыш, а за ним открывалась широкая и мутная Амударья. Где-то там, уже как две недели, выполнял свою миссию Петр Пашино. Интересно, как у него дела? Докуда он добрался? Все ли с ним в порядке?

После Мазари-Шариф он планировал выступить на Пули-Хумри, Баграм и Кабул, а оттуда держать путь на Пешавар. А это уже Индия, точнее, владения англичан, так как по итогам второй англо-сикхской войны 1849 г. Пешавар стал частью Британской Индии.

Пешавар — крайняя точка маршрута. Там стоят британские войска, в частности, знаменитый 92-й Шотландский пехотный полк, так называемые горцы Гордона. Это серьезные ребята, основательные. В случае чего, таких с наскока не взять. Их присутствие в любой точки планеты недвусмысленно намекает, что Англия имеет на данную территорию далекоидущие планы.

Русский разведчик получил задание в том числе оценить боеспособность полка и выяснить моральный дух храбрых шотландцев. Заодно ему предстояло осмотреть встреченные по дороге колодцы, крепости и их гарнизоны, понять, чем живут и «дышат» афганцы и индусы.

Петру необходимо преодолеть порядка 600 верст по пескам и горам, и это только в одну сторону. И он, как бы странно подобное не звучало, стал первым русским разведчиком, замахнувшимся на столь серьезное дело.

Англичане громогласно заявляют о независимости Афганистана и о том, что никому не позволят эту самую независимость у него отнять. Под «никому» они главным образом подразумевают Россию. При этом самивоспринимают Афганистан как будущую часть собственной колонии, которая вот-вот к ним присоединиться. Так что именно британцы, а не афганцы представляют для Пашино главную угрозу. Они и умнее, и инициативнее, да и в шпионские игры играть умеют. Это не афганские царьки, которым плевать, кто шляется по их землям. Нет, англичане к подобному относятся серьезно и щепетильно.

А вообще, все эти названия — Пешавар, Гиндукуш, Кандагар, Кашгар и прочие для моих ушей почему-то звучат музыкой. Есть что-то в них особенное, какой-то удивительный колорит. Тут же кругом такая древность, что даже Арабский халифат VIII века выглядит новейшей историей на фоне Вавилона и Ассирии.

— Пойдем, Георгий, отдохнем, — я повернулся к двадцати двух летнему поручику Руту. Подтянутый, гладко выбритый, с усиками, он сочетал в себе такие необходимые гусару качества как честь, храбрость, разумная инициатива и надежность. Всякие организационные и штабные дела он презирал и всеми силами от них увивал, историю и математику ненавидел, а вот армейскую разведку и будущие сражения считал чуть ли не своим священным долгом. В полк он прибыл год назад из Тверского кавалерийского училища и мечтал прославиться. Ко мне он относился как к человеку, которому все в жизни удалось и с которого стоит брать пример.

— Устал я уже здесь бока отлеживать, Михаил. Окопались мы, как суслики какие, — он

нахмурился. Оно и понятно, вынужденное безделье всех доконало, и нас, и нижних чинов. Хотелось разрядки, какого-то дела. — Впрочем, против чая ничего не имею. Мне одна кокетка как-то говорила, что он при ожирении полезен. Врала, похоже, стерва, судя по ее пышным телесам. А я молодой был, всему верил, — товарищ хохотнул, словно уже успел стать умудренным седоволосым мудрецом.

Мы прошли в лагерь, присев на складные стулья в жидкой тени кустов. Сверху гусары натянули полог, помогающий переносить зной. Люди и кони выглядели как вареные. Даже разговоры затихли в этот час, хотя нижние чины любят лясничать. И лишь трубки-носогрейки дымили тут и там.

Жара стояла страшная, и наша светлая летняя форма мало что могла изменить. Здесь, в Термезе летом температура достигала 50 градусов. А зимой сюда приходила настоящая, без дураков, зима. А заодно морозы и ветра. Амударья покрывалась льдом. Правда, он был тонким, и ходить по такому я бы все равно не решился. Но лед не давал пароходам с Арала подниматься в верховья реки. Хотя, они и так пока здесь не появлялись — их проходу мешала Хива.

Отправляясь в Термез, мы неплохо подготовились. Я взял с собой походный погребец, тот самый, который приобрел еще в Чугуеве. У нас с Рутым имелся самовар со стаканами, миски и столовые приборы, брезентовая палатка, походные кровати, стопки и даже припасенные на крайний случай несколько бутылок вина и водки. Да и с провиантом сложностей не возникало. Тем более, хлеб, барашков, рыбу, вкуснейшие дыни, инжир и все прочее мы покупали у местных. Цены тут просто смешные и они охотно принимают русские медные деньги. А за десяток серебряных рублей можно весь кишлак Патта-Гисар выкупить, с девками, ишаками и садами.

Мы с Георгием неторопливо попивали чаек, отирали платками лица и прикидывали, чем можно себя занять. Рут рвался провести рекогносцировку «за Речкой». С моей легкой руки термин прочно вошел в нашу жизнь. Я поручика пока сдерживал, хотя и сам мечтал почувствовать на себе атмосферу Афганистана.

Мы не могли мучить нижних чинов бесконечными тренировками от рассвета до заката. Нас бы просто не поняли, да и у самих столько сил нет. Так что свободного времени оказалось с избытком. Пытаясь себя чем-то занять, я неожиданно понял, что мне нравится лазать по развалинам Термеза, а заодно обследовать живописные руины древней крепости Зюнынабада. Побывал я там несколько раз и даже успел покопаться в земле.

Пашино рассказывал, как совершал археологические изыскания на Волге, в Казанской губернии и при этом нашел крайне редкую монету чеканки Дмитрия Донского.

Вот и мне посчастливилось найти греческую монету. Возможно, она принадлежала государству Селевкидов. На одной стороне виднелся мужской профиль в диадеме, а на другом женщина с распростертыми руками и угадывалась надпись на греческом «ΒΑΣΙΛΕΩΣ». Но я не нумизмат и в таких вещах разбираюсь слабо. Рассмотрев монету как следует, решил, что подарю ее Кате. А в голове появилась мысль — может и самому стоит заняться нумизматикой?

Да, археологи сюда еще не добрались. Тут наверняка такое можно отыскать, что и не верится. Хорезм, Индия, Китай, Бактрия, Византия, Иран, арабы, евреи, турки — все они оставили здесь свои следы.

Недалеко от нас, на Амударье виднелся покрытый зеленью остров Арал-Пайгамбар. Пашино упоминал, что когда-то через остров шел мост, по которому проходила переправа.

Но это было давно, еще до Чингиз-хана. Сейчас с одного берега на другой можно перебраться либо на лодках, либо вплавь, если ты человек бедный и лишних денег у тебя нет.

— Партию в шахматы? — предложил Рут.

— Можно.

Мы сыграли. Поручик играл примерно так же безрассудно и опрометчиво, как капитан Крицкий, который познакомил меня с Катюшей. Победить Георгия особого труда не составило.

Положенный нам для нахождения в Термезе месяц заканчивался. И ничем необычным он не запомнился. Лишь жара, скука и нежелание занять себя хоть чем-то полезным. Здесь, на окраине Империи, в сонном и застывшем Средневековье, ты и сам невольно становишься ленивым и безразличным ко всему лодырем. И потому приходилось пересиливать себя, чтобы провести очередной бой на саблях, организовать полевые занятия с гусарами или отправиться на раскопки в древние развалины.

Довольно часто мимо нас проходили купцы и путники, переправляющиеся через Аму в ту или иную сторону. Среди них был и Зверобой, отправившийся в Афганистан. Мы с ним проводили друг друга безразличными взглядами.

Связной Пашино пришел в наш лагерь на двадцать девятый день.

— Вашблагородие, человек к вам. Азиат какой-то, говорит по делу, — доложил старший вахмистр Чистяков. — Кустами к нам вышел, прячется, как последний сукин сын!

— Веди немедленно! — отрывисто приказал я, прогоняя дрему. Георгия отправился на реку купаться, а я решил малость вздремнуть. Но при долгожданном известии сон с меня как рукой сняло! Ну, наконец-то, похоже, дождался весточки от Петра! Здесь, в Термезе, больше некому гореть желанием со мной поговорить.

Гость оказался среднего роста, чернобородым мужчиной в пыльных одеждах и с усталым лицом. Судя по его стоптанным грязным сапогам, и прожжённом во многих местах халату, последнее время он много странствовал.

— Ас салям алейкум, эфенди! — приветствовал он меня на неплохом русском. — Я Абдулганди, друг Петра Ивановича.

— Ва алейкум ас салям! Я ждал тебя и рад нашей встрече, — ответил я, оглядывая гостя. Загорелый до черноты, сейчас он впервые улыбнулся, понимая, что благополучно выполнил задание. — Архип, тащи зелень, лепешки и баранину. И самовар ставь. Проходи к палатке и отдохни. Здесь ты в полной безопасности. Сейчас мы покушаем, и ты расскажешь все последние новости.

Инструктирующий меня Шауфус советовал придерживаться в общении с агентами строгой линии поведения. Не знаю, может он и прав, но я считал, что толика искренней сердечности делу лишь поможет — работая на русскую разведку эти люди рискуют своими жизнями, так что они заслуживают нашего уважения.

— Вот, первым делом прими послание, — по привычке оглянувшись, афганец сунул руку за пазуху и извлек сложенные в квадрат несколько листочков серой бумаги. Пашино рисковал, не побоявшись написать письмо, а афганец рисковал не меньше, доставляя его мне.

— Благодарю, ты большой храбрец, Абдулганди. Держи! — я передал ему небольшой мешочек, в котором тихо позвякивали серебряные бухарские таньга. Таньга продолжал чеканить эмир Бухары. Монета могла похвастаться стабильным весом и имела хождение от Турции до Китая. В Средней Азии она, наравне с рублем, считалась основной денежной

единицей при расчетах. При обмене за одну танга давали двугривенный*.

— Спасибо, эфенди, — связной с поклоном принял мешочек с деньгами.

Мы расположились в тени, рядом с палаткой. Гость омыл руки и лицо, присел на расстеленный коврик и с наслаждением впился в бараний бок. Гусары в лагере жили обычной неспешной жизнью. Снегирев готовил на огне похлебку, кто-то чистил коней, часовой расхаживал на ближайшей возвышенности, оглядывая округу. От воды слышался смех и звуки ударов по мокрой ткани — нижние чины стирали форму, используя вальки*. Плохо, конечно, что Абдулганди видят столько ненужных глаз, но приходилось с этим мириться.

Вернулся освежившийся Рут. Поручик сел на стул и внимательно осмотрел гостя. Георгий имел все шансы со временем стать полноценным разведчиком, да и сам признался, что мечтает о подобном. Если дело и дальше так пойдет, то через некоторое время я смогу представить его Шауфусу — надежные люди русской разведке нужны.

Судя по всему, Пашино составил о Руте не очень высокое мнение, а мне вот Георгий нравился. Ну да, молод немного, от того и не любит всякую «бухгалтерию». Ничего, со временем станет настоящим профессионалом.

Афганец продолжал кушать, чувствовалось, что в дороге он сильно оголодал. Мы с Рутром его не торопили, давая возможность прийти в себя. Постепенно гость расслабился. И на нас, на гусар Смерти, начал поглядывать не с опасением, а с зарождающимся любопытством.

Пока он расправлялся с барашком, а затем уделил внимание бесподобным дыням, я развернул и просмотрел бумаги Пашино. Они были написаны разными чернилами, некоторые слегка обгорели от костра, а другие промокли от пота или воды — на них оставались пятна и разводы. Но красивый почерк друга я узнал сразу же.

Скорее всего, разведчик делал записи в дороге, пользуясь случайными возможностями. Бумагу покрывали непонятные символы и знаки. Прямо здесь, без знания шифра, я не мог ничего с ними поделать и поэтому бережно сложил листочки, для сохранности спрятав их портсигар. Хотя и так ясно, что там содержатся различные сведения о встреченных Пашино англичанах и их активности, о войсках (если их можно так называть) эмира Шир Али и обо всем прочем, что привлекло его внимание. С этим пусть Шауфус разбирается.

— Как вы расстались с Петром Ивановичем? — поинтересовался я, дав знак Снегиреву, чтобы он подложил афганцу фруктов.

— Хорошо расстались, эфенди. Петр Иванович неплохо себя чувствует и шлет тебе салам. Он ушел по дороге на Пешавар и велел передать, что сюда, в Термез, собирается вернуться через два месяца.

— Два месяца... — протянул я, мысленно представляя все те дороги, перевалы и опасности, что предстоит преодолеть моему другу. — Что еще он передал?

— Сказал, что дела пока складываются хорошо, тайник в Мазари-Шариф не нужен. В нем нет смысла, все самое главное навеки запечатлено в его голове, — афганец с важным видом постукал себя ладонью по затылку.

— Где вы с ним расстались? — вступил в беседу Рут.

— В Кабуле, господин.

— Расскажи, как добрались до Кабула, — потребовал я, отмахиваясь от прилетевшей на запах сладкого осы.

— Хорошо, но много времени потеряли, изображая паломников. Будь у нас ваши кони,

мы бы вихрем туда домчались, — афганец широко улыбнулся, блеснув зубами.

Пустые мечты! Паломники ходят медленно, а тот, кто сядет на наших вороных коней, неизбежно привлечет внимание.

Беседа продолжалась около часа, за время которого я выяснил все самое необходимое, заодно составив некоторое представление об Афганистане. Для Абдулганди разбили отдельную палатку, куда он отправился спать. Остаток дня и ночь гость должен провести в нашем лагере, после чего вновь отправится в Кабул, где будет дожидаться Пашино.

— А мы что будем делать, Михаил? — поинтересовался Рут. — Возвращаемся в Ташкент?

После разговора с афганцем, я поймал себя на мысли, что чувствую себя двояко. С одной стороны — радость и облегчение. У Пашино все складывается превосходно, а нам нет нужды отправляться в Мазари-Шариф за бумагами, рискуя жизнью и свободой. С другой стороны — разочарование, и по той же причине. Ведь теперь не надо рисковать жизнью, выдвигаясь за этими самыми бумагами. Подобный анабасис* мог бы стать замечательным приключением! Да, вот такой парадокс мышления! Странно устроен человек, а гусар — тем паче, ведь мы существа ранимые, кривоногие и прямоходящие!

— Как тебе идея выбраться за Речку? — тщательно обдумав последствия, поинтересовался я. На самом деле, эта мысль довольно давно не давала мне покоя. Прямого запрета посещать Афганскую территорию я не имел, а вернуться домой и не пересечь границу, значит укорять себя за благополучно упущенный шанс.

— Предлагаешь пройтись строем при всем параде? — моментально оживился Георгий. — Я только за! И пусть враг вздрогнет! Взвейтесь, соколы, орлами!*

— Нет, не при параде. Я, ты и еще трое, без формы, но при оружии. Вылазка на два дня. Пройдемся по окрестностям, почувствуем воздух и дороги Афганистана.

— Нас в любом случае выдадут кони.

— Плевать! Доказать никто ничего не сможет. Нам главное в руки афганцев не попасться. И мы не попадемся — здесь никого кроме крестьян нет.

— Отлично, я с радостью разомну кости, — заверил Рут. Оно и понятно, что еще мог ответить молодой и склонный к браваре офицер?

Возможно, мой план казался несколько авантюрным, но это лишь на первый взгляд. На границе эмир Афганистана войск не держит. Ближайший гарнизон находится в Мазари-Шариф, в пятидесяти верстах. Так далеко забираться я не хотел, мы осмотрим ближайшие окрестности, вот и все.

Пока Абдулганди продолжал пользоваться гостеприимством гусар, мы время терять не стали. В путь отправились ранним утром, еще по темноте. В лодку, кроме двух гребцов, сели я, Рут, неизменный Снегирь, старший вахмистр Чистяков и еще один гусар по фамилии Проходько. Кони переправились самостоятельно, их лишь привязали на длинных веревках к корме.

Я с некоторым беспокойством следил за Хартумом, но великолепный конь показал себя и в водной стихии самым лучшим образом. Он плыл первым, увлекая за собой остальных скакунов.

— Через два дня, в это же время на этом же месте, — еще раз напомнил я гребцам, и мы отправились в путь. Выглядели мы как типичные мусульмане — шаровары, накидки, чалмы и тюбетейки. И лишь кони с русской упряжью да еще оружие показывали, что мы не те, за кого себя выдаем.

Но я сильно подобными вещами голову не забивал. Скорее всего, англичане узнают, что по северным границам Афганистана рыскали какие-то подозрительные личности. Ну и пусть узнают, может нервничать начнут, а доказать они ничего не смогут.

Хартум скакал легко, наслаждаясь бегом и собственными силами. Казалось, для скакуна суший пустяк двигаться так целые сутки. Похлопав его по лоснящейся шее, я еще раз поздравил себя с удачной покупкой. Он, конечно, не жеребец взятого нами в плен бухарского эмира Музаффара, но не сильно ему уступает.

Местность казалась ровной, как стол. Серовато-коричневая земля состояла из песка и глины с редкими вкраплениями чахлой, пожухшей растительности. На востоке виднелась узкая полоска дальних гор. Судя по карте, возвышенность должна быть и на юге, уже за Мазари-Шариф. Здесь же раскинулась равнина с редкими дорогами, кишлаками и плохо одетыми афганцами. Встречные путники оглядывали нас со смесью удивления и опаски. Никто не понимал, кто мы такие, а с вопросами лезть опасались. Пятерых всадников, обвешенных оружием с ног до головы, редко кто решится о чем-либо спрашивать.

— Признаюсь, Георгий, разочарованию моему нет предела, — вечером, когда мы устроились на привал и разожгли костерок, разоткровенничался я. — Понятное дело, я не рассчитывал на чудеса природы и величественные развалины древних крепостей. Но ведь здесь даже глазу не за что зацепиться!

— Согласен, унылое местечко. Унылое, пыльное и бесплодное, — кивнул товарищ. На этом обсуждение Афганистана и закончилось — нечего оказалось обсуждать.

Ночью выли шакалы — хоть какое-то развлечение. Я думал, что вылазка принесет какую-то пользу, а она ничего нам не дала. Доберись мы до Мазари-Шариф или встретим местных джигитов, так оно бы и было, а так мы лишь впустую потеряли время. Хотя, теперь есть чем гордиться — я побывал за Речкой.

Второй день не принес никаких сюрпризов. Наш маленький отряд, преодолев около тридцати верст, повернул обратно и по внушительной петле под вечер вернулся к реке. Ночевали на южном берегу. Утром, как и договаривались, приплыла лодка. Переправились без всяких неожиданностей, наслаждаясь прекрасным восходом и видом стремительно тающего тумана над водой. Абдулганди в лагере уже не застали — он ушел обратно в Афганистан.

— Готовь людей, Георгий. Завтра снимаемся и возвращаемся в Ташкент, — приказал я, очутившись на русской земле.

— С удовольствием, — товарищ улыбнулся. Он, как и я, был рад покинуть порядочно надоевший Термез. Да и кто бы был не рад?

В Ташкенте меня ожидали свежие новости. Наш командир барон Оффенберг получил генерала и был отозван для дальнейшей службы в Москву. Его место занял князь Ухтомский, ставший полковником. Ротмистр Седов получил подполковника, а Ян Озерский стал новым командиром третьего эскадрона. Вот так перевод одного человека на другое место службы позволил сразу трем офицерам продвинуться в чинах и должностях.

Первый рапорт о деталях поездки в Термез я отдавал именно Ухтомскому.

— Ты задержался на трое суток, — с неудовольствием заметил полковник. Мне показалось, что к своему новому званию и должности он относится трепетно, с чувством огромного удовлетворения. — Я проводил смотр в присутствии генерал-губернатора Кауфмана. Отсутствие части гусар сказало на нашем полку не самым лучшим образом.

— Задержался по объективным причинам, на заранее обговоренный срок. Необходимо

было получить известия от надворного советника Пашино, — ответил я, не скрывая удивления. Во время ужина в честь Тургенева у нас с князем случилась первая размолвка, затем произошла еще парочка эпизодов, когда мы плохо поняли друг друга. Но князь никогда ранее не считался бюрократом и брюзгой. Он был прекрасным товарищем и настоящим гусаром. Неужели повышение до командира полка так на него подействовало?

— Я не придираюсь, как тебе могло показаться, но лишь требую соблюдения дисциплины, — Ухтомский сделал вид, что не замечает мой недоуменный взгляд. — Александрийские гусары находятся на виду, я лишь забочусь о чести нашего мундира.

— Как и я.

— Хорошо. Полагаю, инцидент исчерпан, — Ухтомский помолчал, ожидая, не добавлю ли я чего-то еще. Моих оправданий не последовало, виновным я себя ни в чем не считал. Подумаешь, задержался на трое суток! А если бы в горах обвал случился или что похуже? Мы могли и на неделю в Шахрисабсе застрять, и на две, ожидая, пока откроется перевал.

Про Пашино я не стал ему ничего объяснять. Дело это секретное, детали знают лишь несколько человек. Ухтомский лишь понимает, что Пашино — разведчик, отправившийся с крайне непростой миссией в Афганистан. И если он умен, а князь умен, то лишние вопросы задавать не станет.

Еще один доклад ожидал от меня Шауфус. С ним мы разговаривали дольше, он интересовался любыми, даже самыми незначительными, деталями. Под конец я все же признался, что ходил за Речку.

— Не знаю, стоило ли вам так поступать, — он покачал головой. — Толку, как я понимаю, от подобного мало, а вот неприятностей можно огрести сполна. Англичане могут обидеться и отправить ноту протеста.

— Нас не поймали, не опознали, а мы первыми почувствовали под ногами землю Афганистана.

— Может вы и правы, — он неожиданно усмехнулся. — Будем считать, что я ничего об этом не знаю.

Исполнив все служебные обязанности, переговорив с товарищами и передохнув, я вплотную занялся собственным начинанием. Меня сильно волновал вопрос полевых кухонь. Эх, как же Оффенберг не вовремя покинул полк! Я переживал, что Ухтомский начнет чинить препятствия, но все обошлось самым лучшим образом. Тревоги рассеял Тельнов, а затем и инженер Волков.

— Михаил Сергеевич, пока вы были в Термезе, испытания кухонь благополучно закончились. Было составлено несколько итоговых актов — о надежности, удобстве и прочности вашего изделия, о проведенных проверках, о том, как пища готовится на марше и на стоянке, о качестве готовой еды и расходе топлива, — доложил мне инженер Волков. — Все это было подписано самим полковником Оффенбергом, подполковником Тельновым и генералом Головачевым. Акты и пояснительные записки фельдъегерской почтой отправили в Петербург. Так мне сказал ваш товарищ, подполковник Тельнов.

— Он и мне так сказал, — я мысленно отметил, что Ухтомский акты не подписывал. Тельнов эту деталь упустил сознательно, но оно понятно, он против любого недопонимания и трений в родном полку. — Значит, все хорошо?

— Совершенно точно-с. И вот еще что... только прошу не судить меня строго. В ваше отсутствие я все ломал голову, как же можно усовершенствовать кухню. И знаете, Михаил Сергеевич, кое-что таки придумал. А именно — изыскал ресурс, чтобы уменьшить телегу в

длине и слегка облегчил вес за счет более экономного использования материалов. В итоге она стала легче на полтора пуда*. Каково, а? — он с немалой гордостью приосанился.

— Ну, положим... — осторожно заметил я. — Полтора пуда совсем не плохо. Но вы помните главный принцип данного изделия — простота, долговечность и относительная дешевизна.

— Принцип соблюден полностью, даю вам свое слово. Кухня стала не намного дороже в изготовлении. Впрочем, что это я, не угодно ли взглянуть на новый чертеж?

На чертеж я посмотрел. И чем дальше изучал, тем отчетливей понимал, что Волков настоящий молодец. Да, неплохо он потрудился. Вот что значит дипломированный инженер с профессиональным подходом. Он прав, так действительно лучше.

— Блестящая работа, Сильвестр Тимофеевич! Bravo! — я пожал инженеру руку. — Вы большой молодец и заслужили премию, тут и говорить не о чем. Инициативу вашу я полностью одобряю и поддерживаю.

— Благодарю. Но теперь я жду вашего слова — что мне делать дальше? — инженер буквально зарделся от того, что его заслуги оценены по достоинству и даже слегка вспотел от воодушевления.

— А какие ваши планы? — вопросом на вопрос ответил я.

— По личным делам мне надо вернуться в Москву, а затем посетить столицу. Это займет порядка трех месяцев, после чего я готов оказать вам всяческое содействие.

— Вот и славно. Нам с вами, Сильвестр Тимофеевич, в любом случае надлежит дождаться вердикта Военного Министерства. Они должны принять кухню, сделать заказ и выдать необходимые средства. И тогда вы возьметесь за их изготовление.

— Не сочтите меня сомневающимся, но как-то у вас все легко получается, — Волков покрутил головой. — Кухни должны принять — раз! И тендер на их производство должны получить именно вы — два! Построить заводик и наладить производство — три! И я не говорю о великом множестве иных препятствий. Бюрократическая машина и конкуренция за столь внушительный заказ смогут существенно повлиять на ваши планы.

— Может, и повлияют, но мы с вами будем рассчитывать на лучшее. Я создал полевую кухню, и Министерство не сможет отодвинуть меня в сторону. С патентами у нас же все благополучно?

— Патенты в наилучшем виде. Не подкопаешься, — успокоил меня инженер.

Основные детали полевой кухни и найденные инженерные решения я запатентовал. Здесь, как и с телефоном Баранова, нельзя ничего пускать на самотек. С этой стороны мы себя прикрыли. Но Волков не знает о моей дружбе с цесаревичем, что вполне естественно. С его точки зрения казалось, что впереди огромное количество трудностей. Так оно и есть, но я вновь воспользуюсь связями наследника. За кухню я не переживаю, она выполнена на совесть, добротна, и армия действительно в ней нуждается. Вероятно, проект можно еще более удешевить, придумав дополнительные новшества, но и прямо сейчас он принесет немало пользы. Полевые кухни, как и ранее телефон, станет весомым вкладом в длинную череду полезных изобретений, сделанных русскими инженерами.

Первые полевые кухни, насколько мне известно, появились в армии Наполеона. Естественно, они были громоздки, неудобны и не до конца продуманны. Человеческая мысль не стояла на месте и уже сейчас англичане, немцы и те же французы продвинулись в данном вопросе, вплотную подойдя к тому, чтобы оснащать ими свои армии на постоянной основе. Волков, хвастаясь, что знает последние веяния в данной области, малость ошибся.

Еще два-три года и у ведущих европейских армий кухни будут. Но мы можем вновь оказаться первыми в столь важном деле. А если и не самыми первыми, то в их числе.

Сильвестр Тимофеевич отправился в Москву. Мы с ним договорились, что через три месяца он приедет в Саратов, где заложит мастерскую и наберет людей.

Саратов я выбрал по ряду причин. Во-первых, он расположен на Волге и уже сейчас через него проходит недавно открытая железная дорога. Если где и строить пароходы, то именно на Волге с ее исполинской водной сетью, которая включает себя Каму, Оку и Суру, а так же Каспийское море. Пароходы обязательно будут покупать, пользу для страны они принесут немалую.

В настоящее время основное производство и заводы Российской Империи расположены в Европейской части. А надо и другие регионы развивать, к примеру, Сибирь. А если со временем ставший императором Николай начнет реформу по переселению части крестьян за Урал, как в известной мне истории начал Столыпин, то завод в Саратове неплохо впишется в новую стратегию развития страны.

Сильвестру Тимофеевичу предстояло серьезное дело. Впереди его ждала огромная работа, но я в него верил. Тем более, он и сам понимал, что такие возможности судьба выдает не часто. Если все получится, то он со временем может стать весьма богатым и известным инженером, перед которым откроются многие двери. А там и мечту свою осуществит, начав делать пароходики.

Я дал ему три тысячи рублей. Больше у меня в Ташкенте нет, а на первые расходы должно хватить и этого. Если что, займу у Хмелёва или заберу часть прибыли у «Державы». Затем деньги придут из Военного Министерства, будущий завод начнет окупать сам себя, а после и доход приносить.

Тем более, вряд ли нам сразу поручат заказ на всю армию. Сначала масштабы будут куда скромнее — укомплектовать полевыми кухнями пару десятков полков. И такое неспешное развитие нам подходит идеально.

Как и Баранов ранее, Волков хотел назвать новое предприятие каким-то длинным, унылым и совершенно незапоминающимся именем. Я убедил его остановиться на слове «Победа» имея в виду, что когда он начнет строить пароходы, то такая марка будет звучать солидно и надежно. Она понравится людям, обязательно понравится. Да и кухни с подобным названием принесут хоть и малую, но все же прибавку к моральному духу воюющей армии.

Валёк* — ребристая палка для стирки одежды.

Двугривенный* — двадцать копеек.

Анабасис* — буквально, восхождение, поход по вражеской земле вглубь страны.

Взвейтесь, соколы, орлами!* — поручик Рут цитирует первую строку одноименной песни.

Пуд* — 16 килограмм.

Скобелев прислал очередное письмо. Он еще раз упомянул, какая у меня чудесная сестра и что они теперь помолвлены. Ну, это я и так знал, успешно закончившая учебу Полина не раз и не два писала о своем женихе. Да и матушка буквально закидала меня посланиями, в которых интересовалась всем, что связано с моим другом Скобелевым — что он за человек, надежен ли, каков у него характер, и все прочее.

День свадьбы пока не назначили. Скобелеву нужно ждать отпуска, да и Полина непременно хотела, чтобы на венчании и свадьбе присутствовали не только родители, но и мы с Митькой.

Михаил сообщил, что неприятный инцидент, случившийся с ним в Красноводске, удалось благополучно замять. Обвинения с него сняли, и он успел получить очередное звание, став капитаном и перейдя в пехоту. Теперь он официально числится старшим адъютантом штаба 22-пехотной дивизии в Новгороде.

Что примерно так и сложится, я особо не сомневался. Скобелевы — весьма влиятельная в столице фамилия и у них достаточно прочные позиции при дворе. Дед и отец Михаила — генералы. Первый уже умер, а второй продолжал служить. Причем прадед Миши был обычным солдатом и дослужился лишь до сержанта. А вот дед шанса не упустил, сделал успешную карьеру в армии, да еще и пользующиеся популярностью книги писал. Все это говорило о том, что простому человеку в России хоть и сложно пробиться наверх, но возможность такая есть. Социальные лифты кое-как, но работали.

Друг упомянул, что вновь причислен к главному штабу для «письменных занятий», а рекогносцировка дороги к Сарыкамышу получила высокую оценку в Военном ведомстве. 9 февраля 1872 г. наши с ним материалы рассмотрели на общем Собрании Императорского Русского географического общества. Затем их опубликовали в восьмом томе «Географических известий» в виде статьи Скобелева и Соколова под заголовком «Маршрут, пройденный из Красноводска по направлению на Хиву».

Скобелев оказался благородным человеком, указав меня, как соавтора статьи. На самом деле, я ни слова там не написал. Михаил лишь прибегал к моим советам, наблюдениям и воспоминаниям. Подобным образом он выразил свое уважение, и мне было очень приятно.

Поручика Рута отправили в Термез встречать Пашино. С собой он взял десяток гусар. Я предложил для миссии себя, но ни Ухтомский, ни Шауфус подобной идеи не поддержали.

— Учитесь мыслить масштабно, — посоветовал мне Шауфус. — Ваш товарищ всего лишь отправится за Петром Ивановичем и просто поможет ему добраться до Ташкента. Поручику Руту категорически запрещено переходить границу и каким-либо образом помогать Пашино. Если тот позволил себя раскрыть и попал в плен, значит, вопрос будет решаться по дипломатической линии, а не по военной. Так что вам незачем терять целый месяц. Кстати, что там с вашим Зверобоем?

— Пока ничего, — я пожал плечами. — Вестей от него нет, и мне подобное не очень-то нравится.

— Плохо. Может вам имеет смысл найти еще одного агента?

Шауфус был прав. Мне требуются люди, нужно расширять агентурную сеть.

Некоторое время я посещал рынок Ташкента, пытаюсь подыскать подходящего человека. Большая часть людей не внушала доверия, а применять свою способность совершенно не

хотелось. Все же это не правильно — внушать человеку симпатию к ротмистру Соколову и заставлять его рисковать собственной головой на благо русской разведки.

В конце концов мне удалось найти и привлечь на службу нового сотрудника. Им вновь оказался купец, правда, на сей раз узбек, уроженец Бухары. Имя его звучало как Кирам Хайдаров.

Кирам торговал коврами и говорил, что ненавидит хивинцев. В отличие от Ариан Хана отношения у нас с ним строились не сколько на доверии, сколько на деньгах.

— Доставь те сведения, что я просил, и получишь хорошее вознаграждение, — пообещал я Кираму при одной из наших встреч.

— Конечно, Михаил-бек, так я и сделаю, — с поклоном ответил он и через некоторое время отправился в Бухару, чтобы уже оттуда добраться до Хивы.

Хайдаров симпатии не вызвал. Слишком уж плутоватыми казались его бегающие глаза. Веры такому нет, купец может и предать, а «крючка», за который его держать, у меня нет. Хотя, никаких секретов он не узнал, денег я ему не давал, так что пусть проявит себя в деле, может и хорошим человеком в итоге окажется.

Я доложил Шауфусу о новом агенте, которому дал псевдоним Проныра, и о его задании.

— Неплохо, что у вас появляются новые люди, — Шауфус одобрил мои действия. — Подождем и посмотрим, какие вести принесет ваш Проныра.

В июле в Ташкент вернулся поручик Рут. С собой он привез Пашино.

— Петр! — я не удержался и обнял друга. Выглядел тот плохо — изможденный, сильно похудевший и осунувшийся, с кругами под глазами. Да и седых волос прибавилось. — Как же я рад тебя видеть! Как все прошло?

— Удовлетворительно, — он усмехнулся, дернув краем рта. — Нервы себе сильно попортил, но дело того стоило.

— Понимаю. Держи свой крестик.

— Благодарю. Я часто о нем вспоминал, — Петр бережно принял у меня личную святыню, поцеловал её и торжественно надел на шею, после чего троекратно перекрестился, найдя взглядом купол недавно построенной Пантелеимоновской церкви, расположившейся рядом с госпитальным кладбищем. На строительство церкви средства вносили жители Ташкента. Кауфман пожертвовал три тысячи рублей, но еще больше дал купец первой гильдии Дмитрий Захо. — Вот ведь, вроде обычный кусочек металла, а если так разобраться, то совсем и не обычный.

Естественно, в детали своей операции он не вдавался, а я его не расспрашивал. Пашино доложил полковнику Шауфусу об обстоятельствах задания и около недели оставался в городе, набираясь сил.

За эти дни он рассказал мне немало интересного об укладе и обычаях Афганистана и Британской Индии, куда все же добрался. В Пешаваре англичане его чуть не разоблачили.

— Я оказался в шаге от провала, — заметил разведчик. Он так красочно описывал свои приключения, что временами они напоминали восточную сказку. Только сказка была серьезная, и окончиться могла плачевно. — Горцы Гордона произвели впечатление прекрасного полка, да и контрразведка у них поставлена отменно.

Немного окрепнув, Пашино отправился в Петербург. Его миссии придавали внушительное значение, и именно там, в «высоких» кабинетах, будут принимать полный доклад разведчика.

Как и каждый год, мы пережили сорокадневный безветренный летний изнуряющий

зной, который носил имя чилля. Слово так и переводилось с фарси — сорок дней. Период этот обычно захватывал часть лета с 25 июня по 3 августа, и в это время отмечается максимум летних температур. Днем люди и животные буквально подыхали от зноя, да и ночи не приносили особого облегчения. Положение спасала невысокая влажность, при которой подобную, выше сорока градусов по Цельсию, температуру переносились куда легче.

Верующие мусульмане, суфии, различные дервиши и прочий религиозный люд использовал это время для уединения, молитв, поста, философских бесед и чтения Корана. Путешествия останавливались. Работы в полях и садах замирали. Даже торговля, основной вид деятельности в Средней Азии, и та несколько сбавляла обороты.

Проживающие в городе русские переносили чилля куда хуже местных жителей. Самым лучшим средством справиться с ним выступали две вещи: прохладное темное помещение и зеленый чай.

Не знаю почему, но в нынешнем году чилля дался мне тяжелее, чем раньше. Возможно, все дело в том, что я немного устал. Устал от Средней Азии и Ташкента. Устал и захотел домой, к нормальной русской зиме, Масленице, березкам, росе на лугу, лесному озеру утром, когда стелется туман и начинают просыпаться птицы. Да и соскучился я что-то по родным, друзьям и Кате Крицкой.

Лето 1872 г. более ничем особенным не запомнилось. Служба моя продолжалась, хотя сейчас, под командованием полковника Ухтомского она перестала быть такой комфортной, как раньше. Князь частенько находил повод для критики в отношении моего четвертого эскадрона. То ему одно не нравилось, то другое, то третье. Его придирки не были слишком уж категоричными, временами он действительно оказывался прав, но в мою жизнь подобное отношение добавляло ложку дегтя.

Благодаря женам и сестрам боевых товарищей, у нас сложилась замечательная атмосфера. Клуб Александрийских гусар стал в Ташкенте местом узнаваемым, солидным. Балы и общественные мероприятия, организацию которых взяла на себя супруга Ухтомского, превратились в нашу визитную карточку. Мы часто устраивали пирушки и, взяв несколько пролетов, отправлялись с дамами за город на природу. Кто-то музицировал, Илья Самохвалов играл на гитаре и пел романсы, корнет Вепхо Джавахов, грузин по происхождению, слагал и читал дамам стихи, да и другие всячески старались внести какое-то разнообразие в нашу службу. В общем, жилось нам не так уж и плохо.

На мой день рождения из Петербурга пришли давно ожидаемые новости — Военное Министерство наконец-то приняло кухню. В документах ее официально называли «полевая передвижная кухня Соколова на гужевой тяге». Не знаю, зачем чиновники добавили уточнения насчет гужевой тяги? И так все понятно, ведь иного средства перемещения, кроме парусника, паровоза и парохода, в мире сейчас нет. Наверное, чтобы не спутать с паровым двигателем.

Первый заказ поступил на двести пятьдесят образцов. Волков, который уже успел заложить в Саратове главное здание завода, дополнительные мастерские и общежития для рабочих, закатал рукава и принялся за дело.

Забавно, но ко мне тут же устремились многочисленные помощники и подрядчики. Двое, купцы первой гильдии Израэль Грегор и Поликарп Румянов проявили какую-то фантастическую настойчивость, в красках расписывая, каких финансовых успехов можно достичь, если «Победа» объединится с одним из них. Ага, как же, эти галопы мы знаем.

Придумай что-то стоящее, и сразу появятся «прилипалы», доходчиво объясняющие как, и главное с кем, надо продвигать новый товар.

А все оттого, что Главное интендантское управление, созданное в 1864 г. оказалось неспособным самостоятельно решать часть организационных вопросов. И потому вокруг управления постоянно крутились различные мутные личности с сомнительными деталями в биографиях.

Слушал я купцов от нечего делать, не собираясь и на пушечный выстрел подпускать их к «Победе». Иначе победа очень быстро превратится в поражение. Под конец каждому из них сказал одно и то же.

— Господа, вы забываете, что я офицер! Честь мундира запрещает мне заниматься торговыми делами. Я всего лишь простой и скромный изобретатель, не более. С подобными вопросами вам лучше обращаться к инженеру Волкову, Сильвестру Тимофеевичу.

В Саратов дельцы рванули так, что земля едва не загорелась! Ничего, пусть побегают, глядишь и поумнеют. Волков получил жесткие и однозначные указания подобных доброхотов слать далеко и надолго, а точнее, обратно к ротмистру Соколову в Ташкент.

Сильвестр Тимофеевич человек мягкий и не всегда может настоять на своем. Но благодаря правильной мотивации и присмотру со стороны, у него нет возможности начудить и пустить в дело посторонних людей.

Полковник Ухтомский, несмотря на наши прохладные отношения, вынужден был организовать офицерское собрание и последующий банкет. Все же я прошел по документам, как реальный изобретатель полевых кухонь, и подобное стоило отметить.

— Ах, Михаил Сергеевич, какой же вы негодник! Что же вы нам ничего не рассказывали о своих трудах? — кокетливо спрашивала Антонина Седова, супруга командира третьего эскадрона. При этом она помахивала веером.

— Да, вы несносно себя ведете с дамами, — вторила ей Леночка, младшая сестра штаб-ротмистра Ершова. На меня она поглядывала со значением. Я ей нравился. Впрочем, как и ряд других офицеров в Ташкенте. Ни для кого не являлось секретом, что Леночка мечтает выйти за кого-нибудь из нас замуж. Но я на ее «маневры» никак не реагировал. — О ваших славных делах мы узнаем через третьи руки. Это недопустимо, мы можем вынести вам наше порицание.

Мой успех отметили шумно. Подходили и практически незнакомые офицеры других полков с поздравлениями. Часть из них говорила вполне искренне, но я так же хорошо понимал, что теперь у меня появилось еще больше недоброжелателей. Тех, кто служил в других полках, я особо не учитывал, но вот холодок с полковником Ухтомским, штаб-ротмистром Горловым и поручиком Крутовым из третьего эскадрона радости не добавляли.

Ухтомский мой успех никак более не отметил. Хотя, за подобное можно и орден получить. Но за тебя должны походатайствовать. Покойный Дика и сменивший его Оффенберг наверняка так бы и поступили, но Ухтомский решил иначе. А сам я не настаивал. Очередной орден от меня не уйдет.

Правда, меня все же вызвал к себе генерал Головачев и, пожав руку, выразил полное удовлетворение «славными деяниями, направленными на пользу российской армии». В приказе меня отметили благодарностью и денежной премией.

9 октября Кате Крицкой исполнился 21 год. Теперь, согласно завещанию своей вздорной бабки, она могла выйти замуж. Я отправил ей большое письмо и несколько подарков. Имелась возможность взять длительный отпуск и уехать в столицу устраивать

личные дела, но я, скрипя сердцем, остался в Ташкенте.

К тому времени мои товарищи уже знали о том, что я знаком с такой замечательной девушкой, как княжна Крицкая. Я показывал товарищам ее фотографию, рассказал из какой она семьи, и они одобрили ее кандидатуру.

В Русской Армии существовала традиция, что офицер может жениться лишь на той, кто полностью соответствует ряду строгих требований. При этом он должен получить разрешение своих полковых товарищей.

Кате со своим происхождением и безупречной репутацией офицерскую проверку прошла блестяще. Дело оставалось лишь за мной — а я продолжал оставаться в Туркестанском крае.

В Ташкент заглянул коллега-разведчик, подполковник Паренсов Петр Дмитриевич. В кабинете Шауфуса прошло небольшое совещание, на котором кроме хозяина, меня и Паренсова, присутствовал офицер при штабе Кауфмана Терентьев Михаил Африканович, а так же еще один разведчик, Костенко Лев Феофилович.

Люди подобрались опытные, интересные. Собирая разведданные, Паренсов постоянно разъезжал по Европе, являясь при этом почетным членом различных обществ, таких как Историческое, Географическое и иных. Полагаю, состоял он в них не просто из личного интереса, но и для соответствующего прикрытия. По слухам, агентов у него было больше, чем у кого-либо еще в русской разведке.

Ротмистра Терентьева в шутку звали Африкан Африканыч. Он был знаменит тем, что участвовал в походе на Бухару, состоял офицером для особых поручений в Зеравшанском округе и Ходженте, а также составил армейский разговорник для бесед с представителями различных народностей Средней Азии. К тому же он считался неплохим историком, лингвистом, пописывая в газеты различные статьи.

Майор Костенко служил не только по разведывательной линии, но и по дипломатической. И весьма неплохо служил. Летом 1870 г. он возглавил небольшое посольство в Бухару и сумел склонить эмира Музаффера на сторону России в нашем конфликте с Хивой. Не знаю, как ему удалось подобное при активном сопротивлении англичан, но миссию свою он выполнил блестяще, за что получил Св. Анну III степени. Он так же писал статьи и книги с различными статистическими сведениями о Средней Азии, публикуясь в «Военном Сборнике», «Туркестанских Ведомостях», «Голосе» и «Русском инвалиде».

Глядя на старших товарищей, я поймал себя на мысли, что мало-мальски уважающий себя разведчик должен обязательно что-нибудь писать и публиковаться в газетах. Иначе нельзя, неприлично. Один я, да еще, пожалуй, Шауфус, были здесь белыми воронами.

То, что меня допустили в такое общество, говорило о многом. Намечалась очередная разведывательная операция. И хотя меня посвятили не во все детали, все равно, подобное выглядело знаковым событием.

Обсуждали разведку местности вдоль Аму и настроение тамошних жителей. Меня ни о чем не спрашивали, и я больше молчал, вникая в нюансы и обучаясь нашему ремеслу.

Спустя несколько дней Паренсов отправился через Самарканд и Бухару к берегу Амударьи. Сопровождал его Терентьев, три казака и проводник из местных. С собой они взяли несколько лошадей с каким-то грузом. Похоже, затевалось что-то интересное. Хотя, все интересное сейчас так или иначе связано с будущей войной.

С каждым днем все отчетливее становилось ясно, что война с Хивой приближается.

Несмотря на то, что мне здесь порядочно надоело, я не хотел пропустить эту войну и покинуть Среднюю Азию в самый ответственный момент. Правда, имелся вариант успеть съездить в столицу, жениться и вернуться обратно. Но это подразумевало, что все пройдет скомкано, не как у нормальных людей — и сама свадьба, и медовый месяц, и дорога туда и обратно. Мы с Катей можем и подождать, тем более в таком важном для каждой девушке деле. Имелся и еще один резон — если со мной что-то случится на войне, если меня убьют, то зачем жениться и портить ей жизнь? Нет, уж лучше пройти эту кампанию, затем взять отпуск, жениться, отправиться в свадебное путешествие по Европе и подарить Кате хотя бы два-три года спокойной жизни. Насколько я помнил, следующая война должна состояться с Турцией, и не раньше 1877 г.

Рассуждая подобным образом, я надеялся, что все сложится благоприятно, и мы будем счастливы — и Катя, и я, и наши семьи. А там, как Бог даст. Может вообще получится две свадьбы сыграть одновременно, нашу с Катей и Скобелева с Полиной.

Продолжались занятия с эскадром. Егоров взял на себя стрелковую часть, а Рут — кавалерийскую. Минувшие месяцы не прошли впустую, эскадрон постепенно превращался в то, что я желал увидеть.

В конце ноября в Ташкент прибыл первый представитель царской семьи. Им оказался мой товарищ по Академии, великий князь Николай Константинович Романов. Как и я, он носил звание ротмистра и числился в лейб-гвардии Конном полку. Его сопровождала свита из нескольких человек, включая личного адъютанта Евгения Варпаховского.

Генерал-губернатор Кауфман устроил гостю строгий, по протоколу, прием. Николай имел исключительный статус. Он стал первым Романовым, поступившим в Академию Генерального Штаба. Одним лишь этим поступком великий князь приобрел немало симпатии, символизируя близость Царской Семьи к простым офицерам. Тем более, прибыв в Азию, он вновь получил пальму первенства — теперь как первый Романов, добравшийся до Ташкента. Так что к нему относились с изрядной симпатией.

Николай вел себя любезно, открыто и никак не подчеркивал своего уникального положения. Посетив офицерское собрание Александрийских гусар, он был представлен дамам. Меня, и то, что мы вместе учились в Академии, он не вспомнил.

Официально Романов получил статус офицера по особым поручениям при штабе Туркестанского края. Чем конкретно озадачивал его Кауфман, да и озадачивал ли вообще, гусары не знали.

Николай оказался первой ласточкой. В середине декабря в Ташкент прибыл еще один член Российского Императорского Дома, Евгений Максимилианович Романовский. Он носил титул князя и герцога Лейхтербергского. Его матушка, великая княгиня Мария, приходилась родной сестрой императору Александру I и Николаю I. Он был флигель-адъютантом*, а службу проходил в лейб-гвардии Уланском полку. Обращаться к нему следовало «ваше императорское высочество». Естественно, и у него имелась личная свита.

Репутацию герцог имел спорную, не сказать, чтобы хорошую. Ходили слухи о его не слишком-то высоких нравственных качествах и некоторых финансовых трудностях, которые он решал различными способами.

Ташкент переживал дни необычайного оживления. Последней каплей стало прибытие наследника престола, Николая Александровича Романова. Вместе с ним приехало более двухсот человек — офицеры, дипломаты, рота охраны Уральских казаков, инженеры, литераторы и художники, включая Верещагина и Каразина, а также правоведа и члена

Государственного совета Победоносцева. Те, кому невероятно повезло, вошли в свиту. Она являлась вполне официальным подразделением и носила название *Свита Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича*.

Цесаревич являлся Шефом нашего полка. Князь Ухтомский лично отправился ему на встречу в Казалинск, прихватив с собой первый и третий эскадроны.

Но шефство — вещь довольно специфическая и не особо важная. Тем более, для будущего Императора. И потому его тщательно и планомерно готовили к самой важной миссии — править огромной страной.

В течение последних лет Николай много внимания уделял изучению права и наук, необходимых для управления государством. Историк Сергей Соловьев прочитал ему курс лекций. Константин Победоносцев учил его праву. Николай Качалов отвечал за подготовку по земским делам. Приобщаясь к государственной деятельности, Николай участвовал в заседаниях Государственного Совета и Комитета министров. Его первой официальной должностью являлся пост почетного председателя Особого комитета по сбору и распределению пособий голодающим, связанным с голодом, наступившим в ряде губерний после неурожая 1868 г. В том же году он был назначен в адъютанты к отцу и произведен в генерал-лейтенанты. Он так же командовал 1-й Кавалерийской дивизией.

Наследник вступал в Ташкент при полном параде. Войска стояли шпалерами, провожая глазами поднятый личный штандарт Цесаревича. Улицы подмели, деревья по возможности подстригли. Многотысячная толпа выстроилась вдоль домов. Гремела музыка, а знамена расквартированных в городе полков гордо заявляли о силе русского оружия.

Во главе четвертого эскадрона я находился недалеко от Кауфмана и лично наблюдал, как тот, окруженный генералами Головачевым, Бардовским, Абрамовым, Троцким и еще несколькими, приветствует цесаревича. К нам примыкали эскадроны Пасторина и Бурмистрова — ради такого случая их на время вызвали из Самарканда и Джизака.

Купцы, знатные мусульмане, священники, муфтии и почетные граждане Ташкента расположились отдельной, богато одетой, группой. Полицейские и приданная им в помощь пехотная рота с трудом сдерживали многотысячную толпу, состоящую из мещан, рабочих, крестьян и местных жителей.

По русскому обычаю цесаревичу поднесли хлеб-соль. Заблаговременно отобранные благородные девицы подарили ему три букета цветов. Сама встреча произошла под триумфальной каменной аркой, специально построенной к данному событию. Арка, судя по всему, впоследствии станет одной из достопримечательностей города.

— Ваше императорское высочество, город Ташкент и весь Туркестанский край рады встречать вас в сей славный день! — четкий голос Кауфмана звучал в тишине, которую нарушали лишь взволнованные перешептывания в толпе и похрапывание коней.

— Здравствуйте, Константин Петрович, — сказал наследник, пожимая руку генерал-губернатору. — И я рад лично приветствовать вас и поблагодарить от имени Императора за верную службу во благо России!

— Ура! — раздался единый крик собравшихся войск. Вновь заиграл марш.

Наследник оглядел собравшихся. Меня он узнал, но вида не подал и скользнул взглядом дальше. Николая Романова окружала великолепная свита, облаченная в роскошные мундиры и сверкающая многочисленными наградами. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский держался по правое плечо наследника, слева стоял генерал Отто Рихтер. Позади находилась дюжина полковников, включая нашего князя Ухтомского, Шауфуса,

Леонтьева, Константиновича и прочих.

Тут же Николай Романов принялся делать щедрые пожертвования, по тысяче, и более рублей — для церкви и будущего храма, на гимназию, училище и полицию, развитие дорог, дом инвалидов и запланированного фонтана. Десять тысяч было передано Кауфману для строительства памятника «во славу русского оружия при покорении Средней Азии».

В доме офицеров Александрийских гусар состоялся официальный обед, на котором присутствовало великое множество гостей. Дамы блистали платьями и украшениями.

Было заявлено десять перемен блюд. Распечатали меню, которое включало в себя суп раковый, пирожки, дикого сайгака, котлеты из кур, осетрина с дымком, заливное из фазанов, заливное из рыбы, салаты, сладкое хлебное и мороженое. Даже думать не хотелось, сколько потратила Канцелярия Кауфмана на организацию всего этого великолепия.

Согласно традиции офицерских собраний, шампанское подавали сразу же после супа и далее при любой перемене блюд.

— За вас, Константин Петрович, и за ваш цветущий Туркестанский край! — наследник поднял бокал, предлагая первый тост.

С несколькими товарищами и вернувшимся из отпуска Андрюшей Некрасовым я разместился за одним из столиков. Нас и наследника отделяло около двух десятков людей. Забавно было наблюдать, как многие стремятся оказаться поближе к Николаю, считая подобное знаком уважения и поводом для тщеславия.

— Фазаны! — с пренебрежением хмыкнул Некрасов, поднимая бокал во время очередного тоста. — Ишь, ты, прилетели!

Фазанами называли не только красиво одевающихся, ищущих ордена и должности, но при этом никогда не воевавших офицеров, но и выпускников Академии ГенШтаба. И хотя я и сам окончил сие славное заведение, фазаном себя не считал, да и товарищем моим никогда бы и в голову не пришло так меня называть.

Бессмертные гусары особенно не любили фазанов. Дело в том, что в 1854 г. во время последней войны с турками, командовать гусарами назначили полковника Карамзина — гуляку и «салонного» командира, сына известного историка. Он прибыл в полк с твердым намерением научить боевых офицеров, как «правильно и быстро» побеждать неприятеля. С этой целью 31 мая он возглавил рейд по вражеским тылам и грубо нарушил ряд общепринятых в таких случаях предписаний, пренебрегая необходимыми мерами безопасности. Недалеко от деревеньки Каракул в Малой Валахии состоялся бой. Итогом стал разгром полка, приданной к нему сотни донских казаков и конной батарее. Погибло 19 офицеров, 109 гусар, 200 человек оказались ранеными в той или иной мере, четыре орудия достались неприятелю, а знамя удалось спасти лишь чудом. Сам Карамзин пал в бою, но это уже ничего изменить не могло.

Первый день цесаревич посвятил отдыху, а после обеда провел несколько приемов, вникая в Азиатские дела. На второй день он вновь встретился с рядом лиц и в сопровождении Кауфмана, Головачева, Абрамова, кузена Николая и герцога Романовского проехался по улицам города. В качестве почетной охраны его сопровождал наш полк в полном составе. Любо-дорого было смотреть на гусар Смерти, на нашу безукоризненно выглаженную форму, и на безупречно вычищенных лошадей.

Затем на поле, претендующем на роль ипподрома, состоялись скачки. Участвовало несколько групп лошадей, разделенных по возрасту и породам. Честь нашего полка отстаивали три офицера, все общепризнанные мастера данного дела: ротмистр Пасторин,

поручик Рут и корнет Вепхо Джавахов. Цесаревич щедро одарил победителей и проигравших.

Я участия в подобном не принимал, хотя в лошадях, благодаря изученной науке иппологии, разбирался хорошо. Во всяком случае, не хуже большинства выпускников Старой Школы. Но здесь требовалось нечто большее — интуитивное понимание скакуна, ощущения его силы, некоторая родственность, если так можно сказать. Всего этого я был лишен.

На следующий день великий князь Николай Романов отправился в Казалинск, прихватив с собой шестой резервный эскадрон гусар Смерти. Предполагалось, что он присоединится к полковнику Голову, и когда придет приказ, они выступят на Хиву.

Вечером состоялся небольшой ужин, на сей раз только для офицеров из числа Александрийских гусар. Утром следующего дня мы наконец-то встретились с Николаем и смогли пообщаться в спокойной обстановке.

Флигель-адъютант* — воинское звание, состоящего в Свите Его Императорского Величества офицера. Представителям Свиты позволялось носить императорский вензель на погонах. Так же флигель-адъютанты носили особый мундир с аксельбантом и эполетами.

В Ташкенте Николай Романов поселился на улице Иканской, в одном из домов, принадлежащих купцу Хлудову. Хлудов посчитал немалой честью, что его собственность станет временным жилищем будущего Императора и предоставил в распоряжение Николая все возможные услуги.

Комнат в двухэтажном доме оказалось много. И все равно, места многочисленной свите не хватило, людям пришлось потесниться. Среди сопровождающих особое место занимали граф Строганов, секретарь Оом, профессор Боткин, генерал Рихтер, подполковник Козлов и ротмистр князь Барятинский. Все они являлись старыми и проверенными людьми, которым Николай полностью доверял.

Нахождение в свите Наследника считалось не только весьма почетным, но и крайне перспективным достижением. Попасты в число приближенных являлось недостижимой целью для большинства подданных Российской Империи.

И тем необычней было то, что Михаил Соколов не испытывал никакого желания оказаться в числе этих немногочисленных счастливицков. Хотя, к Соколову, учитывая его прошлое, относиться следовало по-особому, не так, как к прочим.

Факт того, что некто уже прожил одну жизнь в будущем, сохранив знания об этом самом будущем, одно время казался Николаю выдумкой душевнобольного человека. Фантасмагорической историей, не заслуживающей серьезного внимания. Так было в самом начале их необычного знакомства.

С тех пор много воды утекло. Наследник давно осознал, какой удивительный подарок преподнесла ему судьба в лице Соколова. Николай видел в случившемся Божественный промысел. Мог ли Творец послать ему, будущему Императору, помощника в лице Соколова? Послать для того, чтобы в свой срок новый самодержец смог сохранить самое лучшее, что есть в России и попутно изменить и приумножить ее богатства, духовные и материальные?

От таких мыслей кружилась голова. Возможно, в нем говорила гордыня, желание почувствовать расположение Создателя. Николай неоднократно каялся в грехе гордыни, но не мог не возвращаться к данной мысли вновь и вновь. Ситуацию иначе как чудом и назвать было нельзя. И такой подарок судьбы, такого человека, следовало ценить и оберегать любой ценой, попутно храня тайну.

Тайну Соколова Николай хранил, а вот с сохранением жизни самого Михаила как-то не заладилось. Его необычный друг раз за разом отказывался от щедрых предложений и продолжал состоять в боевом полку, который постоянно участвовал в военных действиях. Его могли убить, и что тогда делать? Наследнику совсем не хотелось терять такого человека. К тому же, несмотря на невероятные преимущества, что подарил ему Александрийский гусар, Романов действительно к нему привязался и считал другом. Другом без всяких лишних условностей и недомолвок.

Но, несмотря на встречу с другом, Ташкент наследнику не понравился. Хотя, может он не понравился и потому, что Соколов продолжал рисковать жизнью, и в ближайшее время должна начаться война со всеми вытекающими последствиями, как для самого гусара, так и для прочих подданных Императора.

Ташкент не вызвал отклика в сердце, несмотря на прекрасный прием всех без исключения жителей. До города он добирался долго и устал от дороги, которая, казалось,

никогда не кончится. Сам Ташкент показался ему огромной средневековой деревней, которая всеми силами пытается произвести впечатление и заставить говорить о себе, как о городе. Здесь оказалось слишком грязно, слишком не «по-европейски», не так, как он привык. Да и тот знаменитый азиатский колорит, о котором не раз упоминал Соколов, при ближайшем рассмотрении оказался куда скромнее и совсем иным, не таким, как он представлял себе в воображении.

Да еще и январь, холодный и ветреный, не доставил особой радости.

Завтракал наследник с приглашенными генералами во главе с Кауфманом. Лейб-медик Сергей Петрович Боткин осмотрел цесаревича, попросил показать язык, проверил пульс и температуру, дал очередную порцию лекарств. Затем состоялся небольшой моцион вдоль берега реки Чирчик.

Отобедав и выделив тридцать минут на короткий сон, наследник написал письмо супруге, описывая, как он добрался и поделился первыми впечатлениями о Ташкенте, после чего встретился с Соколовым.

— Николай! — оставшись наедине, Соколов для порядка еще раз кинул взгляд на запертую дверь и пожал протянутую руку цесаревича. Выглядел он колоритно — лихой вид, черная форма со шнурами, начищенные сапоги и открытая улыбка. И он повзрослел, усы и узкая полоска шрама придавали ему мужественный вид, какую-то внутреннюю уверенность. Сейчас перед ним находился настоящий боевой офицер, который немало в жизни видел. И смелый взгляд такого человека могли выдержать не все. Правда, подобное не касалось самого Николая. Он был знаком с теми, чей взгляд мог заставить рядового человека покрыться потом и начать икать, попутно вспоминая все прошлые грехи. Так что Соколову предстояло еще многому научиться. Но главное заключалась в том, что Романов почувствовал невольное тепло и радость, глядя на друга.

— Миша, и я рад тебя вновь увидеть. Видит Бог, нам бы стоило встречаться чаще! Присаживайся, — цесаревич кивнул подбородком, показывая на небольшой круглый столик. Там стояла бутылка французского вина, бокалы, фрукты, свежий хлеб и паштет.

— Вот что мне в тебе нравится, так то, что друзей ты встречаешь радушно, — Соколов ловко открыл бутылку и разлил вино по бокалам. Двигался и говорил он спокойно, без панибратства и наглости.

Друзья выпили вина и неторопливо заговорили обо всем подряд. Больше всего цесаревича интересовало, как обстоят дела у самого Соколова и общее положение дел в Ташкенте. Так же его занимали вопросы, связанные с телефонами «Державы» и мастерской «Победа», изготавливающие полевые кухни для армии. Час прошел незаметно. Цесаревич приказал подать вторую бутылку.

— Ты меня окончательно раскрыл, — добродушно посетовал Соколов, вновь разливая вино. — И так ходили слухи, что у меня есть влиятельный покровитель. Но сейчас, после сегодняшнего нашего разговора, все окончательно подтвердится. Как мне с товарищами теперь общаться?

— Как и раньше, — Николай пожал плечами и сделал небольшой глоток. Он не видел особых трудностей в положении друга. Подобная ситуация, когда тот или иной офицер в силу каких-либо обстоятельств попадал в свиту одного из членов Царствующего Дома, являлось вполне распространённым явлением. — Скажу тебе больше — как только эта война закончится, я официальным приказом оформлю твое зачисление в мою свиту. Строганов и Рихтер уже знают, что нас связывают приятельские отношения. Про дружбу я пока храню

секрет, иначе они обеспокоятся, что кто-то получил на мою персону слишком значительное влияние и сообщат Императору.

— Ясно, — Соколов помолчал, обдумывая ситуацию. — Что ж, похоже, все к тому и шло.

— *Envérité, ainsi**, — согласился Романов и перевел разговор на грядущую военную кампанию. — Теперь расскажи мне, что нам предстоит? Каковы силы Хивинского ханства?

— Разве Кауфман и Головачев не успели просветить тебя по данному поводу? — удивился Михаил.

— Я бы хотел услышать оценку не с самого высокого уровня, а послушать мнение непосредственно участника.

— Ясно. Понимаю твои резоны. Что могу сказать? — Соколов встал и, поскрипывая сапогами, прошелся к окну и обратно. — Насколько я помню, война с Хивой не станет серьезным испытанием для русской армии. Мы победим и захватим город достаточно быстро. Основные трудности заключаются в жаре, переходам по пескам и нехватке воды. Но генералы в Ташкенте понимают все эти резоны и без моего знания истории. Кауфман делает все возможное, пытаясь учесть каждую мелочь. Головачев успел разослать во все стороны разведчиков и уточнил карты. Троцкий, Абрамов и Бардовский проводят смотры, осматривая людей, коней и амуницию. Уверен, в итоге все сложится хорошо. За исключением отдельных неприятных эпизодов, которые невозможно предугадать. Но это война, и на войне всякое возможно. Ты мне лучше вот что скажи — сам-то собираешься участвовать в походе или останешься в Ташкенте? И как подобное соотнесется с твоим здоровьем?

Задай вопрос кто иной, цесаревич обязательно бы обиделся и прекратил разговор. Но Соколов спрашивал по-дружески и без фамильярности. Так что наследник ответил в таком же тоне.

— Здоровье мое никогда не поправится окончательно, я тебе уже об этом говорил. Боткин, которого я вынудил признаться, с горечью сообщил, что я вряд ли протяну больше пятидесяти лет. Так что каждый год по осени я уезжаю на лечение и постоянно ловлю себя на мысли, что умирать мне пока совершенно не хочется. А поход... Я же буду среди офицеров и слуг, которые устроят меня со всем возможным комфортом. Так что, думаю, все обойдется. Тем более, наш поход будут освящать в газетах, а мне хочется показать всему миру, что члены Царской Семьи не чураются трудностей и невзгод, которые выпадают на плечи их подданных.

— Хорошая идея, — одобрил Михаил. Он задумчиво дернул себя за ус и все же высказался. — А насчет того, сколько тебе суждено прожить... Пятьдесят лет не так уж и мало. Ведь главная мера жизни не годы, а деяния. Можно дожить до восьмидесяти, но ничего после себя не оставить. Христа распяли в тридцать три года. Македонский прожил столько же, Лермонтова убили в двадцать семь.

— Замечательно сказано, Миша! Сам придумал насчет деяний?

— Сам.

— Одобряю. Я запомню, мне понравилось.

— Запомни. Так что с походом?

— Конечно, я отправлюсь с Кауфманом. Мне и самому интересно посмотреть на все, что здесь творится.

— Представляю, какой резонанс в Европе вызовет твое участие в войне. В газетах появятся заголовки, наподобие «Русский наследник решил примерить на себя лавры Карла

XII или Эдуарда Плантагенета, Черного принца».

— А что, не самые плохие аналогии, — наследник негромко рассмеялся.

Разговор тек неспешно и спокойно. Романов давно заметил, что именно так их беседы и происходят. И так получалось потому, что Соколов никогда ничего не просил для себя.

— Помнишь, я рассказывал тебе про реформы Столыпина? — переменял тему друг.

— Конечно. Этого человека я взял на карандаш, он у меня не пропадет. Кстати, Столыпин уже десять лет как родился. Не знал?

— Нет, — с легкостью признался Михаил. — Но тебе надо подготовить почву, уже сейчас можно начать отлаживать механизм переселения людей за Урал.

— А я на месте не сижу, — с немалой гордостью признался цесаревич. — И с Императором данный вопрос проработан. Как только закончится кампания, в окрестности Саратова отправятся первая тысяча людей из Московской губернии.

— Тысяча? Ни мало ли?

— Тысяча семей, это тысяч восемь-девять крестьян. Хорошее число, самое то, чтобы без суеты и перегибов предоставить им новые земли, построить школы, дома и посмотреть, с какими трудностями они столкнутся. А Саратов пусть и не Урал, но все же мы начнем с него, прежде чем переселять людей на большие расстояния. Да и без железной дороги дальше Оренбурга они добраться пока не смогут.

— Замечательно, кстати, насчет школ — ты же помнишь, что я говорил об образовании? По моему скромному мнению, Россия допустила фундаментальную ошибку, не введя бесплатного обязательного начального образования. Канцлер Бисмарк его ввел, и страна буквально взлетела.

— С образованием не все так однозначно. Данная реформа подразумевает огромные средства. Тысячи учителей, новые здания, учебники, форма, мебель, подобное не так-то просто взять и сделать. Тем более, Император пока не до конца определился по данному вопросу. В общем, нужно немного подождать, год или два.

— Я-то подожду, — Михаил улыбнулся. — Но все же постарайся продрать данный вопрос. Образованному человеку не так-то легко запудрить голову всякими байками о светлом будущем, которое будет построено на костях миллионов. А когда такой человек обеспечен, когда у него есть хороший дом, пара коров, дюжина свиней и отара овец, он трижды подумает, стоит ли ему что-то менять в жизни.

* * *

После беседы с цесаревичем, все, кому полагалось, узнали, что нас с ним что-то связывает. Ташкент — город относительно небольшой. Здесь можно хранить секреты, как мы делали в Чугуеве и Петербурге, но Николай перестал забивать себе голову подобными глупостями. Скорее всего, ему просто надоело. А может, он хотел «подстегнуть» меня и сделать все возможное, чтобы я быстрее вошел в его свиту.

В чем-то я его даже и понимал. Глупо рисковать человеком, который знает историю и может оказаться настолько полезным. Таких людей надо беречь. Вот только я сам себя беречь не собирался, и не желал жить в золотой клетке.

— Да, Мишель, сдается мне, что тебя ждет славное будущее! — радостно приобняв, сообщил мне Некрасов. — Надеюсь, когда ты взлетишь выше Александрийского столба, то

не забудешь о старых друзьях? — он заразительно засмеялся.

Андрей, Тельнов, Егоров, Рут, Дворцов, Фальк и еще несколько товарищей окружили меня и потребовали разъяснить, как так у меня получилось.

— Тут нечего особенно говорить, господа, — я оглядел друзей и боевых товарищей. Не всем им пришлось по сердцу мой очередной успех. С их точки зрения я и так излишне преуспел в жизни. — С цесаревичем Николаем Александровичем я познакомился, будучи еще юнкером Старой Школы. Нас поставили на дежурство в Зимний дворец, я стоял на посту, когда он в сопровождении генерала Рихтера вышел ко мне и остановился, задав несколько вопросов. Похоже, Николаю Александровичу не спалось, и он не знал, чем себя занять. А тут я и подвернулся.

— И о чем он спрашивал? О чем вы говорили? — раздались голоса.

— Так, ничего особенного. Из какой семьи я происхожу, где мечтаю служить и все в таком духе. Уже после, когда цесаревич стал Шефом нашего полка, прибыл в Чугуев и увидел меня и вспомнил, судьба вновь нас свела.

— И ты молчал, — Тельнов покачал головой. В его голосе странным образом сочетались одобрение и осуждение.

— А о чем говорить? Да и зачем лишний раз хвалиться? Тем более, лишь позже, уже в столице, когда я поступил в Академию, наследник начал вызывать меня к себе, расспрашивая о положении дел в полку и обо всем том, что происходит в Азии.

— Удачно у тебя выходит оказываться в нужное время в нужном месте, — не срывая досады, заметил штабс-ротмистр Горлов.

— А мнэ нравится, — с типичным грузинским акцентом одобрил корнет Джавахов из первого эскадрона. — Здесь чувствуется гусарская удаль, да, друзья?

— Не то слово! — радостно одобрил Некрасов. — И вообще, хватит расспросов. Думаю, у нас появился прекрасный повод выпить. Айда, братцы, в ресторацию! Давно мы в «Шах» не заглядывали, вот что я вам скажу.

— Два дня не заглядывали, если быть точным. Это, по-твоему, давно? — удивился я. — Но ты все же прав, Андрюша, едем! Господа, приглашаю всех! У нас действительно появился неплохой повод.

Мы славно посидели, отмечая мое пока еще не совсем официальное вступление в свиту цесаревича. Формального назначения не последовало, и я вроде как остался в прежнем статусе. Но нам, гусарам, повод не нужен.

— Если душа требует — выпей! Не хочет она, родимая, так пересиль себя, и все равно выпей! — так сказал подполковник Тельнов, на вопрос майора Буровцева из 1-го Туркестанского батальона, что у нас за повод для кутежа. — По поводу пьют лишь алкоголики. Гусару повод не нужен.

Так уж получилось, что гуляли мы до утра. Гусар вообще трудно остановить, когда они расходятся. Да, хорошо было...

Утром, несмотря на головную боль и некоторую вялость, пришлось заниматься своими непосредственными обязанностями. Их никто не отменял. Тем более, за последние недели Ташкент превратился в беспокойный муравейник. Все разговоры касались лишь приближающегося похода.

От организационной суеты меня отвлекло появление Ариан Хана. Вечером, после очередного дня, наполненного делами эскадрона, я покинул казарму и прямо напротив здания увидел сидящего на скамейке пуштуна. Он явно дожидался именно меня. Зверобой

появился, когда его никто не ждал. Мы обменялись незаметными знаками и уже через час сидели в доме для встреч. Я разжег печку и поставил на огонь чайник.

— Где же ты был, Ариан? — первым задал я вопрос.

— В Афганистане, Михаил, как и говорил. Устраивал дела. Мой отец умер, да примет Аллах его душу. Похороны, вопросы с наследством, помощь родичам, все это заняло много времени.

— Ясно. Прими мои соболезнования, — в целом, я не был доволен, как ведет себя мой агент. Слишком уж «прохладно» он относится к своим обязанностям. Но и давить на него не мог — все же смерть отца является скорбным событием в жизни каждого человека. — Пусть Аллах пустит его в свою обитель, а райские птицы будут улаживать его слух под веселый смех прекрасных гурий.

— Благодарю тебя, твои слова нашли отклик в моем сердце, — Ариан признательно склонил голову. Вода закипела, и я, ополоснув маленький чайник, засыпал туда горсть «кахтинского» черного чая. Осталось лишь подождать, когда он заварится. — Но я не только хоронил отца, но и занимался нашим делом. Мне удалось кое-что выяснить об англичанах в Афганистане.

Пуштун достал бумагу, покрытую какими-то малопонятными значками.

— При эмире Шир Али находится около десятка англичан. На людях эмир ведет себя с ними независимо, но слухи ходят такие, что он ест с их рук и слушается каждого слова. Главный у них полковник сэр Баррингтон. Его правая рука — майор Льюис Лэрд. Сдается мне, именно они следят за каждым шагом эмира, заодно занимаясь разведкой.

Ариан достаточно подробно рассказал обо всех замеченных англичанах при дворе афганского эмира и о том, что ему удалось выяснить. Выяснить ему удалось не так уж и мало, определенную ценность его информация представляла. Вот только Шауфус наверняка и так обо всем этом знает. Но все же назвать совсем уж бесполезными сведения Зверобоя язык не поворачивался. Нам в разведке все пригодится.

— После Афганистана я отправился в Хиву, — неожиданно огорошил меня агент, после того, как я переписал полученные от него сведения и мы немного расслабились, занявшись чаем с баранками.

— И что с Хивой? Стоит еще? — я попытался сохранить невозмутимый вид.

— Стоит, куда она денется? — пуштун захохотал.

— Я пошутил. Хива для нас сейчас важнейшая цель. Каково настроение хивинцев? Что они думают о войне?

— В своем высокомерии они считают, что им ничего не грозит. Сеид Мухаммад Рахим Богодур хан собрал беков и донес до них, что они вновь победят неверных. В город прибыло больше десяти тысяч туркмен. Все кричат, что отрежут русским головы и заберут себе их имущество и женщин. Они воинственны, но рассчитывают не только на свои силы, но и на то, что Аллах не даст вам перебраться через пески Каракумов.

— Хорошо, что они так настроены.

— Тебе лучше знать, Михаил. Но у меня есть нечто, что способно порадовать твое сердце.

— И что же? — я видел, что пуштун буквально сгорает от азарта и одновременно хочет, чтобы я задал вопрос. Следовало ему подыграть, мне не сложно.

— Мне удалось узнать о Ата Джане. Я не забыл, что ты им интересовался.

— Продолжай.

— Ата Джан рассчитывает, что война с русскими принесет перемены в его судьбу. В зиндане он сидит уже много лет и мечтает отомстить. Есть такой человек — зиндан-беги Гуванч, присматривающий за заключенными. Мне удалось с ним сойтись. Так вот, он передал весточку Ата Джану.

— Что именно он передал?

— Что русские о нем помнят.

— И что ответил Ата Джан?

— Ответил, что благодарен Аллаху за таких друзей. А еще сказал, что готов многое сделать для того, кто освободит его из зиндана и прогонит с престола ненавистного Мухаммада.

— Занятно, — я покрутил ус. Сведения неплохие, но что мне с ними делать? Понятное дело, Ата Джан будет руки целовать тем, кто вытаскивает его из тюрьмы. А если возвести царевича на престол, то он вообще душу продаст. — Ханский брат сидит в главном зидане? — на всякий случай уточнил я.

В распоряжении разведки имелся достаточно подробный план Хивы со всеми основными постройками. Я даже смутно припомнил, что зидан должен располагаться внутри дворцовых стен, с южной стороны.

— Да, он содержится в одной из нижних камер.

— А этот зиндан-беги Гуванч в случае чего как себя поведет?

— Он желает возвыситься и поддержит Ата Джана если звезда того взойдет, — немного цветисто заверил меня пушгун. — Он с радостью откроет двери и выпустит своего пленника на свободу, если будет уверен, что за подобное ему не снимут голову с плеч.

Разговор наш продолжался более часа, во время которого я подробно записал полученные сведения. Ариана следовало поощрить, и я из своих средств выделил ему сто рублей. Уверен, Шауфус мне их компенсирует. А нет, не сильно расстроюсь.

— Эти деньги — мелочь, — добавил я. — Главное для тебя впереди, Ариан. Хиву мы победим, и если с Ата Джаном что-то получится, я лично расскажу ему о тебе.

— Премного благодарен, — улыбнулся Зверобой. Никто из нас не стал добавлять очевидные истины: если Ата Джан станет новым ханом или хотя бы визирем при одном из родичей, то жизнь Ариана может измениться самым невероятным образом. Он — купец. Поддержка со стороны правительства и различные торговые льготы, которые Хан может получить, является первейшей целью для любого торговца. И когда так случится, то пушгун моментально разбогатеет. Мои сто рублей окажутся смешной цифрой перед теми тысячами, которые он может заработать.

Ариан Хан сообщил, что намеревается около двух недель вести торговлю в Ташкенте, а затем отправится в Афганистан. Я не возражал. Договорившись о будущей встрече, мы расстались, и я пошел на доклад к Шауфусу. Думаю, полученные мною сведения будут ему небезынтересны.

Тем временем закончились последние приготовления к походу. Кауфман отправил Хивинскому хану официальное письмо с требованием выполнить ряд требований, грозя неизбежной войной.

К 1873 году грабежи туркменами караванов, следовавших из Оренбурга в Персию и другие страны, наводили ужас на купцов. Набеги на русские поселения и захват пленных с последующей продажей в рабство приняли регулярный и массовый характер. Пользуясь долготерпением русского правительства, пытавшегося решить проблему дипломатическим

путем, хивинцы вошли во вкус почти полной безнаказанности.

Письмо Кауфмана стало последней попыткой мирного урегулирования. Ультиматум генерал-губернатора, в котором он обратился к хивинскому хану с требованием выдать всех русских рабов, прекратить нападения на русскую территорию и на территории подвластных киргизов остался без ответа. Хан письмо проигнорировал и тогда в ход пошли ружья. Россия перешла к военным действиям.

Двадцать пятого февраля первые отряды покинули Ташкент. Война, а вернее, военный поход, учитывая масштаб происходящего, начался.

На самом деле, это был уже третий поход против Хивы. Первые два, в 1714 г. и 1839 г. закончились неудачно. Имелся и еще один забавный случай, когда в 1603 году уральские (в те времена их называли яицкие) казаки во главе с батькой-атаманом Нечаем Шацким каким-то невероятным образом захватили Ургенч, столицу Хорезма на тот момент. Со своим небольшим отрядом в тысячу казаков Нечай действовал дерзко и молниеносно. Он удерживал Ургенч в течение семи дней, а затем попытался отойти на север, охраняя огромный обоз награбленного добра и пленников.

Уйти казакам не дали. Непрестанно атакуя со всех сторон, хивинский хан заставил их разбить лагерь и составить телеги в круг. Временный лагерь оборонялся семь суток, прежде чем у казаков закончилась вода и силы. Практически всех их перебили. На Яик вернулось трое или четверо чудом выживших удальцов.

Но тот поход не мог считать официальным сражением России, так как казаки не относились к регулярным войскам и представляли собой самостоятельную вольницу.

Хива продолжала оставаться независимой, несмотря на все успехи русских в Азии. Был взят Ташкент и Кокандское ханство признало зависимость от России. Пала Бухара и эмир Музаффар принес клятвы верности. Хорезм же продолжал жить прошлой жизнью, остановившись в своем развитии в дремучем средневековье и диком восточном феодализме.

В поход одновременно выступило четыре отряда и еще одно дополнительное подразделение из Казалинска. Первый, основной, возглавил сам Кауфман. Вместе с ним находился цесаревич Николай, несколько генералов, казаки, пехота, ракетная команда и Александрийские гусары.

Генерал Веревкин выступил из Оренбурга. Полковник Ломакин возглавил Мангышлакский отряд, который покинул форт Александровский на берегу Каспия.

Не обошлось и без ошибок. Несмотря на нашу со Скобелевым разведку и подробный доклад, что дорога не годится для крупного отряда в виду отсутствия достаточного числа колодцев, из Красноводска выдвинулся полковник Маркозов. В его подчинении находилось около двух тысяч человек.

Естественно, я не помнил, имелся ли в знакомой мне истории подобный момент. И все же странно, что Кауфман приказал Маркозову выступать. Подобное выглядело как авантюра, мы бы прекрасно справились и без этих сил.

Маркозову предстояло пройти почти восемьсот верст по пескам. Единственное, что как-то оправдывало подобное решение, заключалось в том, что сейчас конец февраля и имеется некоторый шанс пересечь пустыню до наступления жары. Но лишь в том случае, если не встретит сопротивления.

По общим оценкам выходило, что в составе всех четырех отрядов насчитывается четырнадцать тысяч человек, 58 орудий и почти шесть тысяч лошадей. Но еще больше было верблюдов, которых приспособили для переноски грузов. Кауфман потратил огромные

средства, наняв двадцать тысяч животных и их погонщиков. Хозяину верблюда платили 12 рублей в месяц, с тем условием, что за каждое павшее животное компенсация составит 50 рублей.

Контрольным сроком для сбора всех подразделений у Хивы назначили 25 июня 1873 г.

В Ташкенте отслужили торжественный молебен. Звонили колокола. С главной площади доносились бравые звуки марша. Жители города высыпали на улицы, провожая отряд. Русская часть населения полностью поддерживала происходящее. Мусульмане разделились. Часть из них не испытывала к хивинцам добрых чувств и потому желала нам всяческих успехов. Но другая половина вовсе не горела радостью от того, что неверные идут покорять братьев-мусульман.

— Ишь ты, хорек, нахмурился! — штабс-ротмистр Егоров заметил несколько недовольных лиц в толпе вдоль дороги, схватился за плетку и привстал в стременах, показывая, что готов пустить ее в ход. Толпа подалась назад.

— Осади, Егор, — я придержал товарища за руку. Егоров был славным гусаром, смелым и решительным, но явно не понимал, что с людьми надо общаться не только с позиции силы, но и доброты.

Пели полковые горнисты, ржали кони. Детишки в восторге свистели и бежали за нами вдоль дороги.

По обычаю, гусары Смерти вновь двигались в авангарде Ташкентского отряда. Авангард возглавил генерал-майор Бардовский Николай Федорович. Год назад ему исполнилось сорок лет, он был небольшого роста, начал лысеть, но зато отрастил себе шикарную бороду и усы — а в Средней Азии такие вещи вызывали уважение.

При Бардовском состоял ряд офицеров, включая нашего командира князя Ухтомского, полковника Шауфуса и полковника Леонтьева.

Сырдарью отряд пересек на переправе в Чиназе. Хорошо знакомая дорога шла на юг, к Самарканду. Все было обговорено заранее, каждый шаг наступающего отряда разбирали по картам, планируя переходы от колодца к колодцу, учитывая караванные тропы, погоду, рельеф местности и еще кучу различных деталей.

Основные трудности лежали впереди, а пока тракт довел нас до Джизака.

Авангард задержался в городе на сутки, дожидаясь подхода растянувшихся основных сил. Генерал Бардовский обходил отряд два раза в сутки, утром и вечером, проверяя вверенных ему людей, их боевой дух, настроение, обеспечение питанием и состояние здоровья. Доходило и до мелочной опеки. Например, он приказал Александрийским гусарам тщательней следить за лошадьми. Как будто мы, кавалеристы, для которых конь являлся не только средством, чтобы побеждать, но и верным другом, не знали подобных вещей!

И все же мне Бардовский нравился. Генерал показал себя энергичным, вдумчивым и смелым человеком, а больше от него и не требовалось.

После Джизака хорошая дорога закончилась. На запад двинулись по караванным тропам, имея по левую руку хребты Букан-Тау. Отрезок пути вдоль хребта казался относительно удобным, хотя скорость наша снизилась.

Колодцы, родники и ручьи попадались с завидной частотой, никто не испытывал жажды. Рядом с водой постоянно кочевали племена. У них по совершенно бросовым ценам можно было купить барашка, свежих лепёшек или сушёных фруктов. Кауфман в отдельном приказе категорически запретил грабежи по эту сторону Амударьи. Солдатам, желавшим как-то улучшить свое питание, приходилось платить. Хотя, никто особо и не жаловался.

Провианта пока что было вдоволь, и никто не собирался умирать на казенных харчах.

Северный склон Букан-Тау выглядел протяженным и пологим, покрытый кустарником и редкими арчевыми лесами. Не так давно, на противоположной стороне хребта, на Зерабулакских высотах произошло сражение, в котором гусары Смерти взяли в плен эмира Бухары. Хорошее было время! Все мы надеялись, что и нынешняя кампания даст шанс себя проявить.

Путь напрямую через Каракумы выглядел более коротким, но вместе с тем и трудным. Дальняя дорога вела через Самарканд, Бухару, с выходом к берегу Амударьи и спуск по реке к Хиве. Такой маршрут казался безопасным, но и времени на его преодоления требовалось значительно больше. Так что нас ждал быстрый — относительно быстрый — марш по пескам Каракумов.

Чем дальше мы продвигались, тем ниже становился хребет Букан-Тау. Еще три дня и горы превратились в холмы. По ночам еще подмораживало, но каждый новый день казался все теплее, а в полдень, так и вовсе, сильно припекало.

Три первых эскадрона гусар Смерти неизменно двигались во главе авангарда. Пятый резервный остался в Ташкенте, товарищам вновь не повезло, а для меня и моих людей князь Ухтомский выделил весьма почетную роль — охранять тылы передового отряда.

Князь был человеком благородным, но все же не смог удержаться от маленькой шпильки — мол, может ротмистр Соколов и стал вхож в общество цесаревича, но здесь он подчиняюсь своему полковому командиру.

Окончанием спокойного и относительно легкого пути стал колодец Аристанбель-кудук. Здесь мы остановились на двое суток, набираясь сил, запасаясь водой и ожидая основное войско.

Временный лагерь разбили быстро. Часовые встали на окрестных барханах, а незаметные секреты выдвинулись на версту вперед.

Дул сильный восточный ветер. Ржали кони, ревели верблюды. Бегали вестовые, денщики ставили офицерские палатки. Кашевары запалили костры и принялись за готовку еды. Свободные от службы солдаты размещались группами и взводами, снимали оружие, укладывались на землю, доставали трубки и лясничали, ожидая ужина.

Полевыми кухнями пока что мог похвастаться лишь один наш полк. Да и то, кухни были те самые, что мы с Волковым представили в качестве образца. «Победа» уже начала выпуск своей продукции, но по каким-то причинам новые кухни отправлялись не сюда, где в них больше всего нуждались, а в распоряжение Московского военного округа. Это было похоже на инициативу какого-то безмозглого офицера из канцелярии Министерства, который решил именно так, а бюрократическая махина заскрипела и провернулась, совершая очередное бесполезное действие.

После вечернего инструктажа в палатке Бардовского, Ухтомский собрал у себя заместителей и командиров эскадронов.

— Господа, на нас смотрят, на нас ровняются! — князь Ухтомский выглядел энергичным, подтянутым, готовым ко всему, что нам подкинет судьба-злодейка. — За минувшие годы наш полк покрыл себя неувядающей славой. Мы заставили о себе говорить! Мы знаем Азию, и знаем, как здесь воевать. Так что я не вижу препятствий, чтобы вновь проявить себя с наилучшей стороны. Безусловно, нам будет тяжело, война есть война, но мы покажем всему миру, как умеем воевать. И когда наше полковое знамя поднимется над ханским дворцом в Хиве, то мы поймем, что прожили эту жизнь не зря!

Речь полковника не оставила нас равнодушными. Здесь не было наивных и легковверных мальчишек, но каждый из нас стал гусаром, чтобы сражаться и побеждать. Для этого мы здесь, такова наша судьба, пусть подобные слова и звучат несколько высокопарно.

— Все в наших руках, — уверенно заметил Тельнов от лица собравшихся. — И мы не посрамим своих погон.

Денщики принесли самовар. Мы выпили горячего чая, перекусили холодной говядиной с хреном и принялись решать, как с большей пользой провести данную кампанию.

Когда я покинул палатку Ухтомцева, ночь уже вступила в свои права. Тут и там горели огни, слышался храп, а вдали тоскливо выл шакал. Лагерь казался единым живым существом, беспокойным и сонным. А небо выглядело великолепно! Полярная звезда указывала на север. Здесь она находилась значительно ниже, чем в Москве или Петербурге. Свет Сириуса, которому древние культуры придавали особое значение, казался холодным и равнодушным.

Я глубоко вдохнул чистый, с запахом костра и пустыни, воздух. Неизвестно, что принесет мне будущее, но одно очевидно — Хивинский поход начался. Вернее, начался он уже три недели назад, когда мы покинули Ташкент. Но теперь мирные земли остались позади. Где-то впереди нас поджидал неприятель. Нас ждал долгий и утомительный переход через пески Каракумов.

En vérité, ainsi* — истинно так, французский.

Выехав из Петербурга и посетив Москву, два американца добрались до Саратова. Россия выглядела живописно и колоритно. Яркая самобытность сочеталась в ней с искренней верой, провинциальностью, грязью, неграмотностью, душевной добротой и каким-то едва уловимым духом патриархальной старины.

Времени на преодоление внушительного расстояния американцы потратили совсем немного. Более того, ехали они с комфортом, воспользовавшись недавно построенной железной дорогой.

Затем они сели на пароход «Чайка», служивший паромом и неторопливо поплыли на восточный, азиатский берег Волги.

— А ведь все это построено на наши деньги. На деньги от аренды Аляски, — заметил дипломатический советник посольства САСШ Томас Скайлер, одетый в дорожный костюм, из кармашка которого свисала серебряная цепочка брегета. В его голосе слышалось отчетливое раздражение. Оно появилось при путешествии по России. Советнику здесь многое не нравилось, но больше всего его раззадорил вид строящегося через Волгу исполинского моста. Мост фактически завершили, через полгода планировали его открытие. Он стал чуть ли не крупнейшим в Европе, заодно свидетельствуя о том, как неудержимо развивается промышленность России. И глядя на гигантское сооружение, Скайлер чувствовал негодование.

Для советника это было, как нож по сердцу, ведь он считал, что американское правительство совершило крупную ошибку, заплатив столько денег за аренду никому не нужной Аляски.

— Запомните мое слово, Януарий, русские весьма хитрые бестии. Они вытащили из нашего дурака-президента Эндрю Джонсона кругленькую сумму. Президент сменился, но они так провернут дело, что и следующие будут платить. А все почему? Потому что наследник, цесаревич Николай Александрович чертовски обаятельный мистер, который к каждому может найти ключик и подход. Наши против него как младенцы, честное слово! С такими задатками он станет великим государем, и заставит нас платить снова и снова, — добавил он с горечью.

Спутника Скайлера звали Януарий Алоизий Мак-Гахан. В жилах его текла ирландская кровь, хотя он и родился в штате Огайо. Двадцати девяти лет, среднего роста и мускулистого телосложения, с небольшой бородкой и усиками, он являлся корреспондентом газеты «Нью-Йорк Геральд» и ехал в Среднюю Азию с заданием написать серию статей о том, как русские завоевывают себе новые земли. Платили ему щедро, и в путешествии он мог ни в чем себе не отказывать — естественно, в разумных пределах.

Проживая в Петербурге и работая на газету, Януарий познакомится с чудесной девушкой. Ее звали Варвара Николаевна Елагина, и сердце Мак-Гахана оказалось безоговорочно покорено ее красотой, тактом, умом и схожими представлениями о жизни. Американец собирался сделать ей предложение, как только закончится вояж в Азию.

Так что Януарий находил в России многое, что ему нравилось и привлекало. Более того, если бы он верил в теорию перерождений, то признал бы, что раньше уже жил в России — так ему здесь все было ясно и понятно на каком-то интуитивном уровне. Да и русский язык он блестяще выучил буквально за полгода.

— Россия живет своим укладом. Она расположена между Европой и Азией и у нее свой менталитет. Тем более, мы не вправе указывать русским, на что тратить заработанные деньги. По-моему, они молодцы, что так выгодно их вложили, — дипломатично заметил Мак-Гахан. Скайлер не особо распространялся, но все указывало на то, что он активно сотрудничает с разведкой САСШ. И в Россию его направили не просто так, а по делу — посмотреть на страну, оценить их армию и экономический потенциал. Так что, особо откровенничать при Томасе не следовало.

— Допустим... Но с чего нам радоваться успехам наших конкурентов?

— А я не радуюсь.

— Но в вашем голосе мне послышалось уважение.

Пожав плечами и показывая, что соотечественник волен думать так, как ему угодно, корреспондент «Геральда» отвернулся и стал смотреть на необъятную Волгу. Здесь, около Саратова, она разлилась широко. От берега до берега было никак не меньше восьми миль, и река ничем не уступала Миссисипи, гордости американцев. По водной глади безостановочно скользили пароходы и рыбацкие лодки. Снизу, немилосердно дымя приземистой трубой, поднимался сухогруз, тащивший за собой баржу с зерном.

Но основное внимание привлекали внушительные опоры, перекрытия и арки возводимого Александровского моста. Мост и в самом деле казался исполинским сооружением. Несмотря на холод, ветер, тучи и сыпавшийся с небес мелкий снег, работа не прекращалась. Конструкции облепили тысячи человеческих фигурок, а небольшие пароходы безостановочно подвозили строительные материалы, которые затем поднимались лебедками вверх. Слышался лязг железа, скрежет пил, удары молота, крики рабочих.

Стоило признать, русские развернулись с размахом, да и полученные от Аляски деньги они потратили с умом. Два берега Волги впервые связали одним мостом. На Земле насчитывалось мало сооружений аналогичного масштаба. Даже суда с высокими мачтами имели возможность проходить под его главным пролетом. И поистине, зрелище внушало уважение.

— Посмотрим, как у них дальше дело пойдет, — Томас сплюнул за борт.

На восточном берегу путешественники дождались, когда выгрузят их багаж, а затем, перекусив в привокзальном буфете блинами с икрой и чаем, вновь заняли места в вагоне первого класса. Мост еще строили, но железную дорогу уже проложили до самого Оренбурга, через бескрайние степи. Еще одно удивительное достижение, учитывая, что строительство начали всего несколько лет назад.

Правда, тут американцам нашлось, чем ответить. И у них имелся свой повод для гордости. И имя ему — Трансконтинентальная железная дорога, которую достроили в 1869 г. Она связала Восточное и Западное побережье и была куда длиннее, чем ее русская версия.

Зимний воздух сверкал от мороза. Первые мили поезд двигался через аккуратные поселки. В основном здесь жили немецкие колонисты, основавшие тут во времена Императрицы Екатерины II. Занесенные снегом домики, пронесившиеся в окне купе, выглядели приветливо и уютно. Приземистые кирхи с высокими колокольнями напоминали указательный перст, поднятый к небесам. На станциях в буфетах подавали свежий хлеб, масло, бутерброды со стерлядью и осетриной, колбасы, хороший кофе и, конечно же, традиционный в русских трактирах и гостиницах чай из самовара. Достоинство сей необычной посуды Януарий уже успел оценить сполна. А брызжащий кипятком чай с

блюдца, да под малиновое варенье, стал лучшим подспорьем в борьбе против холода и морозов. Это даже и Томас оценил, хотя и про предусмотрительно захваченное виски товарищ не забывал.

Немецкие поселки кончились задолго до Уральска. Их сменили казацкие станицы. Януарий сидел у окна и периодически записывал в блокнот дорожные впечатления и различные сведения. Он уже твердо решил, что будет писать не только для «Геральда», но и для себя, постаравшись со временем издать полноценную книгу о своем путешествии. Все указывало на то, что оно окажется необычным и понравится читателям. Правда, пока до этого было еще очень далеко. Для начала следовало хотя бы благополучно добраться до Ташкента и представиться генералу Кауфману. А если повезет, то и самому Наследнику.

В Оренбурге железная дорога закончилась. В городе американцы провели сутки, выспались, нашли тарантас с ямщиками-киргизами и отправились на юг, переправившись по льду через Урал.

Начался долгий переход по однообразной, занесенной снегом степи. Хорошо хоть, что на тракте постоянно встречались почтовые станции, готовые предоставить путникам отдых, горячее питание и свежих лошадей. Правда, не все станции выглядели одинаково. Иногда такое название носили несуразные кособокие землянки, грязные, темные и холодные. Лошадей здесь не было, их угоняли в ближайшее стойбище, и тогда приходилось ждать по несколько часов, пока их пригонят обратно.

В основном тут жили киргизы и немногочисленные русские. В общении с ними прекрасно показал себя нанятый американцами в Оренбурге слуга, татарин по имени Ак-Маматов. Хитрый и плутоватый, он, тем не менее, умел прекрасно находить общий язык со всеми встречными. Другое дело, что его часто приходилось заставлять проявлять полезные качества. Татарин не имел ничего против, чтобы задержаться на той или иной станции на сутки или двое, мотивируя подобное плохой погодой и отсутствием свежих лошадей.

Покидая очередной занесенный снегом домик, одинокий на многие мили пути, Мак-Гахан задумался об унылой и скорбной судьбе зрителей таких мест. Как же скучно и однообразно течет их жизнь! Лишь путники дают им свежие впечатления и средства к существованию.

Дули ветра, трещали морозы, сверкали звезды, а по ночам выли волки. Дни сменяли друг друга, а Януарию казалось, что они стоят на месте и никуда не движутся — так однообразно выглядела степь. Ему представлялось, что он стал белкой, которая бежит в колесе, но никуда не движется.

И все же, через какое-то время местность начала меняться. По мере приближения к Сырдарье погода стала теплее, снег понемногу исчезал, а тарантасу приходилось постоянно переправляться через ручьи и вязнуть в грязи. Повсюду встречались киргизы с кибитками, лошадьми и верблюдами.

В один из дней, уже двигаясь по Каракумам, тарантас поднялся на маленький песчаный холм. Стоял ясный солнечный вечер. Впереди раскинулось Аральское море, сверкающее, как бирюза в обрамлении золотых песков и свежей зелени.

А еще через день американцы въезжали в Казалинск, также называемый Фортom № 1.
— Не верю, что мы добрались до цивилизации, — Скайлер по привычке сплюнул. — Хотя, кажется, я погорячился. Это не цивилизация, а всего лишь пограничный пост.

Януарий промолчал. За время пути Томас порядочно ему надоел своими бесконечными придирками и пессимизмом. Хотя, прямо сейчас он был в чем-то прав. Казалинск

действительно производил впечатление весьма скромного поселения. Как Мак-Гахан узнал чуть позже, небольшой земляной форт вмещал тысячу человек гарнизона, а жителей было около пяти тысяч. За исключением военных, в городе насчитывалось совсем мало русских. Основных жителей представляли киргизы, татары, таджики, бухарцы и кара-калпаки. Зато здесь имелся речной порт и такое достижение человеческого гения, как удобная гостиница. Именно в нее путники и отправились.

Путешественники помылись, отужинали жареной уткой и легли отдыхать. А утром, после обильного завтрака, пошли осматривать окрестности. Сам город особого внимания не привлекал, но американцы вышли за его пределы и выбрались к Сырдарье, на покрытый изумрудной травой берег. На глаз казалось, что ширина реки около мили, вода была грязной и мутной. Густые кустарники еще относительно недавно служили пристанищем местных тигров. На реке стояло около десятка судов Аральской флотилии. С труб пароходов поднимался дым.

Сегодня было Светлое Воскресенье, самый большой праздник православного календаря, и берег представлял собой оживленное зрелище. По сходям на пароходы безостановочной живой ниткой текли грузы. Капитан Ситников через три или четыре дня готовился спуститься по реке, выйти в Арал, отправиться к устью Амударьи и подняться по реке навстречу отряду генерала Кауфмана, подвезя ему провизию и прочие припасы.

Этот путь казался удобным и быстрым, но американцев, к большому их огорчению, капитан на борт взять отказался.

— Мы пойдем на войну, и я не могу принять на себя ответственность за жизни граждан другой страны, — так мотивировал свою категоричную позицию Ситников.

Русский язык Мак-Гахан освоил замечательно, но услышанное ему совсем не понравилось.

Досада американцев была велика. И только значительно позже Януарий поблагодарил судьбу за то, что Ситников не взял их на борт своего парохода. Мало того, что пока война не закончилась, капитан не смог подняться достаточно высоко по реке, чтобы встретиться с Кауфманом, так на судно еще и хивинцы напали. А самого Ситникова чуть не заманили в ловушку, навязав сражение, при котором русские сошли на берег и попали в засаду. Хивинцы обезглавили двенадцать человек и отвезли их головы хану, чтобы, по своему обычаю, продемонстрировать свою доблесть и потребовать награду.

Но все это выяснилось позднее, а пока же Мак-Гахан чувствовал нешуточную досаду. Русские уже начали войну, войска из Ташкента и Оренбурга выступили в поход, и ему теперь предстояло как-то их догнать.

Трудности американцев на этом не закончились. В Казалинске ранее находился небольшой отряд под командованием полковника Голова и великого князя Николая Константиновича. Было б неплохо отправиться в путь под их надежной защитой, но отряд уже как неделю выступил на юг, углубившись в пески Каракумов. Оставалась возможность догнать его, но и этим планам не суждено было осуществиться благодаря капитану Верещагину, заступившего место начальника форта вместо ушедшего Голова.

— Без разрешения генерал-губернатора фон Кауфмана я не могу позволить вам переправиться через Сырдарью и отправиться к войску, — непреклонным тоном заявил тот. — Каракумы опасны, вы легко можете повстречаться с хивинцами, которые с радостью вас и прирежут. Впрочем, если вас подобное утешит, я отправлю гонца в отряд полковника Голова, с тем, чтобы он сообщил о вас.

Никакие доводы не могли поколебать его позицию, но об истинной цели такого упрямства догадался, что не выглядело странным, именно Скайлер.

— Русский капитан видит в нас шпионов и не хочет рисковать, — выругался Томас, когда американцы остались одни. — Он подозревает, что мы здесь, чтобы собирать тайные сведения об их войске.

— Так ведь он прав, разве нет? — с открытой улыбкой поинтересовался Мак-Гахан. Сам он был честным корреспондентом газеты, но подобного нельзя было сказать о его спутнике.

— Ну и что? — удивился Томас. — При любой армии любой страны всегда находятся представители иных держав*. Это нормальная практика.

— Может и так, но на юг мы ехать не имеем возможности. Значит, следует двигаться на восток и искать другие возможности догнать армию, — решил Януарий. — Я не имею право ничего не делать. «Герольд» не простит мне лишней задержки.

Пришлось терять время и отправляться вдоль Сырдарьи. Путь до форта Перовского занял три дня, во время которых Скайлер окончательно разочаровался в идее отправиться в пустыню.

— Я не получил приказа лезть в гущу сражений, — рассуждал он, утомленный дорогой, жарой и пылью. — Русских я могу дождаться и в Ташкенте. Чего ради убивать себя в песках?

— У вас есть выбор, и вам повезло, — ответил Януарий. — У меня такой роскоши нет. Дирекция газеты вряд ли поймет, почему я истратил командировочные деньги, но так и не догнал наступающую армию. Читателям нужно описание войны, вот для чего меня послали.

— Да, Януарий, вам не позавидуешь, — сочувственно вздохнул Томас.

В Перовском американцы расстались. Скайлер выдвинулся на Ташкент, а Мак-Гахан принялся готовиться к переходу через пески.

Комендант местной крепости подполковник Родионов выглядел сонным и апатичным. Ему, в отличие от капитана Верещагина, и в голову не пришло препятствовать планам американца. Если бы все русские офицеры занимали такую безразличную позицию, то путешествовать было бы куда проще.

Приобретя шесть лошадей, провизию, наняв проводника по фамилии Мустров и мальчишку-киргиза Жалына для ухода за вьючными животными и присмотром за багажом, Януарий взошел на паром и пересек Сырдарью.

На другом берегу паром пристал к маленькой деревушке. Из войлочных кибиток высыпали добродушные киргизы, которые совершенно бесплатно помогли лошадям сойти на берег и перенесли груз.

Мак-Гахану, Ак-Маматову и Мустрову предназначалось по лошади, Жалын довольствовался ишаком. Четвертая лошадь везла ячмень, на пятую нагрузили два с половиной пуда багажа, а последней доверили гардероб американца, его бумаги и оружие.

— Я человек сугубо мирный, — вполне серьезно заявлял Януарий Томасу по дороге в Перовский. — Но оружия много не бывает.

Потому он вез с собой четыре ружья, тяжелую английскую двустволку, винчестерскую винтовку, три револьвера, несколько ножей и сабель. К каждому огнестрельному оружию прилагалось по полторы сотни патронов.

Главным стремлением американца было быстрее догнать армию Кауфмана и цесаревича Николая Александровича. Он часто оглядывался назад, ему все мерещилось, что подполковник Родионов одумается и пошлет за ним погоню.

Проводник Мустров решил следовать берегом Ямыдарьи. Она вытекала из Сырдарьи и,

по-видимому, вначале была одним из арыков, который со временем превратился в полноценное речное ответвление.

Путь лежал на юго-запад. Иногда встречались сидящие на лошадях киргизы, вооруженные старинными фитильными ружьями.

Речную долину покрывала жесткая растительность, тростник и кусты терновника. Со всех сторон щебетали птицы. Пахло цветами, свидетельствующими о приходе в эти места лета.

Ночевали путники либо в кибитках, либо ставили палатки, благо погода позволяла. Во время одного из привалов Януарий с удовольствием поохотился на туркменского фазана — золотистого окраса, с сильно развитым «чешуйчатым» рисунком, синевато-зеленой шеей и длинным хвостом. Но охотник чуть сам не стал добычей. Когда в зарослях промелькнуло гибкое тело тигра, американец похолодел, решив не испытывать судьбу и не начинать преследование столь опасного хищника. Поглядывая по сторонам и держа палец на курке двустволки, Мак-Гахан отступил обратно к их временному лагерю.

Временами река начинала выделять кольца, и тогда проводник сводил их с тропы и они двигались сквозь пески, срезая путь.

Днем немилосердно припекало, и американец уставал все больше. Пытаясь в очередной раз сократить путь проводник заплутал. Маленький отряд сбился с дороги и несколько часов бесцельно бродил по раскаленной пустыне.

Направление выдерживали по солнцу и компасу, но что-то не складывалось и они никак не могли вновь отыскать реку. Воду выпили быстро. С каждым часом жажда одолевала все сильнее. На целые мили, куда ни глянь, пустыня состояла из сухого песка с редкими кустиками чахлой растительности. От зноя кружилась голова, мысли путались. Губы потрескались. Желтое солнце казалось безжалостным пятном. Януарий закрывал глаза, но оно никуда не пропадало, продолжая гореть яркой точкой. Колодцев не было, а перспектива пробыть еще сутки без воды едва не сводила американца с ума.

Но все обернулось благополучно, путники вновь вышли к реке и на следующий день встретили конный русский патруль. Это были казаки.

Через час Мак-Гахан уже входил в ворота небольшого земляного форта, носившего название Иркибай и воздвигнутого всего несколько дней назад. Как оказалось, они вышли на дорогу, по которой двигался из Казалинска отряд полковника Голова и великого князя Николая Константиновича. И здесь русские заложили небольшую крепость.

— Кто вы такой? — удивился встретивший их возглавляющий гарнизон офицер. Звали его Гизинг, и он носил чин капитана.

— Американец.

— Американец? Тот самый, о котором сообщили из Казалинска?

— Тот самый.

— Невероятно! — лицо русского выражало неподдельное удивление. — И скажите, ради Бога, как вы сюда добрались и что здесь ищите?

— Добрался я через форт Перовский и Сырдарью. А ищу я генерала Кауфмана.

— Более странной истории я в жизни не слышал, — офицер продолжал оглядывать их с немалым изумлением. К нему присоединилось несколько товарищей. Около десятка казаков стояли неподалеку, с любопытством прислушиваясь к беседе. Американец уже начал волноваться, что дальше их не пустят.

— Надеюсь, что бумаги ваши в порядке, — наконец решил офицер. — А пока

пройдемте в мою палатку. Вижу, вы чертовски устали, вам не помешает немного перекусить. У меня и мясо отварное есть, и вино имеется.

Мак-Гахан с удовольствием воспользовался гостеприимством. За простой, но вкусной едой он рассказал, что является корреспондентом газеты и сюда прибыл из самого Петербурга.

Но капитан Гизинг, несмотря на все радушие, мало что знал о месте нахождения отряда Кауфмана. Правда, он сказал, что две недели назад отряд полковника Голова покинул Иркибай и двинулся на соединение с основным войском.

— Искать их надобно в окрестностях Аму, — добавил офицер. Аму — так звучало сокращенное название Амударьи. Её так же часто называли Оксу.

Капитан Гизинг не препятствовал американцу и следующим утром тот отправился дальше. Дорога, по которой они двигались, казалась широкой и хорошо убитой. Недавно здесь прошел отряд, да и караваны часто ей пользовались. Но река осталась позади, и теперь вокруг расстилалась песчаная пустыня, со всеми ее ужасами. До ближайшего колодца Кизил-как насчитывалось около шестидесяти миль, и данный отрезок считался всего лишь одним из этапов пути.

Это было тяжелейшее испытание, но Мак-Гахан был бывалым путешественником и смог его выдержать. Наконец вдали показалась темная линия уходящих на восток холмов.

— Букан-Тау*, — негромко заметил Мустров.

Через час отряд подъехал к холмам и нашел в их тени небольшой аул, около сотни верблюдов и ручей с превосходной водой.

Несмотря на относительно поздний вечерний час, солнце продолжало безжалостно припекать. Гостеприимные киргизы выделили для Мак-Гахана отдельную кибитку, где он сразу же скинул сапоги, чувствуя такую страшную усталость, как никогда ранее. За исключением чая, сухарей и изюма он ничего не ел за последние дни, проехав более ста миль.

Проглотив чашку чая и лепешку, Мак-Гахан отправил Ак-Маматова узнать, не продадут ли им барана, а сам лег на одеяла и уснул мертвым сном.

Ранним утром он вновь отправился в путь. Холмы остались за спиной, но местность продолжала выглядеть пересеченной, с подъёмами на барханы и спусками вниз. Поднимаясь на очередную вершину, американец видел уходящие вдаль пески, а затем спускался и словно оказывался в котловане. Здесь даже звуки глохли, да и ветер практически не дул.

У очередного колодца местные джигиты объяснили, что именно тут десять дней назад полковник Голов сошелся с отрядом Кауфмана и Наследником Белого Царя. За последние недели Януарий не слышал новости отрядней — все указывало на то, что он движется в правильном направлении и нагоняет русское войско.

Переходы от одного колодца до другого, горы, песок и жара — все эти виды уже окончательно приелись американцу. Он мечтал лишь о том, как наконец-то догонит генерала Кауфмана, представится ему, покушает, а затем будет спать. Долго, не меньше суток, если получится, конечно.

Несмотря на апатию, американец по сторонам поглядывал. Из живности на глаза попадались маленькие земляные черепахи и ящерицы, размером до фута, и даже больше. Вдоль утрамбованной до каменного состояния дороги с завидной периодичностью попадались следы двигавшегося ранее войска — мертвые верблюды, вата, тряпки, разбитые бочки, истертые подметки от сапог, следы привалов и разводимых костров. Когда они

подъезжали поближе, падаль с недовольным клетотом оставляли стервятники или убегали поджавшие хвост шакалы.

Встретились мирные бухарцы. Выглядели они встревоженно, и их тревога быстро передалась спутникам Януария. Дело в том, что в окрестностях не раз замечали хивинцев. Не решаясь вступить с русским войском в открытый бой, они всячески пытались раздёргать его, двигаясь вокруг и ища возможность напасть на отбившиеся отряды.

— Как бы нам головы не сложить, господин, — заметил Ак-Маматов, почесывая спину засунутой под халат нагайкой. Татарин, как и проводник Мустров, не скрывали тревоги. Мальчишка-киргиз тарашил испуганные глаза. — Хивинцы — сущие разбойники, и никого не пощадят.

— А делать нечего, нам все равно придется двигаться дальше, — ответил американец. Его люди заартачились, поднялся крик. Американцу пришлось вытащить револьвер и взвести курок, чтобы заставить их подчиняться. Лишь только после этого отряд отправился дальше.

Ак-Маматов вроде как не держал обиды за то, что ему угрожали револьвером, но и не скрывал плохих предчувствий.

— Прирежут нас здесь, как баранов, клянусь Аллахом, — не раз и не два повторял он, привставая в стременах и оглядывая округу.

Поначалу его опасения никак не подтверждались. После полуденного отдыха, уже под вечер, их небольшой отряд двинулся дальше и забрался на очередной бархан. И там, получив прекрасный вид, глазастый Ак — Маматов оглянулся назад и закричал на всю пустыню.

— Хивинцы! Хивинцы! О, проклятые дети шайтана, они нас выследили!

Встревоженный американец оглянулся. Позади них, милях в двух, на вершине другого бархана показались первые всадники. Одетые в халаты, цветастые шаровары и сапоги, они держали в руках сабли и что-то азартно кричали. И если поначалу американец решил взяться за оружие, то почти сразу же отказался от опрометчивой идеи — разбойников было слишком много. Все новые и новые всадники взбирались на песчаный урез, а затем пропадали из виду, спускаясь вниз и двигаясь в их сторону. Было их не меньше трех десятков, и то, только тех, что он успел пересчитать.

— Быстрее, быстрее! — торопил проводник Мустров. Жалын первым подстегнул ишака и унесся далеко вперед, хотя шансов сбежать на осле от лошадей у него было не много.

Вьючная лошадь, на которой везли ячмень, заржала, оборвала поводья, вырвалась и понеслась в сторону. Гнаться за ней времени не оставалось — тут бы свои жизни спасти!

Мак-Гахан ударил коня плеткой и помчался следом за Мустровым и Ак-Маматовым.

Началась погоня. Еще минуту назад их маленький отряд двигался совершенно спокойно и вот теперь удирает от врагов! Прихотлива же судьба! Американец не знал, чем все это для него закончится. Про хивинцев ничего хорошего не говорили. Это был дикий и жестокий народ, который никогда не упускал случая пограбить и убить богатого путника. А Януарий был богат по степным меркам — один его запас оружия тянул на приличную сумму.

— Куда, дурак! — по-русски выругался Ак-Маматов, видя, как Жалын с побелевшим от ужаса лицом, безостановочно подстегивая ишака пятками, направил его в сторону, в пески.

— Стой! — закричал Мак-Гахан и попытался направить коня ему наперерез.

— Он уже мертвец! — за уздечку схватился Мустров. — Его не спасти, и мы мертвецы, если нас догонят.

Оглянувшись, американец увидел, как мальчишка скрывается за барханами. Пропадет

же! Но чем он мог ему помочь? На ишаке от коня не ускакать.

Так что ничего не оставалось, кроме как спастись бегством. Поначалу они получили небольшое преимущество, но минут через пять бешеной погони хивинцы начали неотвратно их нагонять. Их кони казались более свежими, отыгрывающими один ярд за другим. За спиной все громче слышался свист и топот копыт.

Американец огляделся и выругался — враг был совсем близко.

Дикая скачка увлекла американца, но головы он не потерял. Слыша азартные крики преследователей, он вытащил револьвер и несколько раз выстрелил. Понятное дело, из такого неудобного положения, да еще целясь назад и на скаку, попасть в кого-то было тяжело. Он и не попал, но зато добился другого — вырвавшиеся вперед хивинцы несколько подрастеряли свой воинственный пыл и придержали скакунов, дожидаясь, когда их догонит основной отряд.

Погоня продолжалась, и еще через милю Мак-Гахан осознал, что им не уйти. Хивинцы нагоняли их, вроде бы неторопливо, но неуклонно. Все громче слышались их воинственные кличи.

— Урус! Урус! — в их предвкушающем вое звучала такая неподдельная радость, что американец понял — ничего хорошего от встречи со степняками ожидать не приходилось. Они приняли его за русского, и потому убивать будут долго и мучительно.

Дорога поднялась на очередной бархан и сразу же нырнула вниз. Мансуров и Ак-Маматов унеслись вперед и первыми закричали от неожиданности. Что-то они увидели... Едва хрипящая и роняющая пену лошадь Мак-Гахана одолела подъем, он чуть не выстрелил. Хорошо хоть, патронов в револьвере больше не осталось.

Дело в том, что спасаясь от хивинцев, они невольно попали в новую опасность — внизу, прямо перед ними и перпендикулярно дороге стояло около сотни всадников на превосходных скакунах. Несмотря на пыль, в лучах заходящего солнца они выглядели так грозно, что у американца невольно сбилось дыхание.

В первый краткий миг он подумал, что попал в ловушку, но молодой сильный голос мигом рассеял его тревоги.

— Сюда, быстрее, — впереди строя находился офицер. Он бросил на Мак-Гахана быстрый взгляд, обернулся к своим всадникам и поднял над головой саблю. — Эскадрон! В ружье! Целясь!

В этот момент на вершину бархана вылетели первые хивинцы. Их азартный крик моментально превратился в вопль ужаса. Так кричит загнанное в угол животное, которое вдруг осознало, что жить ему осталось последние секунды, и спасения нет. И нет надежды. А затем раздался спокойная команда.

— Эскадрон — пли! Пли! Сабли и пики вон! Вперед! В атаку, гусары Смерти!

Хивинцы попадали, как скошенные колосья. Их было мало, а в каждого целились сразу по нескольку человек. Да и почти все пули попали, куда надо.

Никогда прежде американец не наблюдал бой так близко, фактически он находился в его центре. Едва не оглохнув от проносащихся рядом пуль, американец приник к шее лошади. Залп русских получился отработанным и спокойным, эскадрон явно был, что называется «пристрелянным», успевшим повоевать.

Американец, Ак-Маматов и Мустров опешили, не зная, что делать. Выстрелы гусар прошли над их головами и по сторонам, изрядно напугав всех без исключения. Что если кто-то промажет?

Никто не промазал. Разрядив карабины, гусары чуть ли не синхронно убрали их в седельные кобуры и бросились вперед, вынимая сабли и пики. Живая волна в один миг надвинулась на американца и обтекла его с двух сторон, не причинив ни малейшего вреда. Ак-Маматов не выдержал и с болезненным криком сполз на песок, попытавшись спрятаться под конем.

Но подобное не имело смысла. Убивать их не собирались. Офицер и его помощники повели своих всадников вперед, добивать хивинцам. И судя по испуганным воплям живых, ничем хорошим для них это закончиться не могло.

Минута, и основная масса всадников поднялась на бархан и, усеивая песок вражескими телами, погнала оставшихся куда-то в пески. Рядом с американцем и его спутниками остались лишь сбитые на землю хивинцы, вокруг которых кружились русские, добивающие их без всякого сожаления. И только тут Мак-Гахан сообразил, кто пришел им на помощь. Это же прославленные Александрийские гусары, всадники Смерти, которых в Азии прозвали Кара Улюм, что значило Черная Смерть! В дороге Мак-Гахан не раз и не два слышал рассказы о них, да и на привалах проводники пару раз вспоминали этих воинов. Вспоминали с низменным уважением и опаской.

Тогда американцу казалось, что у гусар Смерти слегка преувеличенная репутация. Не такие уж они и опасные, чтобы о них ходило столько легенд. Люди, как люди. Во время Гражданской войны в Америке так же хватало прославившихся кавалерийских полков, как на Севере, так и на Юге.

Но сейчас, видя, как блестяще гусары провели свой маневр, как атакуют единым строем, как послушны их кони и как сами они слушаются своего командира, как погибают степняки и как зло, но вместе с тем и хладнокровно действуют русские, американец понял — нет, рассказы о гусарах Смерти не врут. Они действительно Кара Улюм — Черная Смерть для всех тех, кто решится встать на их пути.

И только тут американца отпустило. Он несколько раз глубоко вздохнул, чувствуя, как начал затихать бешеный пульс. Смерть прошла рядом, на волоске. Но теперь все будет хорошо.

Мак-Гахан покинул седло и сделал несколько шагов. Он вытянул руку и с неудовольствием заметил, что ее слегка потрясывает. А гусары тем временем добились хивинцев и принялись негромко переговариваться, с любопытством поглядывая в его сторону.

Их загорелые лица издали казались вполне дружелюбными. Вот только американец присмотрелся и понял, что встречаться с такими головорезами лишней раз ему совсем не хочется. Да у них такой вид, что знаменитые докеры Нью-Йорка, славящиеся буйным нравом и ежедневными драками с поножовщиной, десять раз бы подумали, прежде чем их задрать.

Поначалу Январия возмутило столь безжалостное отношение к пленником. Где это видано, что бы всех добивать? Европейцы так не воюют! А затем, немного придя в себя, он понял, что иначе и нельзя.

Здесь не город, рек и колодцев нет на многие мили вокруг. Кто будет ухаживать за ранеными? Кто поможет им выздороветь? Сейчас идет война, никому до них и дела нет, некогда с ними возиться. Так что в действия русских имелась логика — суровая и безжалостная логика войны. Можно сказать, что они последнюю милость врагам оказывали, прекращая их мучения.

Командир гусар вернулся через несколько минут. Его сопровождал еще один офицер и

больше дюжины человек. Остальные, судя по всему, углубились в пески, продолжая преследования хивинцев.

— Ротмистр Соколов, — всадник спрыгнул на землю и небрежным движением руки поднес руку к кепи. Только сейчас Януарий разглядел узенькую полоску шрама, пересекающую бровь и верхнюю часть щеки русского. Шрам придавал ему вид грозный и опасный, как человеку, с которым надо думать, о чем говоришь. — Кто вы такой?

— Я американец, Януарий Мак-Гахан, корреспондент «Нью-Йорк Геральда», и я тороплюсь догнать генерала Кауфмана.

— Все верно, мы не ошиблись, — ротмистр оглядел его с ног до головы. Странно, но в голосе русского не слышалось и намека на теплоту. Он и его подразделение спасли им жизни, но симпатии явно не испытывали. — А где еще один американец? Вас же должно быть двое.

— Если вы имеете в виду мистера Томаса Скайлера, то мы с ним расстались в форте Перовском. Я отправился сюда, а он в Ташкент.

— Ясно. Цесаревич и генерал-губернатор уже знают о вас. Собственно говоря, меня и мой эскадрон послали к вам навстречу, опасаясь возможных неприятностей. Кажется, мы подоспели вовремя. Жизнь коротка, так что не упускайте случая ею наслаждаться.

— Так и есть. Благодарю вас от всей души! — несмотря на холодный тон ротмистра, взволнованный американец с чувством схватился за руку русского и с силой ее пожал. — Вы действительно спасли меня, и я этого никогда не забуду. Спасибо вам, спасибо!

— Рад был оказать небольшую услугу, — ротмистр не улыбнулся, но в глазах его появилось что-то, похожее на одобрение. Надо полагать, пылкие слова американца все же нашли отклик в его сердце. — Вы в состоянии продолжить путь?

— Я готов!

— Прекрасно. Пока можете передохнуть, мы закончим начатое и только тогда выдвинемся. Познакомьтесь, мой товарищ и друг, поручик Георгий Рут. Георгий, угости нашего нового знакомого коньяком.

— Верно, выпить вам не помешает, — Рут пожал американцу руку, улыбнулся, покопался в седельной сумке, вытащил фляжку в матерчатом чехле и протянул ее американцу.

— Благодарю, господа, — Мак-Гахан обвел взглядом своих спасителей, отсалютовал им горлышком и сделал внушительный глоток. Коньяк явно был не французский, похуже, к тому же теплый до отвращения, но прокатившаяся по горлу и пищеводу горячая волна мигом привела его в чувство.

— Курите? — поинтересовался ротмистр Соколов, протягивая портсигар. Такие великолепные изделия, да еще из золота, американец видел не часто. Дорогая вещьца!

— Благодарю, — американец взял папиросу и достал коробочку со спичками, которые все еще оставались диковинкой во многих странах.

Закурили, разговаривая о том, как американец добирался из Петербурга. Окончательно пришедший в себя Мак-Гахан вспомнил, что он репортер, и принялся по привычке подмечать мелкие детали. Гусары Смерти оказались весьма колоритным подразделением, а их командир однозначно являлся личностью неординарной. Держался он спокойно, но с немалым достоинством, словно генерал какой. Золотой портсигар, великолепный конь, превосходное оружие, уверенная речь... Нет, он был кем угодно, но только не обычным кавалерийским офицером.

Гусары вернулись. Погибших среди них не было, но двое оказались легкоранеными. Соколов выслушал рапорт об итогах схватки от офицера по имени Егоров Егор. Тот сообщил, что догнали практически всех туркменов, уйти удалось лишь троим.

— Молодцы, ребята, славно себя показали! — Соколов с довольным видом оглядел гусар. — Как встанем на привал, всем по чарке водки за мой счет!

— Ура! Премного благодарны, вашбродь! Рады стараться! — раздавалось со всех сторон. По загорелым зверским лицам поползли улыбки. Улыбались они открыто, радостно. Разница между ними сейчас и их безжалостными эффективными действиями всего десять минут назад просто поражала!

Американец никогда такого не видел и как-то сразу понял, что на одних лишь гусарах Смерти, описывая их быт, привычки и действия во время боя есть шанс сделать себе имя. Можно такую статью написать, которая раз и навсегда его прославит. Это же золотая жила, не меньше! Репортерская удача!

— Пока же вот что: раненых перевязать, пленных допросить, оправиться, проверить оружие, выставить часового вон на тот бархан. Выступаем через четверть часа! Выполнять! — приказал ротмистр Соколов.

Гусары рассыпались. Было видно, что обязанности в эскадроне давно распределены, люди занимались каждый своим делом и друг другу не мешали.

На некоторое время всем стало не до американца, и он почувствовал себя брошенным. От нечего делать, Мак-Гахан принялся наблюдать, как допрашивают пленных. Их оказалось двое, и никто с ними не церемонился.

Поначалу хивинцы решились проявить смелость и отказались отвечать на вопросы. Несколько полновесных ударов и угроза поджарить на огне пятки мигом развязали им языки.

Допросом руководили два офицера, Дворцов и Фальк. Разговаривали они на незнакомом языке, вся беседа заняла менее десяти минут. Януарий глазам не поверил, когда пленников развязали, вернули коней и позволили ускакать в пустыню.

— Почему вы подарили им жизнь? — спросил он поручика Людвиг Фалька, провожая взглядом спины хивинцев. Кажется, те не верили в подобную щедрость и ожидали, что по ним начнут стрелять.

— А что с ними делать? — Фальк улыбнулся, блеснув белыми зубами. — К тому же наш командир придумал презанятную штуку — отпустив пленников, мы сказали, что если кто из хивинцев попадетс нам в руки, то пощады не будет. Так что пусть трижды подумают, нужно ли им встречаться с нами!

В голосе молодого поручика слышалась юношеская бравада. А так же гордость. Фальк гордился собой, своим подразделением и командиром. Стоило признать, повод для гордости имелся, да и затея с пленниками выглядела недурно.

И тут Януарий вспомнил о Жалыне. Это же его человек, он его нанял! Стало так стыдно, что американец невольно покраснел.

— Господин ротмистр, — он бросился к Соколову. — Выслушайте меня, прошу, и помогите. Со мной был мальчик-слуга. Когда мы удирали от погони, он покинул нас и скрылся в песках. Помогите его найти! Не дайте умереть, может еще есть шанс!

Мак-Гахан говорил быстро, глотая окончания слов. Ротмистр выслушал его, а затем задумчиво покрутил ус.

— Георгий, возьми десяток человек и осмотри дорогу. Отъехать разрешаю на версту, не

более. Покричите там, что ли. Как зовут мальчишку?

— Жалын.

— Кричите его имя, может он и выйдет, если не убили, конечно. Даю вам двадцать минут.

— Я поеду с вами, — решил американец, глядя на Руту. Тот посмотрел на Соколова, поймал кивок командира и лишь затем ответил.

— Как вам будет угодно. Следуйте за мной.

Вместе с Рутом и гусарами они отъехали от основных сил, двигаясь по дороге. Не обращая внимания на валяющиеся тут и там трупы хивинцев, Мак-Гахан кричал, пока не охрип. Жалын на крик так и не вышел.

— Нам пора возвращаться, — помолчав, решил поручик Рут. — Мальчишку могли убить, он мог заплутать или ускакать за десяток верст.

— Еще пару минут! — взмолился американец и вновь закричал. — Жалын! Жалын!

— Мы и так задержались, нарушив приказ. Все, нет вашего мальчишки. Если повезет, выживет. Едем! — в голосе русского прозвучали непоколебимые ноты и американец понял, что спорить бесполезно.

— Мы на войне! — голос Соколова, когда он выслушал вернувшегося поручика Рута, звучал слегка устало. — Люди гибнут, и мы ничего не можем с этим поделать. Если ваш Жалын еще жив и если он не дурак, то опомнившись, рано или поздно вернется на дорогу и доберется досюда. А если нет, то его жизнь возьмет пустыня. Людвиг, оставь флягу с водой, если что, вода парню не помешает. А мы выступаем. Время, господа.

Всадники торопливо забирались в седла. Кони, хоть и устали, могли продолжить путь.

— Гусары! В походную колонну, по трое, становись! Вперед! — приказал Соколов.

Под звук эскадронного горна кавалеристы снялись с временного лагеря, отправив впереди себя дозорных.

Эскадрон растянулся. Лошадей у них и так было много, многие везли какие-то грузы, а теперь, после победы над хивинцами, их стало еще больше.

Первую милю американец все оглядывался назад, надеясь увидеть фигуру Жалына. Все было бесполезно. Мальчишка пропал, как пропала и лошадь, отбившаяся от них в самом начале погони. Но о ней он не жалел, она — животное, а вот смерть человека оставила на его сердце рану.

А затем Мак-Гахан глубоко вздохнул и понял, что сделать ничего не сможет. Так получилось, так бывает. Назад он больше не смотрел.

Раздалась команда, и молодые сильные голоса впереди эскадрона затянули песню.

Наливай, выпивай, чашу круговую!

Зачинай, запевай, песню полковую!

Помимо воли американец улыбнулся. Офицеры как-то по-доброму принялись шутить и расспрашивать Мак-Гахана, не испугался ли он, и что бы стал делать не приди они ему на помощь.

— Что бы стал делать? Да скакал бы без остановки, хоть сто миль, пока не добрался бы до генерала Кауфмана, — отшутился Януарий под смех русских. Время от времени он поглядывал на ехавшего чуть впереди ротмистра Соколова. Похоже, тот отнесся к нему с прохладцей, не совсем радушно. И подобное отношение странным образом не давало Януарию Мак-Гахану покоя.

При армиях находятся представители других держав* — американец прав, в те времена

действительно существовала подобная практика.

Букан-Тау* — западные отроги Туркестанского хребта.

В нынешнем году лето наступило быстро, мы толком и весну не успели почувствовать. Еще неделя, много две, и придет настоящая жара. Хотя, уже сейчас людям приходилось нелегко.

Погода подложила нам свинью, никто не рассчитывал на столь раннее лето. Две недели, которых нас лишили, как раз и требовались для того чтобы преодолеть самый тяжелый участок на пути к Амударье.

Через некоторое время от Кауфмана поступил приказ — двигаться только утром, вечером и ночью, по возможности экономя силы, наблюдая за нижними чинами и животными.

А затем горы Букан-Тау закончились и мы лишились тех преимуществ, что они давали. Отряду предстояло пересечь Каракумы, двигаясь строго на Амударью. Согласно картам, расстояние составляло триста верст. Казалось бы, не так уж это и много, но в песках счет иной.

Именно пески и чудовищная жара стали нашими главными врагами. Не хивинцы — они всего лишь пусть и воинственные, но дикие кочевники, без дисциплины и чувства долга. Сражаться с ними несложно. А вот климат совсем другое дело.

Едва последние холмы Букан-Тау остались позади, как появились хивинцы. Особой отваги они не проявляли, но зато докучали своим присутствием, непрерывно показываясь на горизонте и грозя ударить в самое уязвимое место.

— Настало время напомнить, кто здесь хозяин, — полковник Ухтомцев решил рассеять силы неприятеля. Генерал Бардовский не возражал.

Четыре эскадрона при поддержке сотни казаков подполковника барона Аминова выдвинулись вперед. По первым прикидкам врагов насчитывалось около двух-трех тысяч, но боя они не приняли и отступили. То, что туркмены прекрасно знали пески и куда лучше переносили климат, давало им дополнительные козыри. В частности, несмотря на все наши старания, мы так и не смогли поймать хоть сколько-нибудь крупные силы. Четыре легкораненых гусара и два десятка убитых хивинцев — вот и все наши скромные успехи.

Во всех подразделениях, выдвинувшихся к Хиве с разных сторон, состояли сибирские и семиречинские казаки, четыре сотни уральцев, девятьсот оренбуржцев, подразделения с Терека и даже часть Ейского полка кубанского войска. Но основной кавалерией считались мы, Александрийские гусары. Поэтому нас часто ставили в пример, на нас равнялись и гусарам, что называется, приходилось «соответствовать».

Князь Ухтомский безостановочно двигался вместе с генералом Бардовским, а мой четвертый эскадрон он периодически отправлял назад. В те дни в наши задачи входила рекогносцировка местности, осмотр колодцев и ближайшей территории, нахождение отбившимся пехотинцем, первая помощь пострадавшим от обезвоживания и теплового удара, и даже моральная поддержка, ибо молодецватый вид гусар внушал остальным иррациональное чувство надежности. Не знаю, кто первым заметил такую нашу особенность, Кауфман или Головачев, но теперь ее использовали не стесняясь.

Я подчинялся Ухтомцеву, приказ есть приказ, деваться-то некуда, но за неделю, двигаясь туда и обратно, мой четвертый эскадрон прошел вдвое более пути, чем все остальные. Гусары загорели дочерна, обветрились, заматерели. Семеро попали в лазарет,

двенадцать коней пало. На коней внимания не обращали, благо, что-то, а лошадей нам тут же выдавали новых. Главное, что мой Хартум климат и дорогу переносил превосходно. Иначе и быть не могло, ведь данная порода идеально приспособлена к местным реалиям.

Авангард первым почувствовал на себе тяжесть перехода до урочища и одноименного колодца Хал-ата. Бело-желтое солнце медленно ползет по небу и словно нехотя скатывается за горизонт. Из-за жары двигаемся лишь по утрам, вечером и ночью. Из растительности лишь жалкие клоки кустов и травы. Песок блестит и жжет сквозь подошвы сапог. Атмосфера проникнута каким-то красновато-туманным блеском, который ослепляет глаза и утомляет мозг через зрительные рецепторы. Пересохшая глотка и потрескавшиеся губы лишь малое из неудобств, что выпало на нашу долю. До оружия и металлических деталей упряжи невозможно дотронуться — так они нагрелись. Гусары пропотели, и пахло от нас не самым лучшим образом. А у горизонта колышутся миражи — призрачные деревья, города и цветущие сады. Находились и такие, кто из-за жары начинал воспринимать их всерьез и выбегать из марширующего строя, стремясь побыстрее очутиться в прохладе. За ними так же приходилось следить гусарам.

Переход по пустыне оказался очень тяжелым и психологически — солдаты, не шутя, верили, что в местных землях обитает черт. Миражи и необыкновенные размеры, странные формы, которые придавал местным предметам раскаленный воздух, убеждали их в том, что здесь поселилась нечистая сила. А кому еще, как ни черту, придет в голову смущать людей видом бегущих ручейков и зеленых деревьев, которые так и манят укрыться под их тенью? Лишь сатана, враг рода человеческого, мог придать какому-то кусту вид огромного пирамидального тополя, а человеку — форму большой башни.

Только пройдя не одну сотню верст, люди привыкли к миражам и не бросались к ним, как прежде. Тем не менее, каждый мираж, изображавший такие соблазнительные вещи, как воду, прохладу и деревья, так и манил к себе, ибо все это представлялось вполне естественным.

Было видно, что пехоте приходится тяжелее всех. Впрочем, как и всегда, в любом походе и на любой войне. Сидеть в седле по несколько часов также не совсем здорово, но мы хотя бы имели возможность подремать прямо на марше, слезть с коня и размять ноги, внеся, таким образом, хоть какое-то разнообразие.

А пехота шла и шла, безостановочно, механически, апатично...

Солдатики периодически падали от обморока и тепловых ударов, у многих носом шла кровь. Два молоденьких паренька, призванных в армию в этом году и еще не успевших акклиматизироваться, умерли в бреду. Полковник Романов засунул себе револьвер в рот и застрелился — возможно, из-за удручающей жары, но скорее всего по причине неприятностей в семье или денежных долгов. В моем эскадроне никто не погиб, но у Седова некто Кондрат Петров, находясь в седле, потерял сознание, упал и разбил голову. Похоронили его там же, и он стал первой жертвой, принесенной нашим полком богу войны.

Лошадей пало около сотни, верблюдов втрое больше. Слабые и молодые умирали первыми. Проезжая мимо разлагающихся трупов, густо облепленных мухами, мои гусары качали головами — слишком уж разорительным в их глазах казался поход. Да и жалко было таких больших и выносливых животных.

Поначалу командование рассчитывало, что каждый верблюд сможет нести почти пятьсот фунтов различного груза. Но чем дальше мы двигались, тем сильнее уставали животные, и вес переносимого ими груза уменьшался день ото дня.

Ночью первого мая гусары Смерти добрались до урочища Хал-ата, где имелось несколько колодцев. Люди с криками радости принялись черпать воду. Для этой цели использовали возимые с собой кожаные ведра и длинные веревки, так как глубина колодцев иной раз достигала двадцати, и более, сажений.

Вновь появились туркмены. Они до утра появлялись с южной и западной стороны лагеря, крича и действуя на нервы. Подошедший к колодцам Бардовский послал против них взвод 1-ой роты 4-го стрелкового батальона под командованием подполковника Омельяновича. Солдаты скрытно поползли по барханам, пытаясь незаметно приблизиться к неприятелю, но их обнаружили, раздались выстрелы. В ночной темноте некоторое время продолжалась перестрелка, тут и там сверкали вспышки. Ближе к рассвету все затихло, туркмены отступили в пески. С нашей стороны никто не погиб, а как обстояли дела у неприятеля, мы так и не узнали. Если у них кто и пал, то погибших они забрали с собой.

Хал-ата являлся заранее запланированным местом для стоянки и отдыха. Бардовский приказал укрепиться и ждать подхода основных сил. Первый, второй и третий эскадроны князь Ухтомский постоянно отправлял на рекогносцировку, а мне поступил приказ вернуться обратно к основным силам. Следовало доложить, что авангард благополучно достиг Хал-аты, получить свежие приказы и заодно выяснить, как обстоит ситуация с Казалинским отрядом полковника Голова и великого князя Николая Романова — они уже должны были догнать нас. И конечно, нам поставили задачу помочь людям с водой — для этого мы взяли с собой тридцать верблюдов и их хозяев-джигитов.

В путь двинулись вечером. Периодически навстречу попадались отдельные марширующие роты. Знакомые офицеры неизменно спрашивали, что находится впереди и как долго еще идти до колодцев. Наши ответы, что до колодцев осталось совсем близко, час или два, неизменно подбадривали их и дарили людям второе дыхание. Уступая дорогу, мы поднимались на барханы, заодно высматривая неприятеля. Воду давали лишь больным и выбившимся из сил, остальные и так скоро получают возможность вдоволь напиться.

Ставка цесаревича и Кауфмана нашлась уже под утро. Они так же маршировали всю ночь. Спать никто еще не лег. Мы проехали по лагерю, передав верблюдов интендантам. Я отдал гусарам приказ спешиться и первым делом встретился с капитаном фон-дер-Флитом, адъютантом Кауфмана.

— Костя, сообщи генерал-губернатору о нас, — попросил я. Хотелось лечь и отдохнуть, но служба есть служба.

— Жди! — ответил фон-дер-Флит. Мы с ним хорошо знали друг. С моей точки зрения, он хоть и являлся сугубо штабным офицером, но служил честно и мечтал попасть в настоящий бой. — Я мигом.

И действительно, не прошло и пяти минут, как меня и Егорова пригласили к генералу на завтрак.

Кауфман расположился не в своем бухарском шатре, известного всей армии, а рядом, пользуясь последним часом относительно прохладного времени. С ним я застал цесаревича Николая, генералов Головачева, Троцкого и Рихтера, герцога Евгения Романовского и еще несколько офицеров, включая великого князя Николая и полковника Голова — значит, они успели догнать основные силы.

Атмосфера за столом казалась оживленной. Люди делали общее дело, оно сблизило их, заставило уважать и ценить друг друга. Так всегда и бывало на войне.

На походном столе денщики уже расставляли еду — вино, паштеты, холодную утку, хлеб

и вяленое мясо. И конечно самое главное — воду в кувшинах и флягах. Около двух десятков офицеров стояли вокруг, покуривая и негромко переговариваясь. На дальнем бархане виднелись фигурки часовых.

— А вот и посланник от генерала Бардовского, — заметил Головачев, привлекая внимания остальных к моей персоне. — Докладывайте, ротмистр.

— Генерал Бардовский и вверенные ему силы авангарда успешно добрались до колодцев Хал-аты, — несмотря на сильную усталость, я вытянулся и постарался выглядеть по возможности героически. Жаль лишь, что моя пыльная, пропахшая дымом и потом форма плохо соответствовала данному образу. — Сутки назад состоялся огневой контакт с неприятелем. С нашей стороны убитых нет, трое легко раненых. В лазарете двадцать семь человек, большей части пострадавших из-за солнечных ударов. Генерал Бардовский укрепил лагерь и встал на отдых, дожидаясь дальнейших приказаний. Воды в Хал-ате с избытком и она пригодна для питья.

— Хорошо, — негромко заметил Кауфман. Выглядел он сильно уставшим и истощенным. Да и не шутка, всеми нами любимому генералу уже пятьдесят пять лет, и силы его уже не те. — Присаживайтесь к нам за стол и расскажите, как людям дался переход и каково настроение авангарда. Вы же не против, ваше высочество? — он повернулся к наследнику. В голосе Кауфмана проскочила практически неуловимая ирония — он же наверняка знал о том, что цесаревич мне симпатизирует.

— Конечно, нет, — краем губы улыбнулся Николай Романов. А вот он, в отличие от Кауфмана, выглядел вполне приемлемо. Кажется, жаркий и сухой климат Туркестана пошел ему на пользу. — Тем более, гусары — мой полк и мне всегда интересно их послушать.

— Да, они смельчаки, каких мало, — негромко заметил герцог Романовский, выдыхая папиросный дым. — Я бы счел честью командовать таким подразделением.

Собравшиеся переглянулись, но никак не прокомментировали подобного заявления. Герцог носил звание флигель-адъютанта. Отношение к нему сложилось своеобразное — человеком он был тщеславным, недалеким, обожающим женщин и красивую жизнь. В принципе, часть гусар могла похвастаться примерно таким же, весьма скромным набором достоинств, но у герцога все это накладывалось на некую вседозволенность и спесь от причастности к Царской Семье. Да и его фигуру, в силу статуса, рассматривали и оценивали куда пристальней, чем обычного гусара.

Мы с Егоровым устроились с краю стола, присев на складные стулья. Перед нами тут же поставили тарелки, столовые приборы, положили еды и налили вина.

Подул легкий ветерок. Под негромкое звяканье вилок я некоторое время докладывал о положении дел в авангарде. Меня слушали, но особого интереса новости не вызвали. Все складывалось неплохо, тем более, не один лишь мой эскадрон оберегал войско, обмен приказами шел безостановочно.

— Вот что, ротмистр, — через некоторое время заметил Головачев. — От присоединившегося Казалинского отряда поступили новости, что к нам из самого Петербурга движутся два американца: дипломатический советник Томас Скайлер и корреспондент «Нью-Йорк Геральд» Януарий Мак-Гахан. Было бы не лишним встретить их, отправившись назад. А то неизвестно, что с ними здесь может случиться. Нам еще международного конфликта не хватало, — пошутил он.

— Они американские шпионы? — напрямую спросил я. Кауфман удивленно поднял взгляд от тарелки, цесаревич Николай улыбнулся, а вот герцог Романовский шумно

рассмеялся, словно я удачно сострил.

— Может и так, но нам все равно необходимо о них позаботится. Так что, возьметесь? Или вам требуется отдых? — требовательно спросил Головачев.

— Гусары готовы выступить хоть сейчас, — ответил я, прекрасно зная, что сейчас выступить уже не получится — становится слишком жарко. Да и не готов к таким подвигам мой эскадрон, мы же не железные, нас так и загнать можно. Но мне представился случай показать себя, и я не мог его упустить. В конце концов, надо же поддерживать репутацию лихих гусар!

— Сейчас не надо. Отправитесь в путь после отдыха, по вечернему холодку, — решил Головачев, переглянувшись с Кауфманом. Насчет холодка он, конечно, погорячился. Ночи здесь действительно прохладные, но больше на контрасте с невероятной дневной жарой, и только.

Завтрак закончился. Кауфман отправился отдыхать. Наследник решил переговорить со мной, под предлогом узнать о состоянии дел в полку, Шефом которого является. Надолго наша беседа не затянулась. Мы обменялись общими фразами, спросили о здоровье друг друга и отправились спать. Вернее, спать ушел Романов, для которого уже поставили отдельную палатку. Я же для начала осмотрел гусар и коней, проследил, чтобы воды и фуражу у них было в достатке, отдал несколько приказов, поинтересовался у нижних чинов о самочувствии и провел небольшую ревизию оружия. И лишь после этого позволил себе отправиться на заслуженный отдых.

Вокруг шумел лагерь. Солнце палило немилосердно, но оно мне не мешало. Несколько офицеров любезно предоставили в наше распоряжение свои палатки. Раздевшись по пояс, сняв сапоги, я умылся, а затем бросился на расстеленный Архипом ковер и практически сразу уснул, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Я так вымотался, что умудрился благополучно проспять самое жаркое время и проснулся от того, что меня разбудит Снегирь. Умыться, одеться, привести себя в порядок и перекусить не заняло много времени. Головачев провел еще один инструктаж, разъяснив, где именно можно искать американцев и как далеко следует углубляться в пески.

Честно сказать, данный приказ радости мне не добавил. Вот ведь, какие любопытные господа, и чего им дома не сиделось, в своей Америке? Чего ради они потащились в такую даль, рискуя жизнью, и заодно заставляя гусар заниматься, не пойми чем. Мало того, что никому неизвестно, сколько искать этих американцев, так потом и товарищей придется догонять, проделывая еще раз эту же дорогу.

Понятное дело, целесообразность приказа я прекрасно понимал. Будет совсем нехорошо, если заморские гости сгинут в Каракумах, но вот такая забота о вражеских разведчиках мне претила. А то, что они именно разведчики, я не сомневался. Кем же еще они могут быть?

В общем, настроение у меня было так себе. Да и выспался я плохо, снилась какая-то беспокойная муть. Мы перекусили, коней накормили и напоили, все было готово.

— Отдавай команду на выход, — приказал я Егорову, достав брегет и щелкнув крышкой. Часы показывали начало восьмого. Два десятка человек, включая наследника, решили проводить нас. Хотя, все уже сказано, задание получено, так что люди в основном молчали.

— Эскадрон! В седло! — зычно крикнул штабс-ротмистр.

Эскадронный горнист сыграл команду. Гусары Смерти покинули лагерь, миновали часовых и углубились в пески, следуя по дороге. С собой мы взяли около четырех десятков

свободных лошадей. Они и грузы везли, и могли подменить павших скакунов.

В то время, как основной отряд начал сниматься и выдвигаться дальше на запад, мы двинулись обратно, на восток, к виднеющимся вдали вершинам Букан-Тау.

Находясь в голове эскадрону, одним ухом я слышал негромкие переговоры Егорова и поручика Рута, а сам тем временем обдумывал, за каким это лешим американцев занесло в Россию. Да не просто Россию, а в дикую Азию! Нет, они точно шпионы. Я и сам разведчик, но почему-то симпатии на общих, так сказать интересах, к ним совсем не испытывал. Наверное, во всем виновата погода и унылые пески.

За первый час мы встретились с двумя казачьими разъездами, а затем оказались предоставлены самим себе. Здесь никто не смог бы нам помочь, случись что нехорошее. С другой стороны, целый эскадрон — внушительная сила, которую так просто не взять. Мы можем за себя постоять. Тем более, я не пренебрегал мерами безопасности: Фальк с тремя гусарами охранял нас спереди, а Дворцов прикрывал от неожиданных встреч тыл.

Звезды высыпали на небо, а затем стали гаснуть, а мы все двигались, время от времени давая лошадям отдых и разминая ноги. Когда стало светать, я заставил Хартума забраться на очередной бархан, вытащил подзорную трубу и принялся осматривать округу. Ничего не увидев, передал трубу Егорову, которому так же хотелось осмотреть округу.

— А все же неплохая оптика, — с удовлетворением заметил он, оглядываясь по сторонам. Я сделал пометку подарить ему такую же на именины, коль вещь нравится. Трубу я купил в Ташкенте, и стоила она не мало. Но уже больше года в голове прочно засела мысль, что было бы совсем бы недурно и для меня и для России, если мы запатентуем бинокль. Слово бинокль произошло от двух латинских слов, «бини» и «окулус», что буквально обозначало «двое глаз».

Насколько мне известно, патентов на бинокли пока не зарегистрировано. Сама система известна достаточно давно, но она далека от совершенства и сейчас ее продолжают доводить до ума. В армии у нескольких офицеров бинокли уже есть, я у великого князя Николая его видел, но они среднего качества и подзорные трубы пока все же лучше.

Жаль, но я не помнил и не знал, кто первым начнет производство хороших биноклей. В голове крутилась фамилия Цейс, но кто он, немец, француз, швейцарец или швед, я не знал. Тем более, может и не Цейс довел бинокли до ума, а совсем другой человек.

Мне нужен инженер, разбирающейся в оптике и увеличительных стеклах. А где такого найти? Волков однозначно заточен на другой профиль, он с металлами и механизмами любит работать. Может Баранова озадачить, хотя и у него иная специализация? Или постараться отыскать еще одного русского самородка?

На привал встали в восемь утра и отдыхали до шести вечера, выпив весь запас воды. Но мы проходили этой дорогой и прекрасно помнили, что чуть дальше нас будет ждать колодец.

— Пора бы уже этим американцем объявится, — заметил Рут. — Если конечно, их не убили. Обидно будет!

— Кому? — лениво поинтересовался Егоров.

— Нам, что приказ не выполнили.

Дворцов и Фальк хохотнули. Я промолчал, заканчивая ужин.

Осмотрев лошадей и проверив оружие, тронулись дальше. Примерно через час вернулся двигающийся впереди Рут. В руках у него находилась моя подзорная труба.

— Михаил, у нас гости. Далеко еще, но скажут быстро. Похоже, те сами американцы, которых мы ищем, — взволнованным тоном сообщил он.

— Сколько человек? — я поднял руку, заставляя эскадрон остановиться.

— От погони уходят трое на нескольких лошадях, а их преследуют какие-то азиаты. С бухарцами мы не воюем, значит, это хивинцы. Через пару минут они будут здесь.

— По дороге скачут? — все же уточнил я.

— Ага, — Рут остановил на мне вопросительный взгляд, ожидая, что я сейчас скажу. И я его не подвел.

— Эскадрон! Слушай мою команду! Спускаемся вон туда, встаем между двух барханов. Карабины к бою!

Дисциплинированные гусары быстро выполняли приказ. Мы спустились в ложбину, и она полностью скрыла всадников, да так хорошо, что с дороги нас никто увидеть не мог. Нет, конечно, враг нас увидит, но лишь тогда, когда окажется совсем близко, на расстоянии револьверного выстрела. А нам того и надо, сюрприз будет. Преследуемые и те, кто за ними скачут, вылетят прямо на нас — тут мы их и встретим.

Гусары успокаивали коней и проверяли оружие. На ближайший холм отправили двух наблюдателей и Руту, ставшего нашими глазами.

— Жаль, шампанского нет, — сохраняя невозмутимость, заметил Егор Егоров. Он достал револьвер, преломил ствол и проверил патроны. — Я бы не отказался.

— Тогда уж и барышень подавай, — присоединился к шутке Дворцов. Фальк, самый молодой из офицеров, никогда прежде не воевавший, приосанился в седле и постарался придать себе уверенный и бравый вид, не желая чем-либо уступать товарищам.

— Отставить разговоры, — негромко бросил я. Минуту или две ничего не происходило, мы видели лишь ноги и спины наших товарищей, выглядывающих противника. Затем Рут махнул рукой и сбежал к нам, поднимая пыль.

— Еще минута и они будут здесь, — торопливо бросил Георгий, отдавая мне трубу и запрыгивая в седло коня.

— Готовсь! — выкрикнул я, вынимая из ножен саблю и поднимая ее вверх. По вытянувшемуся строю эскадрона прошла волна движения — гусары приложили карабины к плечу. Понятливые лошади замерли, понимая важность момента.

Первым делом мы слышали нарастающий топот копыт и какие-то вопли. Звук усиливался. Урез бархана перевалил джигит в халате и тюбетейке. Его лошадь хрипела и роняла пену, а седок нещадно хлестал коня ногой. Смотрел он назад, а повернувшись, заметил нас. Ручаюсь, такого изумления на чьем-либо лице я в жизни не видел! Да оно и понятно, ты убегаешь от погони, думаешь о неизбежной смерти, кругом безлюдная пустыня, и тут вдруг целый эскадрон гусар Смерти с оружием наизготовку! Тут не то, что удивишься, шаровары обмочишь от неожиданности!

— Куда, а ну стой, дура! — хриплый голос старшего вахмистра Чистякова, которого прозвали Лешим, заставил джигита вздрогнуть. Леший дал коню шенкелей, выехал вперед и схватил чужого коня за уздечку.

— Не убивайте! — в отчаянии закричал джигит, прикрывая голову руками. Чистяков ему что-то ответил, но события развивались стремительно, и я ничего не услышал.

Вершину бархана перевалил еще один степняк, за которым следовал новый всадник — судя по одежде, европеец. Или американец, что более вероятно. Сцена повторилась — увидев нас, они буквально онемели от неожиданности, но их кони продолжали скакать в нашу сторону.

— Сюда! Быстрее! — я не знал, кого мы спасали, может и американца. Хорошо бы так и

было, и нам можно будет вернуться к товарищам.

А затем с азартными криками урез холма перевалили первые хивинцы. Шесть человек разом устремились к нам и только тут они поняли, что в один миг из охотников превратились в добычу.

— Аллах! Спаси нас! — раздались крики, а на барханвыскакивали все новые и новые хивинцы.

— О, прибежище веры, пощади нас! Гяуры! Смерть! — предупредить тех, кто отстал, они не успели. Распыленные погоней, уже предчувствуя, как будут резать пленникам глотки, хивинцы взобрались на бархан, перевалили вершину и по инерции бросились вниз, прямо в наши объятья.

— Эскадрон — пли! Пли! — крикнул я, резким движением опуская саблю вниз, указывая острием на неприятеля. Мне нравилось чувство единения с людьми. Чувство, словно я дирижер, который руководит сотней послушных музыкантов. Гусары практически одновременно разрядили карабины. Запахло порохом, нас сразу же накрыло легкой дымкой пороховых газов.

Грохот, дикие крики, бьющиеся в агонии кони, пара джигитов, которым невероятно повезло остаться в живых... Одним залпом мы уничтожили больше двадцати человек.

— Сабли и пики вон! Вперёд! В атаку, гусары Смерти! — я закрутил кисть, сабля описала окружность, а затем повел эскадрон вперед, добивать тех, кому посчастливилось остаться в живых.

Несмотря на усталость, наши кони быстро одолели подъем. Гусары свешивались с седел и отвешивали небрежные удары, добивая неприятеля. На вершине позиция прояснилась, более дюжины туркменов остались в живых, просто не успев доскакать до нас. Сейчас они уже развернули коней и брызнули в разные стороны, пытаясь спасти жизни. Наверняка, со стороны это напоминало сцену охоты, когда сокол падает с небес на стаю уток, а те разлетаются во все стороны, крякая от страха.

Не давая никому уйти, эскадрон разделился. Егоров, Дворцов и Фальк возглавили отдельные отряды и устремились за неприятелем. Некоторое время я скакал, но затем крикнул Егорову, чтобы он возглавил погоню, осадил Хартума и неторопливо отправился назад. Через минуту меня догнал возбужденный Рут.

— Еще пятерых успокоили, — сообщил он. Я кивнул. Собственно говоря, схватка закончилась. Победа досталась нам легко, но хвалиться особого повода я не видел. Хивинцев было вчетверо меньше, сложностей они не доставили. Это и делом-то назвать язык не поворачивался, за подобное ордена не дают.

— Ротмистр Соколов, — я вернулся к спасенным нами людям, слез на землю и представился первым, прикоснувшись двумя пальцами к кепи. Передо мной стоял среднего роста, среднего телосложения молодой и загорелый мужчина. Борода, усы и внимательный взгляд — вот что первым делом я в нем отметил. Он производил приятное впечатление, если закрыть глаза на его шпионский статус. — Кто вы такой?

— Я американец, Януарий Мак-Гахан, корреспондент «Нью-Йорк Геральда», и я тороплюсь догнать генерала Кауфмана.

— Все верно, мы не ошиблись, — я еще раз оглядел его с ног до головы. — А где еще один американец? Вас же должно быть двое.

Мак-Гахан принялся объяснять, что его товарищ, который носил фамилию Скайлер, отправился в Ташкент. У меня будто гора с плеч свалилась при этом известии — не хватало

нам еще здесь убитых иностранцев.

Мы немного поговорили, и я попросил Рута угостить нового знакомого коньяком. Американец закашлялся, но кивнул с благодарностью. Коньяк ему помог, я по себе знал, что нет лучше средства, чтобы снять волнение и испуг.

На русском Мак-Гахан говорил превосходно, без всякого акцента.

Тем временем, гусары закончили все дела, перевязали раненых и собрали всю добычу. Из трофеев нам досталось свыше двух десятков лошадей и множество оружия — как огнестрельного, так и холодного. Правда, лошади никак не могли считаться арабскими скакунами, да и оружие не тянуло на качественный продукт американских или немецких заводов, мы все же взяли его себе. Добыча есть добыча, она всегда пригодится. А часть я пристрою в будущую коллекцию, ему там самое место.

В нескольких переметных сумках погибших туркменов нашлась вода, вино, сушеные фрукты и вяленое мясо. Остальное просто оставили — всякие халаты, шаровары и стоптанные сапоги нам без особой надобности.

Правда, не по-людски казалось оставлять погибших, но хоронить их, значило потерять целый час времени. Тем более, туркмены никогда не хоронят своих врагов. Обирают до нитки и оставляют, где лежали, на радость шакалов и стервятников. Так что мы платили им той же монетой.

Дворцов и Фальк закончили допрашивать пленников. Их отпустили, пригрозив, что в следующий раз пощады не будет. И по лицам степняков я понял, что они сделают все возможное, гадюкой изовьются, но постараются больше не попадаться на глаза гусарам Смерти. Именно такого эффекта я и добивался. Нас должны бояться. Неприятель должен проигрывать схватку еще до ее начала, лишь увидев нашу форму.

Мак-Гахан неожиданно вспомнил, что у него был слуга, какой-то мальчишка по имени Жалын. Американец буквально умолял отправиться на его поиски, и я согласился.

Похоже, судьбу Жалына беспокоила одного лишь Мак-Гахана. Его людям, Ак-Маматову и Мустрову, явно не хотелось отправляться на поиски.

Вполне ожидаемо, Жалына не нашли. Скорее всего, парень погиб. А если выжил, то должен вернуться на дорогу и отыскать место схватки, где мы оставили ему воду.

Спустя пятнадцать минут выдвинулись. Эскадрон растянулся, голосистые песенники в первых рядах затянули наш полковой гимн.

Американец вертел головой, осматривая моих гусар. Надо полагать, он кое-что о нас слышал, да к тому же прямо сейчас испытывал огромную благодарность за спасенную жизнь, о чем успел сообщить мне еще на поле наше схватки. Интересно, кем мы выступаем в его глазах? Как он нас оценивает?

На вечернем привале, когда жара спала и спиртное уже не вызывало отвращения, я, как и обещал, позволил гусарам выпить по чарке водки. На эскадрон полагалось полтора ведра спиртного, счет был давний, так сказать, освященный традицией. Именно для такого случая одна из лошадей и везла на себе пару бочонков.

Налили и американцу.

— О, водка! Благодарю! — он немного торжественно поднял серебряную стопку с арабской вязью (еще один из моих трофеев) и кивнул. — За моих спасителей, Бессмертных гусар! — после чего лихо опрокинул огненную влагу в горло.

Обратный путь ничем не запомнился. На Хал-ате находился арьергард, состоящий из казаков, двух рот 3-го Туркестанского линейного батальона и трех сотен джигитов с

верблюдами. Руководил ими подполковник Меллер-Закомельский. Помогал ему войсковой старшина Гринвальд, командующей 5-ой Семиреченской сотней.

Меллер-Закомельский окончил Старую Школу. Годом ранее, чем я, он учился в Академии ГенШтаба, служил в Лейб-гвардии Гусарском полку, затем перешел в пехоту и до нынешнего похода командовал гарнизоном Ура-Тюбе. Он был смелым и решительным человеком, успевшим и повоевать и получить ранение в голову. Мы с ним знали друг друга с Академии и неплохо ладили.

— Все же ты отыскал американца, — добродушно констатировал он, когда мы въехали в его лагерь. — Как все прошло, Михаил?

— Нормально, Саша, — я вымотался, говорить особо не хотелось. — Где Кауфман и цесаревич?

— Ушли дальше. Сейчас наверняка уже на Адам-крылгане.

— Ясно, — товарищ сообщил вполне ожидаемые новости, войско стоять на месте не будет. — А это кто? — я указал на группу богато одетых степняков в очень красивых бухарских халатах, сидевших вокруг богатого шатра.

— Бухарский посланник Иссамедин-мирахур. Он желает встретиться с Кауфманом и узнать, чем может помочь повелитель Бухары войску Белого Царя.

— Ха, испугались бухарцы.

— И не говори, — мы одновременно улыбнулись.

На самом деле, в действиях повелителя Бухары имелась определенная логика. А точнее, заурядная восточная хитрость, которую часто путали с дипломатией. Эмир Музаффар просто отправил посланника напомнить о себе и о своей верности. Так, на всякий случай, чтобы спокойней было, а то вдруг русские по какой-то причине захотят посетить Бухару.

Поужинали, поспали и выдвинулись дальше. От Хал-ата до Адам-крылгана насчитывалось семнадцать верст.

В дороге мы с Мак-Гаханом немного разговорились. Я не стал вербовать его на сторону русской разведки. По лицу видно, он человек честный и на подобное вряд ли согласится. Свою способность применять мне не хотелось, и я решил ничего не делать — тем более, американцем интересуется Кауфман. Мне нет особого смысла влезать в это дело с риском навлечь на себя неудовольствие.

В Адам-крылгане эскадрон догнал основное войско. Я сдал американца с рук на руки генералу Головачеву, проследил, чтобы его хорошо приняли, и он ни в чем не нуждался. Присоединившийся к главным силам полковник Шауфус некоторое время расспрашивал меня о том, что происходит в тылу, а так же попросил дать оценку спасенному американцу. Кто таков, как себя показал, о чем спрашивал, чем интересовался... В общем, обычная рутинная разведка.

Проснулся эскадрон по сигналу общей побудки. Быстро позавтракали и приготовились выступить. Я удивился, когда меня нашел Мак-Гахан.

— Уверен, мы с вами еще встретимся, Михаил Сергеевич, — несмотря на некоторую мою холодность, американец проникся ко мне искренней симпатией. — А пока, в знак признательности за мое спасение, примите от меня эту английскую винтовку. Она весьма надежна, смею вас заверить. И я уверен, послужит вам с пользой.

— Спасибо, — подумав, винтовку я все же принял. Видно же, американец дарит её от чистого сердца. Такой дар нельзя не принять, обидится.

— Вам спасибо! Я был бы рад еще немного повоевать с вашими гусарами, честное

слово! Хотя, какой из меня воин, — он махнул рукой, смутился и заразительно рассмеялся.

— Может, и повоюем, — я не удержался и вернул ему улыбку. Вот ведь, хоть и шпион, а обаятельный и приятный человек. На прощание я пожал Януарию руку.

И вновь нас ждала дорога, пески и жара. Очередной переход дался куда сложнее, тем более, он был почти вчетверо длиннее — до Ахты-кудука оказалось шестьдесят верст. Похоже, данный отрезок станет предпоследним, и самым тяжелым участком.

Путь не запомнился ничем, кроме усталости и жары. Пало семнадцать коней, часть гусар едва держались в седлах. Мы двигались по дороге, обгоняя верблюдов, лошадей и пехоту. Изредка встречали кого-то из товарищей, обменивались фразой другой и двигались дальше. У нас даже сил не осталось поддерживать свою репутацию лихих гусар, которым море по колено. Мы просто хотели добраться до места.

Лагерь на Ахты-кудук жил обычной походной жизнью. Горели костры, готовилась еда. Солдаты натянули палатки и брезент, пытаясь создать хоть какую-то тень, где можно укрыться. Абсолютно все — русские, местные джигиты, кони, верблюды и ишаки выглядели как вареные. Около сотни верблюдов как раз готовились выступить в сторону Адам-крылгана, неся на горбах запасы живительной влаги. Если уж конным гусарам этот путь дался тяжело, то что говорить о пеших? Вода им явно не помешает.

В лагере было спокойно, но основная проблема заключалась в том, что воды оказалось меньше, чем рассчитывали. И потому ее приходилось экономить, отмеряя утренние и вечерние порции чуть ли не по граммам. Воду берегли и раздавали по списку — полведра в день на человека и два — на лошадь.

— Мишель! Вернулся, чертяка ты мой дорогой! — первым меня встретил Некрасов. Мы обнялись, обмениваясь впечатлениями. Я быстро рассказал о своих приключениях, а он поведал, что ничего примечательного с ними не случилось.

— Вот только минувшей ночью вышло небольшое дело. Так, баловство одно, а не схватка. С нашей стороны погибло трое, все из пехоты, а мы подстрелили дюжину туркменов.

— Ладно, потом расскажешь, — решил я, перебивая друга. Голова гудела, хотелось просто напиться и уснуть, а мне еще предстояло отчитываться перед Ухтомским и Бардовским. О, Боже, как же мне надоела Средняя Азия! Как я устал от пыли, жары, пота и солнца. Как же хочется обратно, домой!

Ухтомцев выслушал мой доклад и отправил к Бардовскому. Тот так же не особо заинтересовался судьбой незнакомого американца, его интересовали лишь указания Кауфмана. Наконец, мне дали отдохнуть и я повалился в какое-то полузабытье — сном его назвать язык не поворачивался.

Ночью вновь состоялась перестрелка, но какая-то вялая, такая, что Бардовский даже тревоги не стал поднимать.

Ранним утром Александрийские гусары выдвинулись дальше, за нами шла пехота, артиллерия и ракетная команда, казаки прикрывали тыл. Начался последний переход до холмов Уч-учака. Название так и переводилось — три холма. До них было тридцать четыре версты, а с их вершин можно разглядеть узенькую полоску Амударьи.

Местность начала меняться, дорогу пересекали холмистые песчаные кряжи. Отряду приходилось то спускаться с одной гряды, то подниматься на другую.

Понятное дело, для кавалерии они особым препятствием не стали, а вот пехоте, и особенно артиллерии, приходилось тяжело. Только благодаря невероятным усилиям

простых людей пушки двигались с бархана на бархан, иной раз зарываясь в песок по ось. Люди и животные буквально валились с ног.

Офицеры делились с нижними чинами холодным чаем, вином или ромом. Ухтомский вновь отправил нас назад, и мы раздали встречной пехоте всю свою воду, запасы съестного и все вино. Никто не возражал против подобного расточительства. Здесь страдали наши товарищи, братья, а у нас душа кровью обливалась, глядя на их мучения. Правду говорят, что русский солдат — самый стойкий. Он все вынесет, особенно если подбодрить его ласковым словом.

Седьмого мая Александрийские гусары первыми добрались до Уч-учака. Три холма казались выгоревшими и безжизненными прыщами на теле пустыни. По пути мы неоднократно видели туркменов, несколько раз брались за карабины, но до серьёзной схватки дело так и не дошло. Неприятель просто сопровождал нас, держался вдали и действовал на нервы.

Ночь выдалась беспокойной. Вокруг кружили хивинцы, осмелевшие в четыре утра и решившие напасть на лагерь. Большая часть их спешила и постаралась незаметно подползти с западной и южной стороны, вырезав часовых.

Дозорные не оплошали и подняли тревогу. Генерал Бардовский скрытно направил отряд в двести человек по барханам, надеясь взять неприятеля в кольцо. Командовал ими подполковник Омельянович. Солдаты успели отойти шагов на восемьсот от лагеря, прежде чем их заметили. Началась беспорядочная стрельба. Услышав ее, Бардовский усилил выдвинувшихся двумя ротами, а затем дал сигнал гусарам Смерти.

К тому времени немного рассвело. По крайней мере, мы видели куда скакать и кого рубить. Мы откинули неприятеля, порубив два или три десятка человек на самых плохих лошадях и не сумевших от нас оторваться. Остальные отошли. Значит, рано или поздно, но мы с ними встретимся.

Первый эскадрон под командованием Костенко показал себя замечательно и захватил двух языков. Их взяла в плен моя старая разведывательная команда во главе с вахмистром Нероном Козловым по прозвищу Цезарь.

Испуганных, познакомившихся с тяжелым кулаком Цезаря, хивинцев доставили к Бардовскому. Со слов пленников выяснилось, что командует врагами Саздык-султан, и в его отряде насчитывается полторы тысячи сарбазов*, пятьсот туркменов, человек триста каракалпаков, а также шесть больших орудий и несколько малых.

О Саздык-султানে русская разведка знала. Да и те пленники, которых мы допрашивали на месте спасения Мак-Гахана, так же говорили о нем. В нашей армии его называли просто — Садык.

Садык приходился последним сыном Казахского султана. Вначале он сражался против русских за Коканд, потом за Бухару, а сейчас перешел на службу Хивинскому хану. Перешел, несмотря на то, что в его жилах текла кровь самого Чингисхана. Вот такая прихотливая судьба. Его прославленный предок заставлял дрожать всю Азию и Европу, а потомок стал обычным наемником, прислуживающим у трона Хивы и командующим небольшим отрядом, получая за это скромные подачки.

Но не Садык меня заинтересовал. Куда важнее оказалось то, что его правой рукой и помощником является некто по имени Джочи-бек.

— Ох, и злой же этот Джочи-бек, — торопливо, надеясь успеть выдать все секреты и тем заслужить пощаду, говорил один из пленников, коверкая узбекскую и русскую речь,

добавляя слова из фарси. — Чуть что не так, он саблю вон и голову с плеч! Не любят его, хоть и бояться.

«Эге, — подумал я. — А не тот ли это туркмен, что оставил мне шрам на память и едва не убил? Похоже, именно он и есть. Славно-то как выходит, вот и возможность отдать должок появилась».

Сарбазы* — пехота.

«Дело у Уч-учака», как его впоследствии назвали, закончилось быстро и не принесло особой славы.

Утром мы обнаружили, что дорогу на Амударью перекрывает порядка четырех тысяч степняков, конных и пеших. При них находились пушки.

Наш авангард располагал вдвое меньшим количеством людей, к тому же, хивинцы могли хитрить и где-то оставить засаду. Потому Бардовский осторожничал, не атаковал, приказав начать перестрелку. Вполне ожидаемо, наша артиллерия стреляла и точнее, и дальше.

Перед строем туркменов принялись гарцевать четверо богато одетых всадников, размахивая саблями и вызывая на бой. По ним стреляли, но расстояние было слишком велико, на пределе выстрела из карабина Бердана.

— Вот же храбрецы! — с некоторым восхищением заметил Егоров. — Все им нипочем.

— Снегирев! — повысил голос я.

— Здесь, вашблагородие! — сразу же раздался молодецкий голос.

— Пятьдесят рублей даю, если подстрелишь одного из джигитов.

— Разрешите спешиться? — гаркнул гусар.

— Разрешаю.

Эскадрон с интересом принялся наблюдать за действиями Архипа. Снегирь слез на землю, вытащил карабин, зарядил, заставил коня встать неподвижно и, положив оружие на седло, принялся выцеливать хивинца.

Мушка медленно двигалась за одним из них, слева-направо и обратно, а неприятель тем временем совсем страх потерял, гарцуя и что-то крича.

Раздался выстрел, один из джигитов упал. С нашей стороны раздалось громкое «ура». Правда, почти сразу степняк кое-как поднялся и, шатаясь, отступил. Его товарищи что-то кричали, махали руками и заставили коней податься назад. Урок они усвоили.

— Молодец! Деньги получишь вечером, — похвалил я Снегиря.

— Рад стараться! — Архип улыбнулся, вполне довольный.

— Вот так, ребята! Учитесь стрелять и вас отметят, — я обвел эскадрон многозначительным взглядом. Жалко, что хороших, по-настоящему хороших стрелков под моей рукой всего ничего.

Артиллерия продолжила стрелять, ей вторили ракетчики. У нас имелась ракетная команда, командовал которой штабс-капитан Гахович Владимир Игнатьевич. В Среднюю Азию он прибыл три месяца назад. Гахович имел прекрасные задатки артиллериста-ракетчика, и Военное Министерство явно направило его сюда не просто так.

В наших с цесаревичем Николаем беседах я неоднократно упоминал, что за ракетами будущее. Что с того, что сейчас они и летят плохо, и попадают один раз из десяти? Все изменится, технологию отработают и «подтянут».

Наследник мою идею не забыл. Я больше чем уверен, что перевод сюда Гаховича — его инициатива. Естественно, не напрямую, а через верных людей, в Министерстве у него такие имелись.

Ракетная команда располагала тремя станками. Они представляли собой треногу, на которой укреплялась полая стальная труба, служившая направляющей для ракеты. Ее можно

было наклонять или поднимать, а также крутить вокруг оси. Необходимое положение фиксировали специальные штифты. Имелись конструкции с четырьмя, и более «стволами», но пытаясь улучшить точность от них временно отказались.

Один станок позволял выпускать до трех ракет в минуту, но «частить» командование запретило особым приказом — это были достаточно дорогие игрушки. Ракеты летели красиво, с каким-то необычным воющим звуком, и попадали куда угодно, но только не туда, куда их направляли.

— Цельтесь лучше, ребятаки! — возбуждённый Владимир Игнатьевич ругался на команду и скрипел от злости зубами. — Я вас в порошок сотру, сволочи! Что ж вы меня перед генералом контузите?!

То ли его угроза подействовала, то ли удача наконец-то повернулась к ракетчикам передом, а не афедроном, но одна из ракет угодила прямо в гущу сарбазов, вызвав немалый переполох. К тому же и боги войны не сидели без дела. Правда, пока их так никто не называл. Артиллеристы спокойно и методично делали свою работу, при этом поглядывая на ракетчиков с отчетливым превосходством и за серьезных людей их не считали.

Во всяком случае, именно ракета стала последней точкой, после которой неприятель стал организованно отступать.

Гусары и казаки рвались отправиться в преследование, но мы легко могли попасть в ловушку и Бардовский приказал оставаться на месте. Возможно, тот же Головачев решил бы иначе, но вышло, как вышло. Генерал осторожничал, ожидая основные силы, хотя Ухтомский несколько раз предлагал ему выдвигаться вперед.

Неприятель отошел, освободив дорогу. А я мог бы поклясться, что среди богато одетых хивинцев видел в подозрную трубу Джочи-бека. Встреча наша откладывалась, а «дело у Уч-учака» на этом закончилось.

Главные силы начали прибывать на Уч-учак к вечеру, а же утром мы с радостью встречали цесаревича и Кауфмана. Крики «ура» звучали так, словно русские уже захватили Хиву. С прибывшими находился и Мак-Гахан, успевший неплохо освоиться и завязавший достаточно неплохие отношения с генералом Головачевым. Во всяком случае, тот его привечал.

День прошел спокойно, Кауфман и цесаревич провели совет, собрав генералов и полковников.

Выступили вечером. В шесть часов утра 10 мая Бессмертные гусары первыми омыли копыта своих коней в мутных водах Амударьи. Все, переход через безжалостные и безжизненные Каракумы закончился! Мы преодолели основные трудности. Теперь будет легче. Сражаться предстоит не с природой, которую не одолеть, а с обычными людьми.

Вышли к реке мы вовремя. Запасы сухарей, солонины и джугура в войсках практически закончились. Еще немного, и начнется чувствоваться нехватка провианта. Но невзгоды остались позади, в богатой речной долине есть все, что душа пожелает.

Около пяти сотен туркменов виднелось ниже по реке. На другую сторону пытались переправиться несколько местных каюков — больших и прочных лодок, достигающих в длину семи сажень*, имеющих подобие паруса и способных поднять до 700 пудов.

Три каюка благополучно достигли противоположного берега, а четвертый попал на мель. Ухтомский приказал лучшим стрелкам «развлечь» хивинцев. Гусары произвели меньше сотни выстрелов, в кого-то попали. Степнякам подобного хватило за глаза, они попрыгали в воду и поплыли на левый берег.

Следом за нами к Амударье подходили все новые и новые роты. Крики «ура» раздавались непрестанно. Люди радовались воде, как никогда ранее. Всеобщее ликование охватило войско. Кауфман сиял счастливой, столь редкой в последнее время улыбкой. Улыбался даже цесаревич Николай.

Состоялся торжественный молебен, который провел протоирей Малов. Все войско, от рядового до командующего, благодарили Бога за благополучный и счастливый выход к Амударье.

Зачитали приказ Кауфмана, в котором тот выразил полное свое удовлетворение войском и проявленной им стойкостью. Несколько человек отметили особо. В их число входил Бардовский, Головачев, начальник штаба Троицкий, командующий артиллерией Жаринов, предоставивший верные сведения полковник Шауфус, инженер-полковник Шлейфер, главный отрядный врач статский советник Суворов, главный интендант Касьянов, великий князь Николай и герцог Романовский, а также наш князь Ухтомский.

Тут же был отправлен нарочный с охраной в Ташкент, с радостной и долгожданной вестью, что войско добралось до Амударьи. Телеграф уже построили, так что донесение из Ташкента достигнет столицы быстро.

Свободные от службы люди бросились в реку купаться и мыться. Радостный крик, смех и шутки звучали повсеместно. Играл оркестр, входивший в состав 3-го стрелкового батальона.

— А что, ребятки, не найдется ли среди вас охотников пригнать ко мне вон тот каюк? — Кауфман прищурился, указывая на лодку, застрявшую на мели.

Охотники нашлись. На вызов явились уральские казаки во главе с прапорщиком Каменецким. Каюк находился в трестах саженьях от берега. К тому же дул сильный ветер, поднявший большую волну, да и течение было быстрым.

Уральцы быстро разделись до исподнего и бесстрашно поплыли. Казалось бы, в чем сложность проплыть триста саженьей, а затем снять каюк с мели? Вроде ничего невыполнимого в таком деле нет, но мы знали, что в Аму водятся сомы, которые могут спокойно проглотить человека. Да и волны сильно мешали пловцам.

Уральцы добрались до цели благополучно. Весь берег наблюдал, как провозившись минут тридцать, они смогли справиться с лодкой, сняли ее с мели и направили к нам. Офицеры хохотали в голос, видя, как Каменецкий накинуд на плечи трофейный хивинский халат и растопырился, пытаясь изобразить собой и мачту, и парус.

Кауфман лично поблагодарил казаков, приказал выдать им «для согрева» по чарки водки, а заодно подарил сто рублей на всю команду. В каюке нашлось две коровы, несколько баранов, запас лепешек, риса, две шашки, три халата и прочее. Всё это разрешено было оставить, как военную добычу, удальцам-уральцам. Кауфман нуждался в прочной лодке для переправы, и он ее получил.

День прошел спокойно. Жара достигла сорока пяти градусов, но все, кто должен был заниматься своими непосредственными делами, продолжали трудиться.

Военные топографы полковника Жилинского выставили рейки и принялись картографировать местность. Дозорные отряды казаков рассыпались во все стороны. Командовал ими подполковник барон Аминов.

Кроме Шауфуса из разведчиков при войске находились Терентьев и Костенко. Они практически ежедневно отправлялись в рекогносцировку, обеспечивая войско свежими данными.

Согласно нашим сообщениям, которые подтверждали перебежчики и пленники, Садык и его отряд отошли вниз по течению реки к городу Шурухану. Гусары Смерти выдвинулись следом, добравшись до небольшой деревеньки Ичк-яр, где и встали на отдых.

Настроение у всех было великолепное, праздничное. Его решили «закрепить» ухой из свежей рыбы, жареным барашком, горячими местными лепешками, изумительными дынями и, конечно же, вином.

— Сомневаюсь, что в мире найдется много армий, способных выдержать подобный переход по Каракумам, — поделился Седов.

— Кауфман любит солдат, вот они и делают то, что другие делать не в силах, — заметил Тельнов.

— Точно! Знаете, что мне вспомнилось, товарищи? — я обвел взглядом знакомые лица, с которыми было пройдено тысячи верст. — Суворов любил своих солдат, и потому спал с ними.

— А-ха-ха! — первым рассмеялся Некрасов. Вино попало ему не в то горло, и друи принялся давиться, вытирая слезы. Громогласный смех раскатился по округе. Смеялись все. Шутка явно удалась.

Первоначальный план заключался в том, чтобы добраться до Шурухана и форсировать реку в районе Ханки. Тем более, Садык отступил именно к городу. Преследуя его, мы не давали врагу возможности прийти в себя и перегруппироваться.

Но затем Кауфман передумал. Топографы и разведчики подсказали более подходящее место для переправы — урочище Тюнуклю. На противоположном берегу находился Шейх-арык, рядом с которым располагался весьма удобный плацдарм для высадки войск, с которого можно выдвигаться на Хазарасп и Хиву. Инициатором изменений стал начальник штаба генерал Троцкий.

Кауфман и цесаревич добрались до Тюнуклю 15 мая. Осмотрев место, командующий признал его удобность и изменил первоначальный план, приказав готовиться к переправе.

Около сотни человек принялись собирать понтоны. При подготовке экспедиции Кауфман показал себя и как грамотный военный инженер. Именно по его чертежам еще с 1871 г. на Волге и верфи Аральской флотилии в Казалинске строились железные понтоны. Один понтон составлялся из четырех ящичков, свинчивающихся винтами. Каждый ящик весил примерно восемь пудов, а его сборка занимала два часа. Паром, собранный из понтонов, поднимал 2 орудия и 16 человек. Понтоны, предназначенные для переправы через широкую Амударью, прозвали «кауфманками». В походе ящики от них служили емкостями для водопоя верблюдов, лошадей и взятого на мясо, так называемого порционного скота. Напившись из кауфманок, верблюды несли их на себе дальше.

Целые сутки армия готовилась, в то время как вдоль реки подходили все новые и новые силы. Вместе с великим князем Николаем до нас наконец-то добрался шестой резервный эскадрон. Теперь Александрийские гусары были практически в полном составе.

В подзорную трубу виднелся небольшой земляной форт на противоположном берегу. Из него по нам постреливали, но вяло, без особого энтузиазма, используя фальконеты и какие-то древние пушки. С нашей стороны артиллерия работала куда деловитей, окончательно подавив врага через три часа.

Началась переправа. Войска использовали «кауфманки» и каюки, тот, что уральцы сняли с мели и еще четыре, которые отбили у неприятеля за время движения вдоль Аму.

Согласно данным, Садык, Джочи-бек и приданные им воины уже переправились у

Шурухана, отдав весь правый берег до Арала включительно. Но враг наверняка захочет еще раз попытаться остановить нас. Во время переправы, когда река разделит русское войско, подобное выглядело вполне естественно.

Как только Садык покинул Шурухан, из города прибыло внушительное посольство, состоящее из сановников, купцов и имамов. Они беспрестанно кланялись и уверяли в своей верности, прося не грабить город.

Не обошлось и без обычной хитрости. Выражая покорность, они не преминули заметить, что «мы станем курицами того, чье просо быстрее созреет».

— Если вы пришлете мне пятьдесят коров, сто баранов, свежие лепешки и фрукты, мое просо созреет быстро, — сдерживая улыбку, ответил им Кауфман. — Тогда я пощажу Шурухан и не стану отдавать его на разграбление своим воинам.

К вечеру через Аму удалось переправить шесть рот и пять пушек. Они заняли покинутый неприятелем форт, командование над которым принял генерал Бардовский.

Пехота неплохо устроилась в форте. Позиция выглядела сильной, спину и фланги отряда прикрывала вода, а спереди находились цветущие сады и селения. Сады эти, как потом выяснилось, начинались от Шейх-арыка и непрерывно тянулись до самой Хивы, временами образуя широкие поляны. Среди них тут и там стояли деревни и усадьбы богатой знати.

Под вечер усилилось течение, начала прибывать вода.

— Не знаю, что случилось в верховьях, но все указывает на то, что Господь Бог открыл шлюзы, — заметил князь Ухтомский. — Меняем стоянку, господа, отходим от берега.

В лагере сыграли тревогу. Темнота и шум воды добавляли нервозности, солдаты бестолково суетились, о чем позже Кауфман не преминул высказать неудовольствие. Люди ломали голову, почему так произошло, и почему за несколько часов уровень воды поднялся на два аршина*. Река сделалась шире, течение усилилось, а каюки и лодки начало сносить еще на одну версту ниже по течению.

Утром Кауфман решил послать в Шурухан Александрийских гусар.

Ничего необычного маневр нам не принес. За несколько часов мы добрались до города и разбили временный бивак в окрестностях.

Шурухан оказался и не городом вовсе, а скорее большим селом, с базаром, медресе и мечетью. Местные жители, узбеки и киргизы, смотрели на нас, открыв рты, с изумлением и страхом. Испугались нас так сильно, что отправили Кауфману вдвое больше из того, что тот потребовал.

Правда, совсем уж бесполезным наш рейд не оказался. В Шурухане к нам прискакала 1-ая Уральская сотня под командованием моего старого друга есаула Гуляева.

— Откуда ты здесь, Саша? — спросил я его, после того, как он представился Ухтомскому. Изумлению моему не было предела. Встретить в Шурухане уральских казаков — это нечто.

— Меня отправил генерал Вережкин. Пароход переправил нас на правый берег Аму. Поначалу мы двигались песками, опасаясь неприятеля и забирая к северу. Но когда берег очистился, погнали коней в Шурухан напрямую. У меня новости для генерал-губернатора.

— Ясно, — я оглядел невысокую, коренастую и полную сил фигуру друга. — И что за новости, если не секрет?

— Какой секрет, если о них все знают? — он засмеялся. — Оренбургский и Мангальшский отряды соединились под Кунградом. Мы взяли город, выдвинулись к Ходжейли, захватили его и теперь генерал Вережкин нацелился на Мангыт. А оттуда и до

Хивы рукой подать.

— Донимают вас туркмены?

— Не то слово! Но мы их раз за разом отбрасываем.

Ситуация прояснилась. Отряд генерала Веревкина вышел из Оренбурга, прошел степями, песками и западным берегом Арала внушительное расстояние и, соединившись с посланными из форта Александровского силами полковника Ломакина, напал на Хиву с севера.

— Кауфман обрадуется таким вестям, — заметил я. — А как там Михаил Скобелев?

— Прекрасно! Получил подполковника и командует авангардом в отряде Ломакина.

— Ничего себе! Молодец! — порадовался я за Мишу. Относительно недавно, в рейде на Сарыкамьш он был, как и я, штабс-ротмистром. А ныне уже подполковник! Быстро же друг продвинулся в чинах.

Уральцы устали, но путь продолжить смогли. Через час мы покинули Шурухан, а еще через три добрались до Тюнуклю.

За время нашего отсутствия наследник, Кауфман, великий князь Николай и герцог Романовский успели переправиться на левый берег, но по воде продолжали скользить каюки и «кауфманки», перевозившие людей и коней. С верховьев реки, со стороны Уч-Учака продолжали подходить растянувшиеся отряды.

Для Гуляева мигом нашлась лодка, и он отправился к командиру с докладом. Мы же остались на берегу еще на одну ночь и только затем начали переправу.

Проходила она без нервов и неприятностей. Кауфман действовал в своей обычной манере — спокойно, без спешки. Он не собирался наступать, пока на левый берег не переправится большая часть войска, так что нас никто не торопил.

Повозиться с нами и с нашими лошадьми, конечно, пришлось. Но уже под вечер гусары Смерти в количестве пяти эскадронов разбили лагерь недалеко от Шейх-арыка.

Теперь, достигнув обжитых земель и не испытывая нужды в воде, войско вновь двигалось днем, а ночью спало, как и положено всем порядочным людям.

Утром, проезжая лагерь, я встретил Мак-Гахана и пригласил его на завтрак. Он с удовольствием принял мое приглашение.

Завтрак состоял из холодного вареного мяса, копченого цыпленка, коробки сардинок и бутылки водки, расставленных на белой скатерти, разостланной на зеленой траве.

В эскадроне к американцу относились дружелюбно. Рут и Фальк угощали гостя, предлагая не стесняться и чувствовать себя, как дома.

— Жаль, мне нельзя отправиться с вами, — признался он, когда мы допили бутылку.

— А вы попросите у генерала Головачева, может он вам и разрешит, — посоветовал ему Егоров.

— Вы думаете? Интересно, так я и сделаю, — призадумавшись, решил американец. К нам всем он относился одинаково ровно, с искренней симпатией, но я видел, что меня Мак-Гахан отмечает особо, похоже, испытывая искреннюю симпатию. Глядя на его открытое честное лицо, я и сам немного «оттаял». Может, он и не шпион вовсе, а обычный корреспондент.

Как бы там не было, в путь мы пока отправились без Мак-Гахана.

Александрийские гусары снова двигались в авангарде. Места казались изумительными! Дорога шла деревнями и садами. Дома хивинцев были низкими, с маленькими окошками и плоскими крышами, на которых хозяева спали с ранней весны и до осени. Их окружали

высокие заборы, сложенные из глины. Практически в каждом дворике имелся небольшой бассейн, обложенный камнями или плиткой, который затеняли карагачи и тополя. И в каждом доме имелась темная комната для разведения туговых шелкопрядов. Шелк являлся одним из основных товаров Хивы, и никто не упускал возможности на нем зарабатывать.

Сады утопали в зелени. Чего здесь только не росло! Летали пчелы, а воздух казался медовым от многочисленных ароматов. Левый берег Аму выглядел ухоженным и благоухающим райским оазисом, особенно на контрасте с песками Каракумов, которые мы пока еще не успели забыть.

Здесь, в этих прекрасных садах, нас и попытались остановить. Неприятель устроил парочку засад, а один раз на нас вылетели туркмены под предводительством Джочи-бека.

Впрочем, особых неприятностей все эти «осиные укусы», как выразился князь Ухтомский, нам не доставили. В первом эскадроне погиб гусар Алексей Кривоухов, двое оказались сильно ранены и около дюжины слегка пострадали. Мы же не только сумели отогнать неприятеля, но и срубить более сотни горячих джигитов.

Население Хорезма не выглядело однородным. Его общая численность по первоначальным прикидкам едва ли достигала шестисот тысяч человек. Наибольшими привилегиями пользовалась узбекская знать. Хан и его семья как раз к ним и относились. В Хиве так же проживали киргизы и кара-калпаки, но прав у них было меньше. Самым воинственным народом считались туркмены. Именно они на нас и нападали. И если бы вся Хива действовала схожим образом, то легкой прогулки нам бы не видать.

Так же в Хиве проживало множество рабов, большую часть которых представляли персы. Среди них имелись и русские. Когда мы их освобождали, они не могли поверить своему счастью, плача и смеясь от радости.

Мы еще не достигли столицы, а через наши руки уже прошло четыреста русских пленников. Некоторые из них служили рабами по двадцать, и более лет, забыли родную речь, а о свободе и мечтать перестали.

В деревнях нас встречали с поклонами и заверениями в дружбе. Кроме туркмен, воевать никто не хотел, но на освобождаемых рабов смотрели недобро, зло, словно на предателей.

Дорогу от Шейх-арыка до Хазараспа, второго по численности города Хорезма, пересекали семь арыков. Арыки были широкими, по двадцать и более саженей. Переходили через них с помощью мостов. Никто даже не подумал разрушить эти мосты!

Сделай так хивинцы, прояви они больше отваги и желания отстоять свою страну, и мы бы умылись кровью. На арыках можно было организовать прекрасную оборону. Но хивинцы своим шансом не воспользовались.

Люди просто провожали нас тревожными взглядами, не зная, чего ожидать от чужаков. От Шейх-арыка до Хазараспа насчитывалось семнадцать верст. Мы прошли это расстояние за день, успев занять Янги-базар, небольшой торговый пост с двумя караван-сараями. Несколько раз начинались короткие перестрелки.

Хазарасп представлял собой город, который защищала одноименная крепость. Она стояла на острове, который со всех сторон окружало озеро. Дорога на Хиву шла через остров и крепость. Нам пришлось бы попотеть, прежде чем взять это укрепление.

Но и тут мы не встретили сопротивления. Город сдал его губернатор и дядя хана Сеид Эмир Уль Умар, семидесятилетний старик с отвисшей нижней челюстью и открытым ртом — судя по всему, большого любителя гашиша. Он был одет в яркий зеленый халат, высокую баранью шапку и сапоги с загнутыми носками и узкими каблуками.

— Мы не воюем с прославленными Кара Улюм, — с поклоном сообщил он генералу Бардовскому. — И отдаем себя в руки воинов Белого Царя.

— Мы не возьмем ваши жизни и не станем забирать ваше имущество, если вы будете вести себя мирно и спокойно, — заверил его Бардовский, не обращая внимания, что его отнесли к числу гусар.

— Таково наше желание, — удовлетворенно заметил Уль Умар.

Крепость на озере оказалась куда красивее издалека, чем изнутри. Везде была пыль и грязь, кругом валялись подушки, одеяла, посуда, мебель и раскрытые сундуки. Похоже, из крепости успели вывести все самое ценное.

Ночь прошла спокойно. Днем к нам начали подходить пехотные роты. Открылся базар — неперемнная часть восточной культуры. Гусары и казаки вели себя не как завоеватели, а как гости, ничего не забирали силой, и местные жители моментально почувствовали возможность заработать.

Войску не помешали бы дополнительные припасы, да и поизносились мы, но жадность местных превысила все мыслимые пределы. Так нельзя!

Я вызвал Снегиря и еще десяток гусар и отдал им конкретный приказ — потолкаться в рядах и распространить слух, что русские хотят предать город огню и забрать у жителей их имущество.

Я и сам не ожидал, что эффект окажется настолько ошеломляющим. Слух распространился по рядам мгновенно, подобно лесному пожару. Купцы торопливо закрывали лавочки и сворачивали торговлю, ожидая самого страшного.

Похоже, ночью они совещались, решая, что делать. А утром базар вновь открылся, но цены упали в десять раз — предполагая, что их неизбежно ограбят, купцы попытались сбросить товар, выручив за него хоть что-то.

— Давно бы так! — удовлетворенно заметил Рут, когда мы отправились прогуляться по рядам. Местный базар не мог и близко сравниться с Бухарским или Самаркандским, но здесь было практически все то же, пусть и в меньших объёмах.

Цены казались смешными, купцы вели себя как овечки, чуть ли не задаром всовывая в руки свои товары — все же перепугались они не на шутку.

Мы закупили для эскадрона все необходимое — клевер, овес, джугур, солонину, свежие лепешки, баранов, дыни и виноград. Люди заслужили возможность отдохнуть и хорошо поесть.

Снегирю я купил новые сапоги из прекрасной кожи и отрез ткани для матери. И себя не оставил без подарков — пять изумительных шелковых шалей, столько же хивинских халатов, которые, хоть и уступали по красоте бухарским, все же были хороши, и что самое важное — прекрасный набор китайского фарфора, состоящий из двух чайников, пиал и тарелок. Еще купил серебряный кальян, два ковра и четыре кинжала — всё знаменитой хорасанской* работы. И конечно, большой резной сундук для хранения и транспортировки всего этого великолепия.

— Да, Мишель, разошелся ты от души! — рассмеялся Некрасов, глядя на груды вещей. Хотя, он и сам не отказал себе в возможности купить парочку подарков, чтобы порадовать родных.

Утром следующего дня Бессмертные гусары выдвинулись дальше. До Хивы оставалось шестьдесят две версты.

Сажень* — 2.16 метра.

Пуд*— 16 кг.

Аршин* — 71 сантиметр.

Хорасан — область в Восточном Иране, славилась коврами и холодным оружием.

Продвигаясь к Хиве, гусары Смерти несколько раз вступали в скоротечные схватки, потеряв двоих убитыми и шестерых ранеными.

Хан Хивы вел себя с обычной восточной хитростью и не оставлял Кауфмана без известий о своей особе. Он прислал четыре письма. В первом выражал свое полнейшее удивление по поводу внезапного нашествия русских. Во втором и третьем обещал нас простить, если мы немедленно уберемся подобру-поздорову с его земли, а в последнем грозил страшной смертью.

Кажется, цесаревич Николай, не знакомый с восточным менталитетом, воспринял письма всерьез. Хорошо, что Кауфман объяснил ему, что цель этих писем всего лишь потянуть время, прощупать противника и особой значимости они не имеют.

20 мая авангард Бардовского достиг стен Хивы, встал с востока, на холме напротив Невольничьих ворот и слово взяли пушки. Через четыре часа с севера подошел отряд генерала Веревкина и принялся стрелять по северным воротам, носящих название Хазаватских. Одновременный выход к одной точке двух отрядов не являлся случайностью. Напротив, Кауфман и Веревкин приложили немало сил, чтобы так все и вышло.

С высоты холма столица Хорезма казалась большой, но не особо живописной. Серые или коричневые постройки, выжженная на солнце земля, постоянная пыль и грязь не добавляли Хиве красоты. Город опоясывали высокие зубчатые стены с контрфорсами. Ров перед ними высох полностью, и только в нескольких местах маслянисто поблескивала грязная вода.

Тут и там за стенами поднимались верхушки деревьев. Особое внимание привлекал ханская крепость Куня-Арк и Кальта-минар, так называемый «короткий минарет». Он представлял собой конструкцию, похожую на сужающийся кверху стакан, высотой около 15 сажень. Солнце играло всеми красками на его удивительных изразцах синего, голубого, зеленого, белого, пурпурного и бурого цветов.

Поначалу хивинцы были настроены решительно и явно хотели дать нам бой.

— Славно! Наконец-то нас ждет добрая драка! — заметил Тельнов, выражая общее мнение. Большая часть войска желала генерального сражения. И хотя, скорее всего, гусары непосредственного участия в штурме стен принимать не будут, нам никто не мешал патрулировать окрестности и ждать своего шанса. Плохо только, что город большой, а нас мало, и у нас физически не получится охватить его со всех сторон.

Стрельба продолжалась больше пяти часов. За это время мы успели перекусить, отдохнуть и вновь забраться в седла.

От Веревкина прискакал гонец с сообщением, что Хазаватские ворота пока держатся, сам генерал получил ранение, и командование принял полковник Саранчев.

Приближался вечер. Ответный огонь хивинцев постепенно слабел. Было видно, что их первоначальный воинственный настрой сильно поколебался. На стенах в основном оставались туркмены. Мы различали их по одежде и той свирепой ярости, с которой они сражались — эти сдаваться явно не собирались.

Грохот стоял оглушительный. Пушки стреляли прямой наводкой, пороховые облака временами закрывали всю видимость. От крепостных стен и ворот во все стороны разлетались куски кирпичей и камней — артиллеристы взялись за дело серьезно. Да и

ракетная команда действовала с немалым энтузиазмом. По приказу Гаховича на станках приподняли направляющие и теперь ракеты перелетали стены и взрывались где-то среди домов и улиц — промахнуться мимо такой цели, как огромный город, у них уже не получалось. Ракетчики почувствовали свой звездный час, а их оружие начало приносить ощутимую пользу, производя серьезные разрушения. Но еще большим оказался психологический эффект — хивинцы воспринимали ракеты как нечто пугающее и страшное, то, что «от шайтана».

Так продолжалось больше часа, до самого заката. Командование не собиралось останавливаться и ночью, тем более, пушки и ракетницы пристрелялись, и им ничего не мешало вести огонь и дальше.

Струсивший хан прислал пятое письмо, в котором выражал свою покорность, готовность сдаться на каких угодно условиях и поручал себя великодушию наследнику Белого Царя и Ярым-паши.

Кауфман ответил, что согласен прекратить стрельбу, если завтра утром хан покинет город и сдастся. Огонь начал стихать, Кауфман отправил гонца к Саранчеву, чтобы и там взяли паузу.

Но туркмены на стенах сдаваться не хотели. И плевать им было, что там хан написал. Они воспользовались передышкой, немного прикрыли бреши в стенах, подтащили оставшиеся пушки и вновь открыли огонь. Один из выстрелов ранил нескольких человек, а одного убил. Подобное не на шутку рассердило Кауфмана, он отдал приказ, и наша артиллерия вновь взялась за дело.

Стрельба затихла ближе к полуночи, когда на небе сияли звезды. Затихла потому, что ответного огня мы уже давно не слышали. Если на стенах и остались обороняющиеся, то себя они больше никак не обозначали.

Ночью не случилось ничего особого, если не считать того, что хан в сопровождении отборного отряда туркменов сумел вырваться из города, смял и отбросил сотню казаков, пытавшихся его остановить, и ускакал куда-то на запад.

Ранним утром, едва поднялось солнце, то, что осталось от створок Невольничьих ворот, распахнулось. Из города хлынула внушительная безоружная толпа. Впереди находились богато одетые муллы, улемы, кази, мударрисы* и купцы. Возглавляли их два ханских сановника, диван-беги* Якуб-бек и Хаким. Позади находилось более тысячи горожан, ремесленников, чайханщиков, дервишей, водоносов, пекарей, бродяг и прочего люда.

К ногам цесаревича и Кауфмана складывали многочисленные подношения — оружие, седла, ковры, сундуки, посуду, медные кумганы, кувшины, дорогую одежду и еду.

— Мы жаждем мира и отдаем свои жизни на милость Ярым-паши, — с низким поклоном сказал Якуб-беги, а Хаким закивал в знак согласия.

Следом Хаким сообщил, что поначалу Хива хотела сражаться, но затем, поняв, что победы им не видать, покорилась, а хан сбежал в небольшую крепость Имукчир. Женщинам и рабам своим хан приказал следовать за собой, но народ возмутился и никого не отпустил.

— Теперь весь ханский гарем принадлежит тебе, доблестный Ярым-паша! — с поклоном закончил диван-беги.

— Надо полагать, степняк всерьез думает, что осчастливил Кауфмана подобным предложением, — я обернулся к Егорову.

— Ну-с, а как иначе? Азия, что с них взять? — откликнулся товарищ.

Через час первые пехотные роты начали втягиваться в город. Следом за ними вошел

штаб войска с цесаревичем, Кауфманом и генералами, а затем и гусары. Оренбургский отряд вступил в Хиву через Хазаватские врата.

Невольничьи ворота сильно пострадали минувшей ночью, но все еще представляли собой серьезное укрепление, которое по бокам поддерживали две тяжелые башни с бойницами. Внутри вел проход в пять саженой шириной и вдвое больше по высоте. Кругом валялись куски кирпичей, различный мусор и несколько мертвых тел, которые никто и не думал убирать.

В город мы вошли в таком густом облаке пыли, что я плохо видел круп находящейся впереди лошади. Знамена казались разноцветными пятнами, а бравые звуки оркестра, играющие «Боже, Царя храни» почему-то добавляли картине какую-то нотку нереальности.

За воротами нас встретил типичный азиатский город — большая открытая площадь с дюжиной деревьев, глиняными домами, лавками и сараями. Здесь же начиналось несколько улочек. Справа виднелось множество полусферических круглых кладбищенских гробниц. Чуть дальше поднимались стены и заборы богатых домов и верхушки минаретов.

Огромная толпа жалась к стенам. Преимущественно она состояла из бедняков, грязных и плохо одетых. Люди снимали тюбетейки и шапки, робко отвешивая нам поклоны. Страх и покорное ожидание самого худшего отчетливо проявлялось на их простых лицах.

Многочисленные рабы встретили нас ликующими криками. Персы вели себя более сдержанно, а вот русские буквально бросались под ноги и копыта коней.

— Братушки! Пришли! Выручили! Спасибо вам, не забыли! — слышалось со всех сторон. Люди смеялись и рыдали. Я не знал что делать, когда какая-то женщина прижалась к Хартуму и, поймав мою руку, поцеловала. До какого же отчаяния надо дойти, чтобы так нас встречать! Я дал ей десять рублей, а она осенила меня крестным знаменем. Прочие офицеры так же делились с несчастными всем, что у них имелось.

Узкая извилистая улочка привела нас к еще одной площади, на которой находился ханский дворец Куня-Арк с мощными стенами и башнями. Слева располагалась строящаяся медресе*. У юго-восточного угла дворца возвышалась разноцветная Кальта-минар, знаменитая хивинская башня.

Кауфман и цесаревич прошли внутрь дворца. Спешившись, офицеры проследовали следом, миновав внушительную медную пушку на высоких колесах.

— Михаил Сергеевич! — меня тронули за руку. Обернувшись, я увидел Шауфуса. — Возьмите два десятка людей, для нас имеется работа.

— Георгий, бери разведкоманду и за мной, — приказал я Руту. — Егор, принимай командование эскадроном.

Вместе с Шауфусом мы прошли ворота и сразу же свернули направо, оставив слева ханскую конюшню. Похоже, я знал, куда нас ведет Шауфус. В руках у разведчика находился план Хивы и он, поглядывая на него, шел достаточно уверенно.

Зиндан нашелся в глубине дворца. Он представлял собой приземистое сооружение с тяжелой дверью и узкими, забранными решетками, окнами. Обитые металлическими полосками двери были закрыты.

— Выбить дверь! — приказал я, перехватив взгляд Шауфуса. Гусары переглянулись, не зная, с чего начинать. Ефрейтор Карнаухов ударил дверь прикладом карабина, проверяя ее на прочность.

— Отставить портить оружие! — негромко бросил Шауфус. — Надо найти местного тюремщика и забрать у него ключи.

Гусары разошлись по сторонам. Мы с Шауфусом и Руттом прошлись, осматривая зиндан. Судя по его расположению и размеру, основные камеры находились под землей. Здесь наверняка содержались лишь самые важные, нужные хану пленники. Для бедноты существовала какая-нибудь земляная тюрьма на окраине города.

— Мы же за Ата Джаном сюда пришли? — поинтересовался я.

— Именно, — откликнулся Шауфус. — Надо освободить его и представить Кауфману. Он станет нашим козырем.

Поначалу гусары отыскивали какое-то взъерошенное, толстое и богато одетое существо с тонким голоском, в котором с трудом угадывался мужчина. Как оказалось, это был один из евнухов ханского гарема. В ходе короткого допроса он сообразил, что убивать его не собираются, заулыбался и клятвенно заверил, что поможет найти тюремного смотрителя.

Гусары ушли и вернулись минут через пять, ведя очередного хивинца — чрезвычайно тучного, с черной бородой, лежащими на плечах щеками и глазами навывкате, имевшего вид свирепый, туповатый, а вместе с тем и испуганный. Одет он был в рубаху, распахнутый халат, шаровары с широким поясом и мягкие туфли без задника.

— Кто ты? — на фарси спросил Шауфус.

— Зиндан-беги Гуванч, доблестный воин Белого Царя. Я сам сдался, в моем сердце нет к вам зла. Прошу меня пощадить! — он повалился на колени и попытался облобызать сапог Шауфуса.

— Открывай зиндан, — последовал приказ полковника. — Ханский брат Ата Джан здесь?

— Да, он тут, блистательный бек.

Гуванч достал связку ключей, провернул один замок, затем второй и третий. Дверь заскрипела и открылась, изнутри на нас повеяло тяжелым запахом немых тел, нечистот и сырости.

— Веди царевича сюда, — потребовал Шауфус. Как и мне, внутрь зиндана заходить полковнику точно не хотелось. — А по остальным пленникам сегодня же составь список, с именами и титулами.

— Будет исполнено, — поклонился Гуванч, скрываясь в глубине тюрьмы.

Ата Джан оказался высоким молодым человеком с хитрым лицом и бледной кожей. Он моргал глазами, пытаясь привыкнуть к яркому свету.

— Вы младший ханский брат? — поинтересовался Шауфус.

— Да, — он исподлобья оглядел нас, не зная, чего ожидать.

— Хива пала и сдалась, хан бежал из города. Вам надо помыться и переодеться. После чего я представлю вас генерал-губернатору Кауфману и наследнику.

— Они знают обо мне? — удивился тот.

— Знают, — ответил я. — И мы знаем. Вы получили весточку от некоего купца?

— Получил, — по лицу Ата Джана скользнула улыбка. — Так это вы его послали?

— Да, он мой человек. Я рад, что мы с вами познакомились, — я протянул руку, и царевич ее пожал. Гуванч слушал нас, приоткрыв рот и ловя каждое слово. — И о тебе мы не забыли, — добавил я, перехватив взгляд тюремщика.

— Я рад служить непобедимым воинам Белого Царя, — заверил Гуванч, прижимая руки к пухлой груди.

Шауфус дождался, пока царевич умоется и переоденется в одной из комнат, после чего повел его к Кауфману. Тот занял центральный двор и пил чай в окружении цесаревича,

великого князя, герцога Романовского и генералов. Около сотни человек, в основном офицеров, окружали их со всех сторон, наблюдая и одновременно присматривая, чтобы не произошло ничего непредвиденного.

— Миша! Мишаня! — на меня неожиданно налетели и сгребли в объятия. Это был улыбающийся Скобелев. Он несколько раз потрянул меня за плечи, заглянул в глаза и засмеялся. — Ну, что, со встречей!

— Со встречей! — я обнял друга. — Так и знал, что с тобой ничего не случится.

— А со мной ничего не случится до самой смерти, — заверил он меня.

Мы отошли в сторонку. Никто из нас радости не скрывал. Быстро обменялись последними новостями — как наши отряды добрались до Хивы, что видели и как прошел штурм города.

— Поздравляю с подполковником, — заметил я, когда первоначальное возбуждение немного улеглось. — Быстро ты взлетел!

— Быстро! Но что-то мне подсказывает, что и ты взлетишь быстро. Ты же Сокол!

— Посмотрим, посмотрим... Как складываются отношения с моей сестрой?

— Все хорошо, она чудесная девушка! Я уже познакомился с вашими родителями. Вот закончим с местными делами, возьму отпуск и отправляюсь в Москву, будем венчаться, согласие я уже получил. Приглашаю!

— Спасибо, хотя меня, вообще-то, и Полина может пригласить, — мы посмеялись. — Давай ка вот что сделаем — сыграем две свадьбы, твою и мою, в один день.

— Давай, почему нет? — Скобелев еще больше обрадовался. Оглянувшись, он махнул рукой и подозвал одного из офицеров, молодого, коротко стриженного с небольшими усиками и бородкой. — Познакомься, Миша, мой друг поручик граф Шувалов, Павел Петрович.

— Михаил Сергеевич Соколов, — мы с графом пожали друг другу руки.

— А я немало о вас слышал, — заметил граф, доставая портсигар и предлагая нам папиросы. — Скобелев вас любит.

— И что слышали?

— Только хорошее. Я вам даже немного завидую, Михаил Сергеевич, сколько у вас всего в жизни интересного.

Я еще раз внимательно оглядел Шувалова. Первое впечатление он произвел хорошее. Шуваловых в России знали и ценили, они, как правило, занимали весьма высокие посты. Род разделился на две ветви, старшую и младшую. Новый знакомый, скорее всего, принадлежал к младшей. А вот старшая ветвь была, что называется, на слуху. Графа Петра Андреевича, шефа жандармов и начальника Третьего отделения прозвали «Вице-императором» и «Вторым Аракчеевым». Человеком он был властным, консервативным и не особо блестящих способностей. Сначала он занимался внутренней политикой страны, но в последнее время стал терять влияние и переключился на дипломатию. Именно граф сел в лужу и связал дипломатическому корпусу руки, когда официально заверил англичан, что Россия никогда не займет Хиву и ее территорий. Подобное говорило если и не о глупости, то, как минимум, о недалекости.

Его младший брат, генерал-майор Павел Андреевич состоял в Свите Е.И.В., являясь почетным членом множества комитетов по перевооружению армии, хозяйственной части в войсках, тюремного ведомства и прочих не очень тягостных, но весьма доходных должностей. В 1872 г. он стал одним из учредителей Сибирского торгового банка, при этом

являясь германофилом и ярким поклонником идеи сближения с Германией.

Вот такой род Шуваловых. Влиятельный и серьезный. А Скобелев молодец, с нужными людьми дружит. Хотя, тут совпадение, а не расчет. Миша на бессердечного карьериста совсем не похож. Друзей он выбирает не по степени возможной полезности, а по зову сердца.

Ата Джана тем временем представили командующему. Правда, с ним практически не разговаривали. Кауфман прекрасно знал местную политику и не собирался показывать царевичу, что в нем нуждаются. Пусть сам ищет способ угодить русским.

В этот день в городе случились еще две перестрелки, когда засевшие в домах туркмены отказались сдаваться. И на этом все закончилось.

Так пал великий и некогда непобедимый Хорезм. Пало жестокое средневековое рабовладельческое государство, несколько веков терзавшее южные границы России.

На главной площади под величественные звуки марша прошел торжественный парад. Затем был пир — с вином, жареным мясом, свежими лепешками, пловом и фруктами.

Следующие дни наполнила обычная в таких случаях суэта. Цесаревич и Кауфман поселились не в душном и жарком дворце, а в летней резиденции хана, просторной усадьбе в Гендемианском саду. Там они приняли заверения в дружбе и покорности от местной делегации. Кроме Ата Джана к ним допустили и еще нескольких придворных.

Первым делом Кауфман приказал отменить рабство и освободить рабов. Их оказалось около десяти тысяч, в основном персов, но и русских насчитывалось пятнадцать сотен.

Осмотрели дворец. Несколько представляющих историческую ценность предметов, таких, как ханский трон, отправили в Петербург. Необычным трофеем стал комплект рыцарского доспеха тринадцатого века. На шлеме и перчатках был выбит герб — королевские лилии рода Капетингов. Понятное дело, что доспех перешел в руки арабов во время одного из Крестовых походов, но никто не знал, как он смог проделать столь длинный путь от Палестины до Хивы. Еще одной заслуживающей упоминания вещью стала отделанная золотом и слоновой костью охотничья винтовка, подарок хану от вице-короля Индии лорда Нортбрука. С помощью таких подачек англичане делали все возможное, чтобы владыки Бухары и Хивы сражались с русскими.

Заглянули мы и в гарем, хотя Кауфман сразу же приказал выставить там пост для охраны прекрасных пленниц. С моей точки зрения, беречь стоило всего десятков молодых женщин, остальные больше походили на ведьм, чем на усладу ханского сердца. Перепугались они так, словно мы прямо сейчас, на месте, не снимая сапог, примемся их насиловать. Крик поднялся страшный и гусары мигом ретировались.

— Слабаки мы, — с сожалением констатировал Некрасов. — Вот поручик Ржевский никогда бы так просто не ушел из столь перспективного местечка. Он бы память о себе оставил. Памятник сложил нерукотворный! Нет, выродился гусар, выродился!

Жизнь Хивы медленно входила в спокойное и немного сонное русло. Хотя, надо полагать, она уже никогда не будет прежней.

27 мая в Хиву вернулся Сеид Мухаммад. Туркмены на западных землях не собирались складывать оружия, но хан окончательно понял, что победы ему не видать и лучше покориться, в надежде усидеть на троне.

Цесаревич и Кауфман приняли его в прекрасном саду, под душистыми яблонями. Здесь находился помост, выложенный мрамором и прикрытый кирпичами, который застелили коврами.

Сидя в обшитом жемчугом седле на прекрасном арабском скакуне хан с пониженной головой въехал в свой собственный сад, с помощью двух слуг спустился на землю, снял шапку, наклонил голову и приблизился к помосту. Затем он поднялся по ступенькам и сел на колени.

— Унижается, — заметил Людвиг Фальк.

— Нет, — я покачал головой. — Хивинцы так сидят во время разговора. Вполне обычная поза, хотя всем видом он и демонстрирует раскаяние. Обрати внимание, как он держит руки и спину.

Хан оказался крупным высоким и сильным на вид мужчиной около тридцати лет с большими глазами, орлиным носом и редкой бородкой. Одет он был в длинный ярко-синий шелковый халат. Не знаю, что творилось в тот момент в голове у хана. Он сидел на коврах и на помосте, которые ранее принадлежали ему, выражал покорность, которую раньше выражали ему, и отдавал свою судьбу в чужие руки. Непросто пережить подобное падение, что уж там говорить.

Цесаревич Николай хану ростом не уступал, а вот маленький Кауфман рядом с ними представлял необычный контраст. По лицу генерал-губернатора иной раз скользила довольная улыбка. Улыбка победителя, одолевшего давнего исторического врага своей Родины. Ум победил грубую силу, военная дисциплина одолела храбрую и дикую ярость.

— Так вот, хан, вы наконец-то видите, что мы пришли к вам, как я и обещал три года назад, — для внушительности помолчав, негромко заметил Кауфман.

— Да, на то была воля Аллаха, — не поднимая головы, ответил хан.

— Не только Аллаха, — напомнил цесаревич.

— Вы сами стали причиной своего нынешнего положения, — Кауфман нахмурился. — Вам лишь стоило выполнить мои справедливые требования, которые я озвучил три года назад. И тогда никто бы не увидел здесь русскую армию. Другими словами, окажись вы добрым и прозорливым владыкой, то и Аллах не стал бы проявлять свою волю, заставляя вас испытать горечь поражения.

— Удовольствие видеть наследника Белого Царя и Ярым-пашу так велико, что я не могу желать какой-либо перемены, — ответил хан с достоинством.

— Молодец какой, — одобрил стоящий рядом Скобелев. — Хорошо держится.

— Согласен, — мне поведение хана так же нравилось. — Вот только, чтобы заставить его поумнеть, нам пришлось пройти тысячу верст. На Востоке признают лишь силу.

— Что вы думаете делать? Что намерены предпринять? — тем временем спросил цесаревич.

— Я предоставляю вам в вашей глубокой мудрости решать мою судьбу. Мне же остается пожелать одного — быть слугой великого Белого Царя.

— Хорошо, очень хорошо, — цесаревич возвысил голос. — Если хотите, вы можете стать ему не слугой, а другом. Это зависит лишь от вас. Белый Царь не желает свергать вас с престола, он только хочет показать, что его могущество велико и нет пощады тем, кто оказывает ему пренебрежение.

— Я знаю теперь, что поступал очень плохо. Но тогда я не понимал всего положения дел, а советники давали мне дурные советы. Теперь же я благодарю Белого Царя, его наследника и Ярым-пашу за великую милость и всегда буду их другом.

На этом с официальной частью покончили. Хан приободрился, сообразив, что в цепи его заковывать не станут.

Произошел обмен фразами о здоровье и взаимные пожелания всех благ, после чего хану позволили удалиться. Он возвратился в столицу, где некоторое время приходил в себя после пережитых потрясений. Из всех обязанностей он пока выполнял лишь судебные, разбирая тяжбы между жителями.

Разведка в лице Шауфуса, Терентьева, Костенко и меня активно продвигала кандидатуру Ата Джана. Кауфман и сам понимал открывающиеся резоны. Ранее у хана был великий визирь Мат-Мурад, афганец, известный своей ненавистью к русским и симпатией к англичанам. Его с поста выгнали и поставили великим визирем Ата Джана. Хана подобное не сильно обрадовало, зато нас такое положение дел устраивало как нельзя лучше.

Теперь в Хиве будет две партии, и обе начнут искать поддержку среди русских. Ата Джан проникся к своим освободителям если и не любовью, то вполне заметной симпатией, собираясь и дальше держать нашу руку.

В один из дней состоялся смотр. Присутствовали хан, его брат и три диван-беги, которые с неподдельным любопытством интересовались силой русского войска. Особо их заинтересовали гусары Смерти. Князь Ухтомский ответил на несколько вопросов о нашем полку.

Хивинцев поразили две вещи: слитный строевой шаг всего войска и единый мощный крик «ура», когда они отвечали на приветствие главнокомандующего. Надо полагать, среди лихих степных джигитов подобная дисциплина была в принципе недостижима.

Цесаревич и Кауфман принялись разбираться с финансами ханства. Как я понял, в местных делах была такая путаница, что свести концы с концами выглядело той еще задачей. Они так и не смогли выяснить, каков ежегодный доход государства. Вероятная цифра «плавала» в районе девяносто тысяч золотых тилла*. Но доходы могли быть и больше, и меньше. И не было никакой возможности сделать верную смету собранных налогов и поступлений.

Проблему усугубляло распространенная система взяток, которая приобрела в Хиве какой-то невыразимый масштаб. В ее основе заключалось то, что местным чиновникам вовсе не платили никакого жалования. Жалование они получали самостоятельно, согласно своей должности. Понятное дело, что подобная порочная практика вызывала не только путаницу, но и казнокрадство, а так же узаконенную традицию взяток, которая называлась бакшиш.

Бакшиш в своем первоначальном смысле обозначал подарок, чаевые или благотворительное пожертвование. Но здесь он был именно взяткой, без которой не решался ни один вопрос.

Я понимаю, что и в России казнокрадов хватает, но здесь они здравствовали и процветали, как нигде более. Вот же райское местечко для различных негодяев и мздоимцев!

То, что Сеид Мухаммад и его министры не знали, какова численность их подданных, так же добавляло путаницы. Вероятно, общая численность народов и племен, проживающих в Хорезме, не насчитывала и миллиона. Но приводимые цифры разнились на двести и даже триста тысяч.

В общем, как оказалось, хан мало что знал о собственном государстве. Но человеком он оказался образованным и любопытным.

Александрийские гусары разбили лагерь недалеко от Гендемианского сада, и хан незамедлительно прибыл к нам, получив соответствующее разрешение Кауфмана. У нас его все интересовало — кони, оружие, форма, кухни и традиции. Он ходил между палаток,

осматриваясь и не думая скрывать восхищения, запросто беседуя с простыми офицерами. Он даже попробовал полковую рисовую кашу и похвалил передвижную кухню. А когда ему сказали, что ее изобретатель стоит рядом с ним, долго смотрел на меня и хлопал глазами, не понимая, как подобное возможно. Несомненно, хан мечтал бы увидеть у себя на службе вместо хоть и храбрых, но полудиких туркмен знаменитых Кара Улюм.

Астроном экспедиции поручик Сыроватский оборудовал на крыше дворца площадку для наблюдений за звездами. Хан стал его частым гостем, много и с удовольствием рассуждая о далеких светилах. Его ум заинтересовали не только телескопы, но и барометры, компасы и прочие инструменты.

Художники Верещагин и Каразин рисовали картины, а повелитель Хивы смотрел, как рождаются шедевры, и цокал от удивления языком. Он и с Мак-Гаханом успел познакомиться, расспрашивая того о далеком свободном царстве под именем Америка.

— Похоже, хан посчитал меня большим лгуном, — со смехом поделился американец, во время нашего очередного обеда, состоящего из арбузов, дынь и винограда. Жара стояла такая, что ничего больше в горло не лезло. — Я сказал ему, что до Америки четыреста дней, как ходят верблюды, но только по морю. Он не верит, что такое море можно пересечь на пароходе, тем более за две недели. Но больше всего его поразило, что наш хан, как он называет президента, царствует всего четыре года, а затем добровольно отдает власть новому хану, которого избирает народ, — американец засмеялся, довольный рассказанной историей. — После таких баек в его глазах я стал окончательным вруном. Где это видано, чтобы хан без принуждения передавал свой пост?

Януарий человеком оказался общительным. Удивительно, но за столь короткое время он приобрел немало друзей среди офицеров, которые наперебой зазывали его на завтрак, обед или ужин. Он даже со Скобелевым успел сойтись.

Две недели прошли быстро, войско отдыхало и восстанавливало силы. А затем последовал очередной приказ, и мы выступили из города. Туркмены на западных землях Хорезма отказывали подчиниться, и их пришлось усмирять.

Это был не очень продолжительный и совсем не опасный поход. Главная проблема заключалась в моральной составляющей. Туркмены отказывались покориться, а потому следовало «преломить им хребет», как выразился Головачев. За этим термином скрывалась нелицеприятная сторона войны — разрушение домов, сжигание полей, конфискация имущества. Туркменам следовало преподать урок, показать тяжелую руку и отомстить за все их прошлые «подвиги». Вот только радости подобные меры большей части офицеров не доставляло.

Согласно данным разведки, йомудов насчитывалось двенадцать тысяч кибиток.

Выступивший отряд возглавил генерал Головачев. С собой он взял пять сотен казаков при десяти орудиях, ракетную команду, восемь рот пехоты и наш полк.

Сначала мы двигались к Хазавату, за которым начинались земли непокорных йомудов. Путь лежал через сады и маленькие озерца, затененные развесистыми вязами. Абрикосовые деревья все еще блестели на солнце золотисто-розовыми плодами. На вкус они были слаще меда. Правда, есть их стоило аккуратно — они хорошо расслабляли желудок. Подполковник Тельнов ругался, что гусары уделали всю округу.

Узбеки толпами выходили навстречу, предлагая хлеб, плоды и молоко. Их мы не трогали, они считались если и не друзьями, то союзниками.

Через двадцать верст местность начала меняться, благодать закончилась. Чем дальше от

Аму мы удалялись, тем суше становилась степь. Садов становилось меньше, хотя деревни и поля туркменов располагались вдоль дорог практически непрерывной линией.

Жилища выглядели покинутыми и пустыми. Уходя, жители забрали все, что только можно было. В некоторых очагах еще тлел огонь.

Головачев приказал сжигать все, что только можно. Такая война мне не нравилась, но в полку нашлись и те, кто с большим энтузиазмом принялся за дело.

Здесь все было сухое — поля, соломенные крыши домов, заборы, коровники, арбы. Все это вспыхивало, как спички. Огонь ревел, как живой. В небеса поднимались клубы дыма, а после нашего войска оставалась выжженная полоса в три версты шириной. Слышался непрерывный плач женщин и детей. На сердце было тяжело.

В одной из деревень туркмены сами подожгли дома и подловили одну из пехотных рот. Ветер дул на нас и солдатам пришлось несладко, прежде чем они вырвались из горящей деревни.

Отряд быстро отошел назад, но около десятка человек получили ожоги. Через полчаса скрылось солнце, небо затянули облака, пошел мелкий дождь — редкое для Хивы явление.

Эти дни туркмены старательно избегали правильного боя, который не сулил им ничего хорошего. Вместо этого они безостановочно нападали на нас со всех сторон, днем и особенно ночью, резали и старались побольнее нам досадить.

Все это продолжалось до определенного момента. Впереди себя мы гнали многотысячную толпу мирных жителей, женщин, детей и стариков, с ревущими верблюдами и коровами. Туркменам пришлось остановиться и дать нам бой, защищая своих сестер, матерей и жен.

Йомуды заняли позицию у Кокчука.

Наше войско выстроилось на холме, на краю пустыни, встав в две линии, каждая сотня со своим значком, развевающимся на ветру. В трех верстах впереди расположились туркмены, конница по флангам и пехота в середине. Общая численность их колебалась в районе десяти тысяч человек.

Туркменские кони были чудо как хороши, идеально подходящие для местного климата, выносливые и понятливые. Все это время йомуды издевались над нами, галопируя и не давая приблизиться. Казаки не могли их догнать. Даже мы, на своих скакунах, и то, практически всегда им проигрывали.

Сам йомуд представлял собой любопытный тип воина — феноменально умелого всадника, беззаветно храброго, но напрочь лишённого малейших понятий о дисциплине.

И таких всадников стояло против нас около пяти тысяч. Остальные были пехотой — кое-как одетые, часто босоногие, со старым и ржавым оружием. У многих вместо сабель в руках имелись выпрямленные косы или серпы на палках. Они хотели сражаться, но внешний вид такого войска, которое и до ополчения не дотягивало, говорил сам за себя.

На дальнем холме расположились многочисленные женщины, дети и старики. Все те, кого война выгнала из родных домов, и кто теперь просто ждал, что приготовил для них Аллах.

Левым флангом командовал генерал Бардовский, центр Головачев оставил за собой, а на правом крыле руководил Ухтомский и герцог Романовский. Причем наш полковник вынужден был подчиняться командам члена Императорской фамилии.

Вождя туркменов звали Ашир-ходжа по прозвищу Волк. Всю эту кампанию он противостоял Оренбургскому отряду, гусары Смерти с ним пока не встречались. Но зато мы

увидели старых знакомых — знамя Саздык султана и древко с конским хвостом, принадлежащее Джочи-беку.

Мулла* — священник. Улем — знающий, ученый. Кази — судья. Мударрис — старший учитель, преподаватель.

Диван-беги* — сановник, заседающий в диване, ханском совете.

Медресе* — мусульманское учебное заведение.

Тилла* — золотая таньга Хорезма.

Война — страшная, тяжелая, а вместе с тем и забавная штука! Одна из ее особенностей заключается в том, что в бою она часто сводит врагов лицом к лицу. Это не я заметил, люди отметили подобное еще много веков назад, чуть ли не во времена Римской Империи.

Вот и меня война свела с Джочи-беком. Со времени нашей последней встречи прошло больше года, я преодолел тысячи верст, да и туркмен, как думаю, не сидел на одном месте. И вот мы стоим в одной точке земного шара, на противоположных флангах выстроившихся армий, разделенные двумя верстами... Удивительно сталкиваться с чем-то похожим. Как по мне, тут отчетливо пахнет некой долей мистики. А впрочем, все это лирика. Не мстить я сюда ехал, а просто делать свое дело, не очень приятное, но нужное. А Джочи-бек всего лишь человек, особой ненависти я к нему не испытывал.

Прозвучала команда, и мы тронулись вперед. При спуске с возвышенности лошади вязли в песке по бабки. Гусары подстегнули коней, наращивая скорость, охватывая левый фланг неприятеля.

Эскадроны выстроились в линию. Ухтомский, Тельнов и Седов летели вперед как на крыльях, увлекая за собой полк. Герцог Романовский держался чуть впереди, показывая, кто тут главный. По центру гордо реяло наше знамя.

Масса конницы и людей скрыли от меня то, что происходило по центру и на левом фланге нашего войска. Надо полагать, там так же готовятся вступить врукопашную.

Пушки грохотали, не переставая, буквально прореживая вражеские ряды. Туркмены бросились навстречу. Их было больше, но у них отсутствовало всякое понятие о едином строе. Издалека они казались грозной силой, но эта была лишь видимость.

Копыта стучали по сухой земле, скачка захватила гусар. Карабины разрядили, когда до противника оставалось сажень сто. Залп получился не особенно дружный, в диком шуме не все одновременно услышали очередной приказ, но эффект от этого не стал менее значимым — множество йомудов упало на землю и их порыв несколько угас.

И не сказать, чтобы вид у них был уверенный. Когда на тебя в полном составе, с развевающимся знаменем летит гусарский полк, тут надо быть человеком большой храбрости, чтобы встретить его лицом, а не спиной.

Ружей у степняков было мало, они больше полагались на сабли, но две-три сотни стрелков среди них имелось. Они, как и мы, так же выстрелили.

Сначала я ничего не понял. Хартум просто споткнулся, заржал и начал заваливаться. На инстинктах я выдернул ноги из стремян и попытался спрыгнуть. Поднимая пыль, мы упали рядом, я и мой верный конь. Хорошо, что он не придавил меня. От удара о землю в глазах помутилось, я прикусил язык и почувствовал во рту кровь, а на зубах закрипел песок. Соприкосновение с землей ошеломило меня, выбив из легких весь воздух. Некоторое время я судорожно пытался вздохнуть, даваясь кровью и вытирая невольные выступившие слезы.

Гусары с бравыми криками огибали меня слева и справа, уносясь вперед. Егоров заметил, что со мной случилось, и сразу же принял эскадрон. Он правильно сделал — победа важнее, товарищу можно и позже помочь.

Полк ускакал вперед и врубился в туркменов с оглушительным грохотом. Люди что-то кричали, а кони визжали, как безумные. Все это доносилось до меня издалека, как сквозь вату. Я немного пришел в себя, поднялся на ноги, проверил револьвер, саблю, отряхнул от

пыли свалившуюся кепи и, пошатываясь, подошел к Хартуму. Конь умирал, пуля попала ему в грудь.

Я остановился, не зная, что делать. Хартум хрипел, дернул несколько раз копытами, тихо заржал, словно прощаясь, а затем затих, и его глаза закатились.

— Как же так, Хартум? — я положил ладонь на его теплую морду. Конь ничего не ответил, он был мертв.

Минуту я посидел рядом с ушедшим другом, глубоко вздохнул, поднялся и осмотрелся — сражение продолжалось, и я должен быть там, среди товарищей, а не здесь, несмотря на потерю.

Слева наша пехота бодро теснила центр неприятеля. Герцог Романовский увел гусар далеко вперед, густо усеяв поле боя вражескими трупами. Вокруг бегало множество бесхозных скакунов. В основном туркменских, и поймать их выглядело той еще задачей. Я попытался догнать одного, второго, но не преуспел.

Выручили друзья. Послышался стук копыт и ко мне подскочил Георгий Рут с тремя гусарами, среди которых я с особой радостью увидел Снегирева.

— Миша! Ты как, живой? — Рут спрыгнул на землю и подбежал.

— Живой, кажется. Грудь только болит, да в ушах какой-то шум.

— Плевать, пройдет.

— Вот и я так думаю. Коня мне найдите. Надо закончить дело.

Рут не стал возражать. Он кивнул, и гусары рассыпались, принявшись ловить лошадей.

— С вами все хорошо, вашблагородие? — поинтересовался заботливый Архип. На его лице проступила тревога.

— Точно. А вот и конь. Вперед!

Гусары подвели мне какую-то лошадь, в седле которой еще десять минут назад сидел туркмен. Мы сразу же бросились за товарищами.

Наша помощь им уже не требовалась. Битва оказалась жаркой, но короткой. Туркмены не выдержали удара. Их войско раскололось, как гнилая дыня. Пехота по центру бежала, устилая степь телами. Генерал Бардовский на своем фланге резал всех подряд, казаки и гусары догоняли и приканчивали отдельные группы йомудов. И это уже была не битва, а жестокая бойня.

Для полного разгрома войску хватило менее получаса. Потери оказались просто смешными — три тысячи убитых йомудов против восьмерых во всем отряде. У нас пострадало два нижних чина и два офицера. Одним из них оказался князь Ухтомский, скачущий впереди строя. Пуля попала ему в плечо, перебив ключицу. Он выпал из седла, да так неудачно, что сломал себе пару ребер и сильно ударился головой, заработав сотрясение.

Ранение Ухтомского заставило нас позабыть о радости победы. В последнее время у нас с князем отношения испортились, но я совсем не хотел видеть его в подобном состоянии.

На фоне ранения нашего полковника, даже смерть Хартума потеряла свое значение, хотя коня я любил, а он не раз меня выручал.

Герцог Романовский ускакал к Головачеву. С ним отправился Тельнов. Стонущего в бреду князя отнесли в сторону, полковой медик принялся его осматривать, а ко мне подошел Некрасов.

— Пойдем, Мишель, что покажу, — сказал он. Я вновь забрался в седло трофейного скакуна. Мы проехали саженьей четырехста, огибая тела людей и лошадей, прежде чем Андрюша остановился. — Смотри, кого мы срубили, — он указал вниз.

Я спрыгнул и, не веря глазам, подошел к застывшему в причудливом положении телу. Это был мертвый Джочи-бек, собственной персоной. Чей-то молодецкий удар раскроил ему череп. То, что Некрасов его опознал, меня не удивило — в деле на Уч-Учаке и позже, перед Хазараспом я показывал другу своего врага.

— Кто его? — я поднял голову на оставшегося в седле Некрасова.

— Кто знает? — Андрей пожал плечами. — Здесь поработал третий эскадрон. Кто-то из них.

Я наклонился над Джочи-беком, чье лицо не раз и не два вспоминал. Стал ли он мне врагом? Конечно, но я не собирался тратить жизнь, чтобы закрыть счет. Я лишь надеялся отдать долг, коль судьба окажется благосклонной. И вот теперь он мертв. Не так, совсем не так я хотел обставить нашу встречу. Что же сегодня за день такой?

— Человек предполагает, а Бог располагает, Мишель, — философски заметил друг. — Поехали обратно. Сдается мне, тебе не помешает выпить. Как и всем нам.

Поле боя осталось за русскими. Правда, Садык сумел убежать, но зато казаки взяли в плен Ашир-ходжу, предводителя йомудов. Собственно, на этом закончилось не только сражение, но и окончательное покорение Хорезма. Генерал Головачев со своим отрядом поставил последнюю точку.

Через четыре дня мы вернулись в Хиву.

Следующий месяц войско продолжало оставаться в окрестностях города, ожидая, когда будет заключен мир между двумя державами.

Прояснился вопрос с отрядом полковника Маркозова, отправленного из Красноводска. Отряд этот двигался по маршруту проложенному Скобелевым и мной, но до Хивы не дошел и отступил обратно. Оказалось, что подобное отступление не более чем тактический ход. Наш совместный рапорт и докладная записка о непроходимости данной дороги не остались без внимания. Маркозов получил приказ выдвинуться как можно дальше и отвлечь на себя часть туркмен, что он и сделал. И это нам помогло. Так что и тут Кауфман все предусмотрел.

Договор подписали в ханской усадьбе, в саду Гендемиана. Его так и назвали — Гендемианский мирный договор.

С нашей стороны его заверили цесаревич и Кауфман, а с другой стороны — хан Хивы Сеид Мухаммад. По договору хан отказывался от самостоятельной внешней политики и принял обязательства не предпринимать никаких военных действий без разрешения русских. Вся территория ханства по правому берегу Амударьи переходила к России. Впоследствии она вошла в состав Амударьинского отдела Туркестанского края.

Русские купцы получили право беспошлинной торговли и бесплатного проезда по территории ханства. Хорезм освободил рабов, отныне и навеки работорговлю запретили. И хан взял на себя обязательство за двадцать лет выплатить контрибуцию в размере 2.2 миллиона рублей серебром, полностью покрывая наши военные расходы.

Был еще один праздничный обед и раздача наград. Участники получили заочно, пока ее не отчеканили, памятную медаль о походе на Хиву. Практически всех офицеров отметили тем или иным образом. Кауфман, великий князь, Головачев и прочие генералы получили различные высшие награды. Тельнов, Некрасов, Егоров, Рут и другие гусары стали обладателем того или иного ордена. Скобелева наградили 4-м Георгием, а Гуляева 4-м Владимиром с мечами и бантами.

А я получил подполковника и официально вошел в Свиту Его Императорского Высочества Цесаревича Николая Александровича, продолжая числиться в полковых списках.

Это была большая честь. Друзья за меня радовались, ну а мне предстояло найти общий язык с новыми товарищами — в Свите наследника состояло более дюжины человек.

Полк наш поменял командира. Князь Ухтомский хоть и поправился, к дальнейшей службе оказался не годен. Осматривал его и ставил диагноз сам Боткин.

Ухтомский приобрел нервный тик и нарушенную координацию движений. Князю дали генерала, очередной орден и отправили на пенсию. На его место пророчили подполковника Тельнова, он являлся старшим из нас, неоднократно проверенным и надежным товарищем. Совершенно неожиданно герцогу Романовскому присвоили полковника и сделали новым командиром Александрийских гусар.

Подобное назначение вызвало некоторое возмущение в наших рядах. Часть офицеров отнеслась к подобному без особой радости. Впрочем, нашлись и такие, кто принял Романовского с радостью. Конфликта не было, но ситуация сложилась такая, что наследник вмешался и провел офицерское собрание.

— Господа, я шеф вашего полка и вы будете делать все, что приказываю вам я, генерал-губернатор и Военное Министерство. Вы блестяще себя показали, полк ваш прославлен, но напоминаю, что вы служите не для самих себя, а для блага России. Так что извольте принимать все, что положено.

Говорил он спокойно, уверенно и непоколебимо. И сразу стало ясно, что перед нами будущий Император Всероссийский, который не просит, а требует.

Его слова остудили самые горячие головы, офицеры опомнились. Мы же люди подневольные, делаем, что прикажут. Ну да, обидно за Тельнова. Герцог Романовский получил то, о чем мечтал, а старого товарища оттерли в сторону. Но жизнь на этом не заканчивается, никто не знает, что будет дальше.

Все утряслось. Герцог Романовский сильно потратился, отмечая свое назначение. Гусары гуляли почти неделю, породив очередную серию легенд о Кара Улюм, которых не только победить, но и перебить обычному человеку невозможно.

Войско принялось готовиться к возвращению в Ташкент. Я уже предвкушал, как возьму отпуск и поеду просить Катиной руки, но цесаревич решил иначе.

— Сеид Мухаммад просил меня оставить в Хиве небольшой отряд. Страна все еще волнуется, так что лишняя поддержка ему не помешает, — сказал мне цесаревич. — Я прошу Михаил, именно прошу, а не приказываю, остаться в городе на четыре месяца. Ты получишь под свое командование эскадрон гусар и пехотную роту. Присмотри за ханом и великим визирем. К тому же, подобная миссия пойдет тебе на пользу. Не все же тебе саблей размахивать. Пора расти и учиться управлять людьми, у меня на тебя далекоидущие планы.

Поначалу я едва не высказал ему все, что думаю о сидевшей уже в печенках Средней Азии и его просьбе. Но все же сдержался. Не из-за страха, нет у меня такого. Просто не так часто наследник меня о чем-то просит. Что ж, послужу еще четыре месяца на благо России, хотя жаль, что не успею к дню рождения Кати.

— Хорошо, будь по-твоему, — вздохнул я.

— Вот и славно, — он улыбнулся и подал мне руку. — Четыре месяца и ты сразу же получишь отпуск и отправишься домой. Я распорядюсь, чтобы за тобой пароход прислали.

Цесаревич и его свита первыми покинули Хиву. За ними приплыла Аральская флотилия под командованием капитана Ситникова. С капитаном случился неприятный случай. Во время минувшей кампании он причалил к одному из берегов. Утром к ним подошел какой-то узбек и сказал, что неподалеку русские попали в беду и нуждаются в помощи. Ситников

хотел сам идти им на помощь, но в последний момент послал вместо себя лейтенанта Ломакина с десятью матросами. Все они погибли, узбек оказался предателем, а матросов заманили в ловушку, убили и отрезали головы.

Похоже, Ситникова до сих пор терзали моральные муки за то, что по его легковёрности погибли хорошие люди.

Цесаревич уплыл. С ним в столицу отправилось несколько офицеров и Януарий Мак-Гахан. Провожали наследника всем войском и городом, включая хана и Ата Джана.

Шауфус долго инструктировал меня, какой линии следует придерживаться в Хиве, на поиск каких сведений стоит сделать упор, под конец пожелав завербовать новых агентов.

Кауфман, великий князь и все войско уехали на следующий день. Ставший войсковым старшиной Гуляев направился обратно в Оренбург вместе с генералом Веревкиным и остальными казаками. Михаил Скобелев так же отправился в Ташкент, предупредив меня, что ближе к зиме возьмет отпуск. Мы с ним не забыли о договоре провести две свадьбы в один день и потому подстроились друг под друга.

Уехал и мой полк. Со мной остался лишь четвертый эскадрон под командованием новоиспеченного ротмистра Некрасова Андрея. А еще 2-ая рота пехоты с капитаном Жилиным во главе.

— Даже грустно как-то стало, — заметил Некрасов, красующийся новым званием. Ему и орден дали. — И как мы эти четыре месяца переживем?

— Переживем как-нибудь, — я пожал плечами.

Четыре месяца в Хиве тянулись долго, нескончаемо долго, как мне представлялось. Особо делать было нечего, Средняя Азия порядочно надоела, и я мечтал о доме.

Ничем необычным мы не занимались. В Хиве все было мирно и тихо, несмотря на тревогу хана. На нас поглядывали без особой любви, но и убивать не собирались. Сеид Мухаммад часто играл со мной в шахматы. Играл он хорошо, мы побеждали с попеременным успехом, но во время партий хан неизменно меня прощупывал — как относятся к нему Кауфман, простил или нет, и если ли возможность убрать с поста великого визиря Ата Джана.

Ата Джан в беседах со мной продвигал примерно такую же линию — дескать, он станет, куда лучшим владыкой и сможет принести двум державам подлинный, выгодный для обеих сторон, мир.

Что-то мне подсказывало, что если так и дальше пойдет, то скоро один из братьев неожиданно упадет в колодец и сломает себе шею, либо отравится каким-то экзотическим блюдом. Но пока они вели себя тихо, а мне большего и не требовалось.

С Некрасовым и Жилиным мы часто выбирались на охоту, добычей нашей становились тигры, фазаны или утки. Глядя на величественную реку, невообразимые стаи птиц, теплую воду, в которой так приятно купаться, я раз за разом ловил себя на мысли, что человек — настоящий варвар и дикарь, раз сумел (или сумеет) уничтожить все это великолепие.

Три раза мы посещали форт в сорока пяти верстах выше по течению Аму. Форт приказал построить Кауфман во время обратного движения к Ташкенту, и он предназначался для зримого напоминания о силе русского оружия.

Форт насчитывал тысячу солдат. Военным комендантом округа назначили полковника Иванова, а начальником форта стал полковник Дрешерн. Оба они были офицерами способными и честными, в войске их уважали. Мы с ними беседовали, пили чай, проводили небольшие смотры и занятия. В общем, шла обычная рутина. Иногда они выбирались в Хиву,

пройтись по базарам, заглянуть в чайхану или помыться в бане.

Отделанные мрамором, с бассейном и непременно банщиком, хивинские бани оказались хороши. Но все же в Самарканде они куда лучше.

Совершенно незаметно наступил мой день рождения.

В Хиву прибыл Ариан Хан, привезя свежие сведения об англичанах в Афганистане и Индии. Я сделал то, что он заслужил — познакомил с Ата Джаном. Пушгун получил льготы и теперь, располагая покровительством великого визиря, мог торговать с огромной выгодой. Осталось показать ему Петербург и Москву, но это будет позже.

Встретился я и с еще одним своим агентом — Кирамом Хайдаровым, оформленным под псевдонимом Проньра. Уроженец Бухары и раньше казался бесполезным, и теперь не принес никакой пользы.

— Ты упустил свой шанс, Кирам, — сказал я ему, не собираясь никак наказывать. — В Хиве твоя звезда могла взлететь выше минарета Кальта-минар. Ты мог стать богатым и уважаемым человеком, я мог бы замолвить за тебя слово перед ханом.

— Слушай, Михаил-бек, я же хотел тебе помогать! И сейчас хочу, клянусь Аллахом! Просто звезды выступили против меня. Скажи, что надо делать? — поняв, какие перспективы упустил, Проньра принялся юлить.

— Делай, что я и раньше от тебя просил. Ты знаешь, что меня интересует, — окончательно прогонять агента я не стал. Может, с него еще и выйдет толк.

Времени было много, и мне удалось завербовать еще двух человек. Содержатель караван-сарая Али получил псевдоним Веселый. Через него ежедневно проходило огромное количество людей, так что он стал кладезем информации. Еще одним, крайне перспективным агентом казался турецкий купец Мустафа Эмре. Вербовку такого человека я посчитал за немалую удачу, учитывая, что война с Турцией приближается. Потому и псевдоним он получил соответствующий — Удача.

Полковник Шауфус существенно расширил мои полномочия. В Хиве я выполнял обязанности дипломата, военного советника и резидента. Общаться приходилось не только со своими агентами, но и агентами других офицеров. Не скажу, что их было много, но они в Хиве присутствовали. Большая часть их двигалась через Хорезм транзитом — в Иран, Турцию, Афганистан или Индию.

Я принимал их сообщения, давал новые задания, продумывал легенды прикрытия и обеспечивал всем необходимым — деньгами, одеждой, едой и оружием. Работать мне нравилось. Я чувствовал свою полезность русской разведке, понимал, что занимаюсь нужным делом и находил в нем отдушину от азиатской тоски.

Агенты по большей части были людьми необычными, склонными к приключению и риску, а истории иной раз такие рассказывали, что тянули на полноценный приключенческий роман. Получаемые сообщения я шифровал и отсылал с нарочным в Ташкент.

В Хиву начали прибывать иностранцы из Европы — два англичанина, француз и немец. Легенды прикрытия у них выглядели добротными. Жители Туманного Альбиона представились корреспондентом и фотографом «Дэйли Ньюс». Француз был путешественником и членом Французского географического общества. Он «kozyрял» близким знакомством с Виктором Гюго и Жюль Верном. Немец же выдавал себя за крупного коммерсанта, интересующегося азиатским хлопком.

Мы с ними познакомились, и только. Они знали, что я русский военный советник и

возможно догадывались, что мои полномочия несколько шире. А я догадывался об их истинном статусе и цели посещения Хорезма. На агентурный контакт ни с кем из них не пошел — они могли являться самыми заурядными «подсадными утками», присланными, чтобы раскрывать и вербовать различных простачков. Шауфусу я отправил очередной рапорт, в котором поделился подозрениями по поводу европейских гостей.

В один из дней, выбравшись на базар, я купил Кате золотой перстень с рубином. Вообще, в Хиве встречаются крупные драгоценные камни, но почти все они имели изъян — плохую прозрачность или изрытую маленькими дырочками поверхность.

Но рубин оказался хорош. Он стоил немало, зато оправдывал каждую копейку.

— Пусть женщина, которой предназначается сей перстень, всегда будет носить в своем сердце любовь к тебе, — с поклоном пожелал мне продавший перстень ювелир.

Все, что имеет начало, имеет и конец. Закончился мой срок пребывания в Хиве. Я написал последние три рапорта — Головачеву, Романовскому и Шауфусу и попрощался с товарищами.

Командование решило, что присутствие отряда в самой Хиве больше не имеет смысла и отозвало людей в Ташкент. А я же получил обещанный отпуск и на прибывшем пароходе уплывал в Казалинск.

— Будь счастлив, Андрюша! — пристань в Хиве была простенькая, всего лишь деревянный помост. На нем мы и попрощались. Я обнял Некрасова, пожав руки Егорову, Руту, Дворцову, Фальку и Жилину.

— Счастливой дороги, Михаил! Возвращайся! Не забывай! — раздавались голоса. Люди выглядели помятыми и не выспавшимися, Вчера, отмечая окончания нашей хивинской командировки, мы хорошо погуляли. А, как известно, чем лучше было вечером, тем хуже будет утром. Вот мы и подтверждали данную аксиому.

26 ноября я покинул Хиву. Пароход доставил нас со Снегирем в Казалинск без всяких сложностей. Десять дней понадобилось, чтобы добраться до Оренбурга. Там я с большим удовольствием сел на поезд. Как ни крути, а железная дорога наша с цесаревичем и Хмелевым детище. Нет, ее бы и так построили, но на десять лет позднее.

Первое, что поразил меня в Саратове — это мост. Здесь, в это время я впервые видел настолько циклопическое и монументальное сооружение! Мост потрясал! Это было что-то, и я вновь ощутил гордость. Не знаю, когда в прошлой истории Россия построила первый мост через Волгу, но мы вновь опередили историю. Не было у нас аналогичного моста до самого конца девятнадцатого века, голову даю на отсечение! А здесь есть, причем его уже открыли. Открыли буквально неделю назад.

Я расположился в гостинице «Волга» и отправился в мастерскую Волкова. Проезжая по улицам на извозчике, замечал, как за минувшие годы изменился город. Конечно, он не превратился в Москву или Петербург, и близко такого нет, но в нем появились и продолжали появляться новые дома и магазины, лавки, улицы и парки. В Саратов вместе с железной дорогой пришли и большие деньги. Предприимчивые люди этим воспользовались. Особенно меня порадовало, что я увидел два строящихся дворца — значит, и кто-то из богатых решил здесь отметить.

Конечно, плохо, что пока не развиваются больницы, школы и различные социальные учреждения, но я уверен, что и до них дело дойдет.

— Михаил Сергеевич, вот так встреча! — обрадовался и немного смутился Волков, когда извозчик доставил меня до мастерской «Победа» — её здесь все знали. А я хотел

появиться внезапно и понять, что он там творит с нашим детищем. — Что ж вы не сказали? Я бы вас встретил. Как добрались?

— Прекрасно. Собственно, здесь я проездом, направляюсь в Москву. Вот, решил заглянуть и посмотреть, не испытываете ли вы в чем нужды.

— И правильно-с, что заглянули, — он достал платок и вытер лоб.

— Как там доброхоты и доброжелатели? Не замучили вас своими предложениями? — глядя на нервничающего инженера, я заподозрил, не учудил ли тот чего. Характер у него мягкий, так что всякое могло случиться.

— Нет, все хорошо. Как и сказали, я их к вам отсылал, в Ташкент. О, а вы уже подполковник! Примите поздравления, Михаил Сергеевич, — только сейчас он обратил внимание на мои новые погоны.

— Благодарю. Ну что ж, начинайте вводить меня в курс дела. Показывайте, так сказать, свои пенаты.

Экскурсию по мастерской он мне устроил хорошую. Мастерская представляла собой длинный кирпичный цех, вдоль стен которого стояли различные верстаки, кузнечные горны и станки, токарный и фрезерный, изготовленные немецкой фирмой «Циммерман». Работали они на паровой тяге, и для этого имелась пристройка с котельной и котлом. Пахло здесь потом, смазкой и горячим металлом. Бесперывно слышались удары молота, скрежет пил и лязг железа.

— Сколько полевых кухонь сейчас в работе?

— Мы стабильно делаем две за сутки и с последним заказом справились благополучно. Министерство все полностью устроило, они продлили контракт еще на двести кухонь. Надо штат расширять, ведь мы еще и ложки с фляжками начали выпускать.

— Расширяйте, кто вам мешает?

— Тяжеловато приходится.

— Найдите толковых помощников. Что мне вас учить?

Мы прошли цех и вернулись обратно. Рабочий процесс выглядел отлаженным. Во дворе под навесом стояли телеги — Волков их покупал. Телегу брали и загоняли в мастерскую, где переделывали и усиливали конструкцию, попутно устанавливая на нее все необходимое. Готовые кухни ставились в отдельный сарай, ожидая времени отправки.

— Неплохо, неплохо, но несколько грязновато, — отметил я. Рабочие при нашем появлении отрывались от работы и провожали меня недоуменными взглядами. — Сколько у вас человек, Сильвестр Тимофеевич?

— Двадцать четыре. А насчет грязи не беспокойтесь, исправим.

— А женщин сколько?

— Нисколько, — инженер развел руками. — Да и куда их пристроить?

— На бумаги, почту и зарплатные ведомости. Пусть и с газетами сотрудничают, пишут о наших достижениях, — Россия продолжала оставаться крайне консервативной страной, женский труд у нас пока не ценили, а представительницы прекрасного пола получали меньше, чем мужчины на тех же должностях. Я, как мог, старался хоть что-то исправить в данной области. — Делайте что хотите, но две женщины должны у вас появиться в ближайшее время. Понимаете?

— Понимаю, сделаем, чего уж там, — инженер вздохнул так красноречиво, словно я на плаху его отправлял. — Я тут подумал, Михаил Сергеевич, что нам надо вторую модель проектировать. Пехота и кавалерия — разные рода войск. Первым нужна более

вместительная и тяжелая кухня, вторым — мобильная и подвижная.

— Ага, значит, мысли у нас сходятся, — я и сам обдумывал нечто похожее. Волков прав, кухни надо модернизировать. Нынешняя модель является универсальной, если так можно сказать. Следовало подготовить еще два образца — легкий и тяжелый. — Но займемся мы этим с вами позже, не сейчас.

— Как скажете. Тогда у меня другой вопрос, более важный... — он пожевал губу. — Михаил Сергеевич, я готов начать производство пароходов.

— Где?

— Здесь, недалеко, место для будущего дока я уже присмотрел, и более того, выкупил. Простите великодушно, но я и фундамент заложил.

— А деньги?

— С деньгами сложно. Если всю прибыль пустить на первый пароход, то может и хватит.

— Деньги найдем. А вы покажете свою бухгалтерию, мне надо ее посмотреть, — на самом деле, я хотел лишний раз проверить инженера. Так, на всякий случай. Как говорится, на то и щука, чтобы карась не дремал. — Но я не специалист, мои вопросы могут показаться вам дилетантскими. Вам же оборудование нужно и квалифицированные специалисты. Деревенские кузнецы вряд ли помогут в таком деле.

— Все есть, — твердо заверил он меня. — Люди, оборудование, инструменты, я все продумал. Я знаю, кого и где нанять и где купить все, что нам требуется. Мне только в Германию надо будет съездить.

— Давайте еще раз вернемся к этому вопросу, но вечером. Прямо сейчас я не готов дать своего согласия, — Волков предлагал хорошие и правильные вещи. Пароходы марки «Победа» нужны не только России, но и конкретно мне, Михаилу Соколову. Но что-то подсказывает, процесс этот не дешевый. Он съест всю прибыль, а может и в долги придется залезать.

Занимать мне категорически не хотелось, хотя тот же Хмелев наверняка выручит. У меня же свадьба скоро, денег понадобится много, я планирую сделать Кате праздник, да и в медовый месяц по Европе прокатиться выглядит стоящей идеей.

Кстати, Хмелев может и какую-то сумму выплатит, я же член Железнодорожного правления, как-никак. Давно я его по этому поводу не беспокоил, считай с начала года.

Проверка бухгалтерии окончательно прояснила ситуацию. Рабочие «Победы» трудились пять дней в неделю, по восемь часов в сутки. Молотобоец получал 50 копеек за день, подмастерья — 70, столяры и плотники по 1 рублю, кузнец 1,20р., токари и слесари по 1,5р. Помощник Волкова инженер Петрухин зарабатывал 5р. в сутки, в сам Сильвестр Тимофеевич — 10р. В месяц у него выходило чуть больше 200 рублей — что выглядело, в общем-то, скромно. Специалиста с такими идеями могли спокойно переманить и на больший оклад. Волков пока от меня не уходил, ожидая шанса заняться судостроением. И я не мог ему отказать, если хотел сохранить такого человека.

В общем, ежемесячная зарплатная ведомость «Победы» составляла 772р. Закупка различных материалов, железа, дерева, гвоздей, угля, кожи и телег зависела от конкретного заказа, но обычно не превышала 1700р. Еще рублей четыреста уходило на всякие непредвиденные расходы, такие, как оплата доктора при травме, поездки в тот или иной город для заключения контрактов, поощрительные премии и прочее. По сути, в месяц «Победа» тратила 2.800р.

Фляжки и прочая мелочевка пока еле-еле себе окупали и приносили в лучшем случае 150-170р. Военное министерство покупало кухни по 360р., а затраты на их изготовления находились в районе 200р. Таким образом, произведя 44 кухни в месяц, рассчитавшись с материалами и выплатив жалование, «Победа» получала ежемесячную чистую прибыль в размере 4.200р.

Казалось бы, прекрасная сумма, так жить можно, но нам надо развиваться, строить новые корпуса, увеличивать мощности и закупать станки. К тому же Волкову предстояло купить в городе дом, где будет располагаться контора и все руководство. И я не капиталист, мне хочется, чтобы мои люди жили неплохо. Значит, необходимо поднимать им жалование. Сейчас, несмотря на то, что наши рабочие получают практически среднее жалование по Саратову, их доход все равно выглядел очень и очень скромно.

— Вот что, Сильвестр Тимофеевич, с нового года увеличивайте всем жалование на двадцать пять процентов, начиная с молотобойца и заканчивая главным инженером, то есть вами. Дайте рекламу в ряд московских и петербургских газет. И обязательно наймите в штат двух дам — секретаршу и бухгалтера, — еще раз напомнил я.

— Лишние расходы, Михаил Сергеевич. А нам и так предстоит затянуть пояса.

— А все же наймите.

С Волковым я общался в течение трех дней, вникая во все детали, и в конце выдал ему полный карт-бланш. Первый пароход у нас с ним получится небольшим, товаро-пассажирским, грузоподъемностью в 400 тонн, мощностью в 280 лошадиных сил, возможностью перевозить до 500 пассажиров и предполагаемой скоростью 19 верст в час. Котёл и винты он закажет в Англии, железо поступит с Демидовских заводов Урала, лес получит с реки Унжи, а снасти и прочие материалы будет покупать на крупнейшей Нижегородской ярмарке и в соседних губерниях. Ориентировочная стоимость постройки судна колебалась в районе 11 тысяч рублей. Сюда следовало добавить 8 тысяч на организацию и постройку верфи и дока.

Если Волков справится, мы станем вторым заводом по производству пароходов на Волге после «Красного Сормово» в Нижнем Новгороде*.

Сейчас на Волге, Каме и Оке существовало три крупных пароходных компании: «Кавказ и Меркурий», «По Волге» и товарищество на паях «Самолет», основанное отставным капитаном морского флота Владимиром фон Глазенапом. Причем у каждой компании пароходы окрашивались по одному шаблону, с использованием конкретных цветов, чтобы народ их узнавал. Значит и мне надо будет продумать цвета наших корабликов.

Так что конкуренция нас ожидала серьезная. Хотя, нет, ничего такого, скорее всего, не будет. Не в ближайшие годы. Волга и ее бассейн — гигантское непаханое поле. Тут еще десяток таких компаний сможет разместиться, не мешая друг другу.

Саратов я покидал уставшим, но довольным. Дело наше движется, и движется в правильную сторону.

Москва встретила меня морозом, сугробами и ясной солнечной погодой. Такого оживления на вокзале я прежде не видел. Отвык я, что ли? Да нет, не отвык, народу действительно очень много. Вдоль путей, занимая все лавочки и ближайший сквер, разместилось несколько сотен мужчин, женщин, ребятишек и даже стариков с мешками, сундуками и сумками. Они сидели у костров, грелись и готовили еду. За ними присматривали городовые.

— Кто это? — поинтересовался я у долбящего ломом лёд дворника. Архип Снегирев

поставил чемоданы и пошел нанимать извозчика.

— Так это, ваше высокоблагородие, переселенцы, значит. Переселяются в город Саратов. Во как! — дворник поначалу удивился, что к нему обратился целый подполковник, а затем приосанился от резко возросшего чувства уважения к собственной персоне.

— А зачем?

— А кто их знает? Приказ, значит, такой вышел. Сам Государь Ампирактор подписал! А мы люди маленькие, всего не знаем, ваше высокоблагородие.

Разговор с умным дворником, слабо разбирающимся во внутренней политике общества, продолжался бы еще Бог знает сколько времени, но я просто отошел в сторону. Все это обозначало, что цесаревич Николай без дела не сидит и из Московской губернии в Саратов отправились первые переселенцы. Ну да, Волков мне же рассказывал, что в окрестностях города целую деревню на пустом месте построили.

Как же я был рад увидеть Москву и почувствовать настоящую русскую зиму! Снег скрипел под сапогами, от дыхания прохожих, извозчиков и лошадей поднимался пар. Пахло горячим сбитнем и свежими баранками. Как же я по всему этому соскучился!

Но еще больше соскучился по родным. И когда перешагнул порог дома, услышал радостный крик Полины и буквально бегущую навстречу маму, ощутил безграничное счастье.

От моих многочисленных подарков родные охали и радовались, как дети. Кажется, я всем сумел угодить. Привечали меня самым наилучшим образом. Мама постоянно интересовалась, не голоден ли я и сетовала на мою якобы худобу. Отец интересовался политикой, военным делом и культурой Средней Азии. Из Москвы приехал Митька. Окончив Университет, он смог устроиться в газету «Московские ведомости» и ныне уже дослужился до одного из помощников главного редактора, знаменитого публициста Каткова.

С Митькой мы замечательно проводили время — сходили в баню и на зимнюю рыбалку, болтали обо всем подряд и придумывали кучу интересных дел. Брат, словно мальчишка, любил по-доброму подтрунивать над сестрой.

— Ну что, невестушка, когда свадьбу со Скобелевым будете играть? — обычно интересовался он у Полины, чем постоянно вгонял ее в краску. — Ох, как мне не терпится погулять и племянников понянчить!

— Да будет тебе, Митя, — она старалась переводить такие разговоры в шутку. — Иди лучше статьи для своей газеты пиши. Публика ждет.

— Как мне кажется, учеба в институте привила тебе лишнюю впечатлительность, — задумчиво добавлял я, внимательно осматривая ее с ног до головы.

— Это не впечатлительность, а скромность. А скромность дам украшает, — замечала мама. — Давайте лучше чай пить.

— Да, с этим не поспоришь, — я обнимал сестру, чтобы не дулась, и мы шли пить чай. Горячий, с лимоном и вареньем, а иногда и с ромом. Отцу такое сочетание особенно нравилось.

Гости приезжали к нам каждый день. Веселые посиделки за столом затягивались и плавно перетекали в ужин с самоваром и вишневым наливкой. Семье и гостям очень нравилось слушать «азиатские» рассказы.

Родные всячески уговаривали меня остаться, сходить вместе на Рождественскую службу, а затем и Рождество встретить, но я отказался. Мне свою судьбу пора решать, а праздников на наш век еще хватит.

10 декабря я отправился в Петербург, предвкушая, как увижу Катю. Но Крицких дома не оказалось.

— Уехали к тайному советнику Терентьеву в его имение, — сообщила мне прислуга, молодая симпатичная девушка в белоснежном переднике. — Обещались вернуться на Рождество, отмечать будут, гостей пригласили.

Я немного расстроился, хотя сам виноват — стоило лишь написать, когда приеду в столицу и Катя уговорила бы родных остаться в городе. Сюрприз хотел сделать... Сделал, называется.

Но зато у меня появилось свободное время. Взяв извозчика, я отправился к Баранову.

У инженера все было в порядке. Прибыль за один лишь последний месяц составила около двух тысяч рублей. И главное, телефонная линия до Москвы практически закончена, а под наше Московское представительство выкуплена часть дома купца Попова на Кузнецком мосту. Там будет находиться контора и коммутаторная.

— А вы великолепно потрудились, Владимир Оттомарович, — похвалил я его. — И премию заслужили, и выход в ресторан. Но у меня вопрос — нет ли возможности снизить стоимость наших аппаратов?

— Возможность такая есть, — не скрывая гордости, заметил инженер. — Я придумал, как совместить в одной трубке микрофон и динамик, а так же нашел способ уменьшить вес и размер всей конструкции.

Он развернул передо мной чертеж. В телефонах, в отличие от кухонь, я понимал куда меньше, так что просто поверил его расчетам и дал добро.

С Барановым мы беседовали целый вечер. Я вникал в детали и изучал бухгалтерию, не поленившись на следующий день посетить мастерскую и телефонную станцию, где трудились образованные и милые девушки, которых в России уже успели прозвать «телефонными барышнями». Требования к ним предъявлялись строгие. Они должны быть воспитанными, терпеливыми, вежливыми, а так же знать английский или французский язык. Работа у них была непростая — множество звонков за день, смены по восемь часов, недовольные качеством звука клиенты и один выходной в неделю. Правда, Баранов платил им по 40 рублей, что выглядело не так уж и плохо.

— Да у вас тут настоящий цветник, — восхитился я, глядя на длинное помещение, вдоль одной из стен которого располагались столы, телефонные аппараты и многочисленные прелестные барышни в строгих платьях и с хорошими прическами. — Сюда бы поручика Ржевского!

— Цветник? А что, пожалуй, вы правы, дамы у меня действительно подобрались милые. Кстати, не просветите, кто такой этот поручик Ржевский? Анекдоты про него стали весьма популярны в Петербурге. Может, вы его знаете, как гусар гусара?

— Конечно, знаю, но это тайна, покрытая первобытным мраком, — бодро ответил я, изо всех сил стараясь не засмеяться.

Меня в положении дел «Державы» устраивало все, кроме конечной цены наших аппаратов. Сейчас телефон считался роскошью, а не средством общения. Позволить его себе могли лишь самые обеспеченные люди. Но с эти приходилось мириться. Нынешняя Россия — все еще аграрная страна. У нас есть дешевая осетрина и черная икра, а вот любой маломальский сложный прибор стоит куда дороже, чем в Германии или Англии.

А затем мы с Барановым отправились в ресторацию «Контан». Водки здесь не подавали, но зато в наличии имелся превосходный выбор ликеров, вин, токая и киршвассера*.

Жил я в гостинице «Знаменская» на одноименной площади, оставив данные о своем местоположении в канцелярии Военного Министерства. Именно оттуда пришел вестовой с приказом явиться к генерал-лейтенанту Обручеву к десяти часам утра следующего дня.

Обручев являлся правой рукой министра Милютина и занимал ряд должностей. В частности, он руководил Военно-ученым комитетом, сокращенно ВУК. Под этим неприятзательным названием скрывалась вся военная разведка Российской Империи.

К Обручеву я отправился с чувством легкого любопытства. Похоже, на меня хотят посмотреть, а может и задание дать.

В приемной перед кабинетом Обручева постоянно находилось два делопроизводителя и подтянутый молодцеватый адъютант поручик Хладов. Здесь стояли тяжелые дубовые столы, на окнах висели шторы, паркетный пол натерли так, что он блестел, а на одной из стен висели портреты императора и цесаревича. И здесь же находилось несколько офицеров.

— Михаил! Дмитрий Николаевич! — я с радостью пожал руки Скобелеву и Шауфусу. Вот кого-кого, а увидеть их здесь я совсем не ожидал. Но тем приятней оказалась встреча. — Господа, здравствуйте! — следом я обратился к остальным офицерам. Некоторых я знал, о ком-то слышал, двух видел в первый раз.

Минут пять, пока не наступило ровно десять часов, мы разговаривали, спрашивая друг друга о здоровье и всем прочем, включая цели, по которой нас всех здесь собрали. Самым младшим из нас по званию оказался казачий есаул Петр Краснов из Войска Донского. Адъютант Хладов опросил нас, узнавая фамилию и чин, сверился со списком, после чего осторожно приоткрыл дверь и скрылся в кабинете генерала.

— Потерпите, господа, сейчас все узнаете, — успокоил невозмутимый Шауфус. Судя по его виду, он-то знал о цели собрания.

Внушительные напольные часы на львиных лапах принялись отбивать десять часов. Широкие двустворчатые двери раскрылись и нам предложили пройти внутрь.

Генерал-лейтенант Обручев выглядел серьезно. Высокий, плечистый, с прямым и твердым взглядом, широкими усами и бакенбардами, которые в народе называли «верноподданническими», он казался человеком не только умным, но и властным. Его мундир украшали многочисленные ордена, а на плечах солидно смотрелись эполеты со знаками различия генерал-лейтенанта. Рядом с ним находились генерал-майор Фельдман, полковник Супрунов и подполковник Паренсов.

— Доброе утро, господа, — Обручев внимательно оглядел вошедших офицеров. Мы выстроились перед ним в шеренгу, вытянувшись строго по уставу. — Я рад вас видеть. Всех вас я знаю, кого очно, кого заочно и не раз читал ваши рапорты и донесения. Все мы разведчики, так что начнем резво, по-армейски.

Обручев говорил неторопливо, обдумывая каждое слово. Повод для встречи оказался приятным. Штат ВУК расширили, соответственно подняв «потолок» ряда должностей. В составе ВУКа так же оставалось два отделения, Европейское и Азиатское, но теперь эти должности занимали не полковники, а генерал-майоры, а Обручев стал генерал-лейтенантом.

— Итак, господа, сегодня у нас имеются и персональные поводы для радости. Полковнику Шауфусу присвоен чин генерал-майора, с этого дня он возглавляет Азиатское направление.

— Служу Царю и Отечеству! — вытянулся Шауфус.

— Подполковник Скобелем производится в чин полковника.

— Служу Царю и Отечеству! — шелкнул каблуками Михаил.

— Подполковнику Соколову вручается орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

— Служу Царю и Отечеству! — повторил я за товарищами.

— Есаул Краснов награждается орденом Святой Анны 3-й степени с мечами.

— Служу Царю и Отечеству! — гаркнул донской казак.

Прочих приглашенных офицеров так же наградили — очередным званием, орденом или должностью.

В русской разведке начала закладываться любопытная традиция. Неважно, в каком полку, и в каком подразделении ты служишь. Служи и дальше, одновременно работая на разведку. И тебе не обязательно переходить в штат ВУКа. Как по мне, это было правильно.

Генерал прошелся вдоль шеренги, пожимая нам руки. Следом вручали медали «За Хивинский поход 1873 г». Я получил сразу две, свою и Снегирева. Хорошо, что о нас не забыли. И хотя такие награды вручались всем участникам похода, от рядового до Кауфмана включительно, все равно приятно.

Правда, 4-й Владимир казался куда весомей. Офицеры именно его считали первой действительно «стоящей» наградой. Ну, это не принимая в расчет Георгиев, естественно.

В моем наградном приказе имелась следующая формулировка: «за труды, понесённые во время Хивинского похода, неоднократное участие в авангардных стычках и бое при Кокчуке, а также дальнейшее нахождение в Хиве, направленное для вящей пользы отечества...». Все верно, потрудился я неплохо.

Обручев властно кивнул, и в руках Хладова появилась бутылка коньяка. Раздалась первая шутка. Мы решили, что раз появился такой замечательный случай, то сам Бог велел его отметить. Выбор остановили на ресторане первого класса «Донон». Но вначале генерал-лейтенант Обручев повел Шауфуса для официального представления военному министру Милютину.

«Донон» выглядел великолепно. Хрусталь, паркет, накрахмаленные салфетки, румынский оркестр и первоклассная кухня могли удовлетворить самый притязательный вкус.

Кормили тут превосходно, а сам ресторан был известен тем, что Академия наук устраивала здесь декабрьские приемы, а так же собирались художники «Товарищества передвижных выставок».

Наша компания во главе с тремя генералами заняла лучшие места. В «Дононе» разных гостей видели, сюда и министры иной раз заходили, но и генералов трудно было причислить к обычной публике. Поэтому и отнеслись к нам со всем возможным вниманием.

Хорошо гуляли, хоть и сдержанно. Затем Обручев, Фельдман и Шауфус нас покинули, и градус веселья резко подскочил вверх.

— Пора нам окультуриваться, — немного путанно заявил есаул Петр Краснов, давая знак официанту поставить на стол очередную бутылку. — Верно ведь, господа?

— Верно! — дружно заревели подгулявшие офицеры. И мы принялись «окультуриваться», серьезно и основательно.

Следующий день выдался тяжелым. Да и проснулся я уже в обед. Два стакана горячего, с лимоном чая, сумели вернуть мне человеческий облик. Время тянулось нестерпимо медленно. Отправившийся на рекогносцировку Снегирев вернулся и сообщил, что Крицкие вернулись и сейчас в их дом уже собираются гости.

— Ты не говорил, кто тебя послал? — требовательно спросил я, желая порадовать Катю неожиданным сюрпризом.

— Никак нет!

— Молодец, гусар! С Рождеством тебя! Держи «петеньку»*. Можешь гулять, Архип, сегодня ты мне больше не понадобишься.

— Премного благодарен, вашвысокобрагородие, — лицо Снегирева расплылось в довольной улыбке. Я точно знал, что один он не останется, знакомых и товарищей у него хватало, ему будет с кем отметить праздник.

Наконец, я облачился в безупречно выглаженную Архипом черную форму Бессмертных гусар, нацепил на себя все свои регалии и награды, надушился одеколоном, накинул шинель и отправился к Кате Крицкой.

Подмораживало. Подул неприятный ветер. На город надвигались сумерки. Я немного прошелся по проспекту, окончательно приходя в себя. В душе играл победный марш, я знал, что выгляжу хорошо. Красноречивые взгляды встречных барышень как нельзя лучше подтверждали самооценку. Все награды и звания мною заслужены честно, стыдиться нечего. А форму гусары умеют носить так, как никто иные.

В одном из магазинов на Невском проспекте я купил букет живых цветов. Приказчик завернул коробочку с подарочным кольцом в красивую бумагу. А затем я взял извозчика и поехал в доходный дом на Сергиевской улице.

Сегодня было 25 декабря, Рождество. Кругом слышался радостный смех и шутки. В глаза попало несколько рождественских елок. Детишки с визгом катались на горках. Румяные от мороза девушки торопились закончить последние дела и побыстрее сесть за стол. Офицеры, купцы, солидно одетые гражданские и разночинцы покупали последние подарки. В магазинах выстроились очереди. Атмосфера праздника и веселья охватила столицу.

Вторым заводом* — Соколов ошибается, на Волге в то время уже существовало три или четыре подобных завода, правда, не очень крупных.

Киршвассер* — крепкий алкогольный напиток на основе черной черешни с косточками.

Петенька* — пятьдесят рублей. Купюру 1866 г. прозвали так за изображение Петра I на реверсе.

Последние месяцы Катя Крицкая чувствовала себя плохо. Приближался самый тяжелый день в её жизни. На Рождество ощущение безысходности и неправильности происходящего стало всеобъемлющим.

Княжна улыбалась, делала вид, что все прекрасно, но ее сердце буквально обливалось кровью. Она знала, что жизнь ее пошла как-то не так, неправильно, и с ужасом ожидала развязки.

Все закрутилось в чудовищный клубок, где любовь, надежды, послушание родителям и страх сплелись с такой узел, что и не разберешь, как его распутать. Да и можно ли распутать?

А гости тем временем прибывали и прибывали. Князь Крицкий пригласил на Рождество своих родственников, многочисленных друзей и хороших товарищей. В квартиру гости заходили радостные, румяные с мороза, обменивались подарками, шутили, а на сердце Кати неподъёмным грузом лежал тяжкий камень.

— С рождеством тебя, милая кузина! — поздравил ее двоюродный брат Евгений, щеголяющий майорскими погонами лейб-гвардии Семеновского полка. — Что-то ты не в духе! А где Достаккий?

— Опаздывает по своему обыкновению, — Катя пожала плечами. В гостиной было шумно, гости переговаривались и неспешно беседовали, попивая ликеры и ожидая опоздавших, предвкушая великолепный ужин за праздничным столом. За окнами темнело зимнее небо. В доме хорошо натопили, было жарко, но княжна чувствовала, что ее начинает потрясывать.

И тут, несмотря на шум, Катя услышала, как в дверь квартиры постучали, громко и уверенно. Она вздрогнула и поняла — начинается.

— Да что с тобой? — удивился Евгений. — На тебе лица нет.

Катя промолчала, закусив губу и с ужасом смотря на дверь гостиной. Маменька бросила на нее встревоженный взгляд, но молодая княжна не обратила на него никакого внимания.

— Здравствуйте, господа, — в гостиницу вошел Миша Соколов. В руках он держал букет роз, а выглядел так чудесно, что у Кати чуть слезы из глаз не брызнули. Черная гусарская форма, ордена, погоны, южный загар, спокойный взгляд... Почему судьба оказалась такой жестокой? — Поздравляю вас с Рождеством!

Он говорил, улыбаясь и оглядывая зал. А потом встретился с ней глазами и словно споткнулся. Катя не знала, как выглядит со стороны, но, наверное, Миша что-то в ней увидал. Что-то такое, от чего с его лица сползла улыбка, а лицо окаменело. Звенящая тишина опустилась на гостиницу.

— Князь, княгиня, вы позволите поговорить с Екатериной Олеговной тет-а-тет?

— Право, я даже не знаю, — отец, который в сложных ситуациях всегда становился рохлей, спасовал и на сей раз. Он сглотнул, а затем посмотрел на супругу, ища поддержки.

— Я не вижу смысла в такой беседе, — властно заметила мама, смело выступая вперед. — Моя дочь помолвлена, беседовать с вами она может лишь в присутствии своего жениха.

Слова прозвучали. Лицо Соколова застыло, как восковая маска, в нем появилась какая-то бесконечная усталость, боль от того, что его предали. Катя и сама не знала, как ее сердце

не разорвалось в тот миг.

— Помолвлена... Вот как... И все же мы поговорим, — Соколов поднял голову и обвел присутствующих таким взглядом, что даже властная маман не нашлась, что сказать. — Екатерина Олеговна, прошу вас уделить мне пять минут.

— Как вам будет угодно, — не поднимая головы, Катя прошла в одну из свободных комнат, пропустила вперед Мишу и прикрыла двери, провожаемая взглядами гостей.

Они молчали. Наверное, молчали больше минуты. Девушка сложила руки перед собой и сжала пальцы до хруста, боялась поднять голову. Она видела лишь начищенные черные сапоги Соколова. Молчал и он.

— Что случилось, Катя? — тихо спросил Миша. — Что с тобой случилось?

— Прости меня, прости, — и тут она не выдержала и тихо зарыдала. Слезы потекли по щекам, она оплакивала свою слабость и горькую судьбу. Она оплакивала свое потерянное навсегда счастье.

— Посмотри на меня, — его рука бережно подняла её подбородок. Он поцеловал ее щеки, раз и два, стирая слезы. И совсем тихо добавил. — Рассказывай.

— Почему ты не приехал четыремя месяцами раньше? Почему? Тогда еще можно было все изменить. Почему не писал?

— Я писал. Два письма я отправил из одной лишь Хивы.

— А я ничего не получала. Возможно, маменька с ними что-то сделала, не знаю, — мысли девушки путались. А затем плотина внутри нее рухнула, слова полились одним потоком. — Маменька весь последний год твердила, что мы с тобой не пара, что ты гусар, а гусары долго не живут. Ради счастья нашей семьи она просила меня одуматься и пожалеть её. Пожалеть ее слабое сердце и душевный покой. Я держалась, честно держалась, но она каждый день внушала, что с тобой мне счастья не видать. И я не смогла ей отказать. На мой день рождения я была помолвлена. Я не смогла отказать! Прости меня Мишенька!

— И кто он?

— Граф Ростислав Достацкий.

— Ясно... Расторгни помолвку, Катя, опомнись, все еще можно изменить, — он поцеловал ее в губы. В тот момент они были у нее ледяными. — Ты не обязана рушить свою судьбу и слушать мать. Одумайся, прошу тебя, ради нашей любви!

Столько было настойчивости и нежности в последних словах, что слезы потекли с новой силой.

— Я не могу... Уже не могу! Нам не быть вместе, прости меня, прости, пожалуйста, прости, — ноги ее подкосились. Она бы упала на пол, если бы не рука Миши. Он подвел ее к оттоманке и усадил.

— Подумай еще раз, Катенька! — попросил он.

— Я дала слово, мама устроила наш брак с Достацким, ничего не изменить. Свадьба через месяц. Прощу тебя, Миша, не мучь меня больше, я сейчас умру!

— Ты ничего мне не написала. Ни строчки!

— Я испугалась, у меня не хватило смелости, — девушка рыдала. — Я ненавижу себя за то, как с тобой поступила, я не достойна тебя...

— А как же наши мечты?

— Они разбиты! О, Боже, Миша, умоляю тебя, не смотри на меня так. Прости меня... и уходи. Пожалуйста! Я сейчас сойду с ума!

— Я желаю тебе счастья, — после молчания, которое продолжалось целую вечность,

сказал он. — Прощай!

И Миша ушел, оставив на столе букет цветов и какую-то коробочку в красивой обертке.

Обессиленная Катя Крицкая откинулась на спинку и закрыла глаза. Голова кружилась, в висках бухало. Бум-бум-бум, от этого звука она думала, что сердце ее разобьется. В тот момент она хотела, чтобы оно разбилось, и этот кошмар закончился. Она знала, что предала любимого человека, предала любовь. Предала потому, что не могла сказать «нет» маменьки и Достоевскому. Предала потому, что оказалась слабой и не смогла бороться за свое счастье и за свою жизнь. Предала, потому что не смогла подождать еще немного, три или четыре месяца.

Кажется, она потеряла сознание. Издалека она слышала встревоженные голоса, кто-то кричал, чтобы срочно позвали доктора, а она плыла, как в горячей воде. Мысли путались, перескакивали с одного на другое и последнее, что почувствовала девушка, это как ее перенесли на кровать.

* * *

Я вышел из квартиры князей Крицких, держа в руке фуражку и забыв застегнуть шинель. Кажется, швейцар открыл передо мной тяжелые дубовые двери парадной. Не знаю, не помню.

Ветер бросил в лицо пригоршню снега. Все казалось странным, нереальным. Город, фигурки людей, ямщики и лошади, они изменились, став неправдоподобной карикатурой на самих себя. Такого ошеломления я никогда ранее не ощущал. Перед глазами все плясало.

Мысленно я вернулся в прошлое и увидел, как мы с Катей кружимся в вальсе, а ее чудесные глаза полыхают прямо передо мной, полыхают любовью. Я помнил ее мягкие губы и тонкие длинные пальцы, я помнил, как она смотрит на меня, слышал ее шепот «береги себя». Заново увидел, как она перекрестила меня, когда я уезжал в Ташкент.

Какой-то туман приглушил все мои чувства. Я шагал, сам не зная куда. Сердце превратилось в ревуший клубок боли.

— Эй, куда прешь, холера! — из темноты выскочил извозчик. Заскрипели полозья. Он закричал, остановив лошадь в самый последний момент. Животное даже успела толкнуть меня грудью, но совсем не больно.

Я сделал шаг назад и поднял голову. Только сейчас извозчик сумел разглядеть меня. Не знаю, что он увидел в моем лице, но неожиданно перекрестился, побледнел и принялся частить.

— Извиняйте, ваше высокоблагородие! Не признал вас сразу, вон как метель-то разыгралась. Просим прощения, только не убивайте.

У меня и в мыслях не было его убивать. Я просто пошел дальше, а его как ветром сдуло, вместе с лошастью и санями.

— Пойдите, господин подполковник, — тут я почувствовал, как меня тронули за руку и обернулся.

Передо мной стоял граф Достоевский — высокий и статный блондин, красавец и хозяин внушительно состояния. Он был без верхней одежды, лишь во фраке и лакированных ботинках, судя по всему выскочивший за мною второпях.

— Что вам угодно? — бесконечная усталость буквально лишила меня всех чувств.

Краски мира выцвели, а эмоции пропали. Я и сам не знал, почему к графу, к тому, кто забрал у меня Катю, не чувствую вообще ничего. Абсолютно! Я смотрел на него, как на пустое место.

В голове проскочила мысль — надо сражаться за свою любовь, за свое счастье. Жизнь не терпит слабаков и презирает тех, кто жалеет себя. Но зачем сражаться, если меня просто забыли, отодвинули в сторону, проигнорировали? Катя не смогла и не захотела дожидаться моего приезда. Она даже не решилась сказать мне правду! Сражаться надо с ней, а не с Достакким. Он всего лишь пешка на доске.

Всего две строчки, одно слово «приезжай» и я бы бросил надоевшую Хиву и примчался к ней в Петербург. Но Катя ничего не написала. Не предупредила, не позвала, не попросила моральной поддержки. И как подобное расценивать? От обиды на девушку и уязвленной гордости, словно мне надавали пощёчин, перехватило дыхание.

— Вы явились без приглашения в дом князей Крицких, вы довели до белого каления мою невесту, ей вызвали доктора, а ее мать пережила самый тягостный день в своей жизни.

— Что вам угодно? — повторил я, чувствуя, что в душе начало что-то просыпаться. Не знаю почему, но я положил руку на рукоять сабли и граф сделал шаг назад.

— Я требую сатисфакции, — тем не менее, твердо заявил он. Его голос, которым он так красиво пел романсы, буквально звенел от злости.

— Вы? Салонный шаркун требует сатисфакции от боевого офицера? — граф от возмущения захлопал ртом. — Вы ее получите. Присылайте секунданта, я остановился в гостинице «Знаменская», в девятом номере.

А затем я ушел, оставив графа стоять на метели.

Три дня я не вылезал из номера и просто пил. Знаю, алкоголь не может ни в чем помочь, он лишь усугубляет настроение, но я пил, пил как капитан Питер Блад в романе Сабатини, оплакивая свою единственную любовь — Арабеллу Бишоп.

Вот и я оплакивал свою любовь. Привыкнув за последние годы, что у меня все получается, я размяк, потерял форму, разучился держать удар. Но жизнь — она жестокая сука, и не всегда бывает так, как мы задумывали. К тому же, было невыносимо горько от того, что захоти я, прояви свою способность и все бы изменилось в один миг. Мне стоило лишь вспомнить, как внушать людям необходимые тебе мысли. Но я так не сделал, понимая в душе, что поступил правильно, не став навязывать любимой девушке свою волю. И все же раз за разом я возвращался к упущенной возможности.

Крицкая прислала мне обратно коробочку с перстнем. В короткой записке она сообщала, что «по очевидным причинам не может принять мой подарок». Я сжег в камине и записку, и коробку с кольцом.

Прийти в себя помог Георгий Скалон, мой друг со времен Старой Школы. Он каким-то образом выяснил, что я в столице и остановился в гостинице «Знаменская».

— Заканчивай хандрить, Миша! — сказал он. — Ты пережил тяжелый удар, но жизнь продолжается. Вставай, пойдем прогуляемся.

Я ответил ему грубо, сказав, чтобы он выметался из номера и убирался к чертовой матери. Друг не обиделся. Вместе с Архипом он заставил меня принять душ, побриться и наконец-то выбраться в город.

Мы сидели в кафе, пили кофе и молчали — разговор не клеился. Но я чувствовал, что немного ожил.

— Прости меня, старина, — вздохнув, я положил руку на плечо Скалона. — В номере я

погорячился, вел себя как последняя свинья.

— Пустое, мы же друзья, Миша. Я понимаю, тебе сейчас не просто.

— Ты знаешь, что со мной случилось? — только сейчас удивился я.

— Ваша с княжной Крицкой история наделала немало шума в высшем свете. Не поверишь, но у тебя появилась множество поклонниц, которые готовы отдать тебе свою руку и сердце.

— Вот об этом сейчас ты мне лучше ничего не говори, — остановил я Георгия. — Кстати, граф Достацкий вызвал меня на дуэль. Будешь моим секундантом?

— Буду, — после раздумий твердо сказал он. — Но ты понимаешь, чем тебе это грозит? Если останешься жив, тебя разжалуют и сошлют на Кавказ или в Сибирь. Ты погубишь свою блестящую карьеру. Подумай об этом.

— И что, предлагаешь отказаться от вызова? Показать себя трусом? Это будет еще хуже, — я допил кофе.

— Да, ситуация сложная, — он нахмурился и принялся барабанить пальцами по столешнице.

— Кстати, а где Звегинцов?

— Уволился наш Коля по болезни. Так все хорошо начиналось, стал ротмистром, но сердечко подвело. Он ушел в отставку и уехал в Новохоперск, там у него семейное имение.

— Расскажи подробнее, — потребовал я, чувствуя солидарность к другу. Да, не одному лишь мне судьба подножку ставит. Если так разобраться, каждый час, каждую минуту в стране кто-то страдает. От смерти близких, от болезни, от неудач и ошибок. Люди мучаются, плачут, но мы не видим их боли, она словно происходит за занавесом в другом мире. И лишь когда беда приходит в наш дом, она заставляет открыть глаза и переосмыслить жизнь

Как я и просил, Скалон встретился с секундантом Достацкого. Я не знал его имени, да и плевать на него хотел.

Скалон передал Достацкому, что как только подполковник Соколов разберется с неотложными делами, то сразу же сообщит, где и когда он готов дать сатисфакцию.

Я не боялся и не тянул время. Сестра и Скобелев прислали мне приглашение на свадьбу, и мне совсем не хотелось портить Полине и Мише такой чудесный день. Пусть венчаются и уезжают в медовый месяц, пусть уезжают туда, где жизнь беззаботна и радостна, а я тем временем встречусь с Достацким.

Венчание происходило в Москве, в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот. Когда-то здесь происходила аналогичная процедура, в которой принимали участие Александр Пушкин и Наталья Гончарова.

— Что-то ты плохо выглядишь, Миша, — заметила мама. Она, отец, Митька, я, ряд наших дальних родственников, Хмелевы и Старобогатовы представляли сторону невесты.

Скобелев позвал примерно столько же гостей. Отца, мать, сестру Надежду и ее мужа князя Белосельского-Белозерского, сестру Ольгу и ее мужа Шереметьева и еще одну, самую младшую сестру Зинаиду, а так же парочку боевых товарищей.

— Устал немного, — ответил я, улыбаясь через силу. Полина переживала самый счастливый день в своей жизни, и мой кислый вид явно не вписывался в атмосферу праздника. Сестра и так время от времени кидала в мою сторону пытливые взгляды. Естественно, семья знала о разрыве с Крицкой. Знала, но тактично молчала, не пытаясь залезть в душу.

Венчание прошло прекрасно — торжественно, благопристойно и радостно. Одетая в

белое платье, перешедшие от бабушки и мамы дорогие кружева, туфельки и фату Полина буквально светилась от счастья. Облаченный в мундир, с многочисленными орденами, полковник Скобелев выглядел мужественно и несокрушимо, олицетворяя настоящего мужчину. Мне понравилось, что он не стал надевать фрак, предпочтя форму, которая являлась его истиной сутью.

Я желал Полине и Михаилу всего самого наилучшего, счастья и, конечно же, многочисленных деток. Я не считал себя верующим человеком, но глядя на иконы и лики святых почувствовал некоторое облегчение. До окончательного выздоровления было далеко, но в тот день я сделал первый шаг.

Свадебный пир проходил в доме Скобелевых на Староконюшенном переулке. Я и не знал, что у них в Москве есть какая-то собственность. Хотя, они род богатый, и не такое могут себе позволить.

Молодые кланялись родителям, целовали их и принимали благословение. Затем они по очереди угощали всех присутствующих игристым вином и кусочком медового пряника. Гости в ответ отдаривались подарками. По давней традиции свадебный пир открывался вальсом молодых.

— Вот мы и породнились, Миша, — радостный и хмельной Скобелев обнял меня, когда во время одного из перерывов мы вышли на улицу глотнуть свежего воздуха. О предстоящей дуэли друг ничего не знал. — Признаюсь, я этому невероятно рад.

Нас окружала старая патриархальная Москва. Узкий Староконюшенный переулок выглядел мило и уютно. Из труб поднимался дымок, снег поскрипывал под ногами прохожих.

— И я рад, и желаю вам счастья, — в очередной раз заверил я. Мы обнялись и расцеловались. Все же Скобелев был удивительным человеком — бесстрашие, суровость, кипучая энергия и выдающийся ум сочетались в нем с удивительным патриотизмом, сентиментальностью и верой в приметы.

На следующий день гости дарили молодоженам подарки и кушали десерт с легким вином. А затем Михаил и Полина отправились в медовый месяц. Сначала в любимую Скобелевым Францию, Париж и Ниццу, а после в Италию.

Я же сел на поезд, вернулся в Петербург и отправил Скалона к Достоевскому. Дуэль наша должна была произойти рядом с Волковой деревней, на так называемом Волковом поле. В качестве оружия я выбрал сабли.

Дуэли находились под запретом, а тех, кто в них участвовал, подвергали опале и часто отправляли в ссылку. Из оружия выбирали сабли, шпаги или пистолеты. Последние были самые популярные.

Но я остановился на сабле, своем любимом холодном оружии. Саблей есть возможность в определенной степени контролировать схватку, не доводя ее до крайности. Пистолет в этом плане куда смертоносней, пуля может попасть в пах, живот, горло или другой орган и все, смерть человеку обеспечена. А смерти я не хотел. Ни своей, ни, как бы это странно не звучало, Достоевского.

Чего я добьюсь, убив графа? Катя после такого все равно ко мне не вернется, жизнь пойдет под откос и все планы рухнут. Только месть способна хоть как-то оправдать то, что может случиться.

На самом деле, мести я окончательно со счетов не списывал, решив посмотреть, как будет проходить схватка, и действовать по обстоятельствам. У меня даже план появился, что

если все пойдет по самому плохому сценарию, а я останусь в живых, то плюну на все и уеду, к примеру, в Америку.

Дуэль назначили на 15 февраля, на семь часов утра. Денек выдался паскудным. Дул пронизывающий ветер, шел снег. Солнце поднималось словно нехотя, тусклым пятном просвечивая сквозь тучи.

— Собачья погода, — закуривая, заметил Скалон.

Мы прибыли первыми, за пять минут до установленного времени, воспользовавшись нанятым извозчиком и его пролёткой. Кажется, он начал догадываться, в какую историю его втянули, и удовольствия ему подобное не доставило. Я дал ему пять рублей. Деньги смогли помирить извозчика с тем, что могло произойти.

Скалон захватил с собой две совершенно одинаковые сабли, а заодно различные бинты, лекарства и все прочее, что могло понадобится. Извозчик кутался в бараний тулуп с красным кушаком и сидел в пролётке саженой в ста от нас.

Достацкого и его секунданта все еще не было. Я снял шинель, взял одну из сабель и закрутил восьмерку, разминая кисть.

Некоторое время ничего не происходило. Скалон докурил папиросу и теперь стоял молча, наблюдая за мной и округой. Я же прекрасно размялся и даже согрелся.

— Кажется, едет кто-то, — негромко заметил друг. — Коляска, странно, что внутри всего один пассажир. А, это статский советник Уютнов, секундонт графа.

Уютнов оказался невысоким подтянутым и спокойным господином с безукоризненными манерами и наметившимся брюшком.

— А что, графа Достацкого все еще нет? — удивился он, вылезая из коляски и останавливаясь от нас в десяти шагах.

— Нет, — Скалон покачал головой.

— Странно. Мы с ним расстались в городе час назад. Он сказал, что ему необходимо докончить какие-то дела, и что меня догонит.

— Не догнал, — с безразличным видом заметил Георгий. — Пока у нас есть время, извольте осмотреть оружие.

Уютнов мельком проверил сабли и отошел в сторону, поглядывая на дорогу. Минуты текли одна за другой. Скалон вытащил брегет и щелкнул крышкой.

— Пятнадцать минут восьмого, Миша, — сказал он. Уютнов дернул щекой, но ничего не сказал. Промолчал и я.

Замерзнув, я вновь взялся за саблю. Уютнов закурил, отойдя саженой на двадцать в сторону. Скалон приблизился ко мне и понизил голос.

— Прошло достаточно времени, Миша. Соперник не явился. Мы можем уехать, твоя честь не пострадает, — заметил он.

— Подождем, — ответил я.

И вновь небольшая полянка погрузилась в тишину. Лишь где-то вдалеке чирикали птички. Прошло полчаса, Достацкий так и не появился и у меня начало закрадываться подозрение, что граф просто испугался.

На дуэли иной раз опаздывали, хотя подобное считалось дурным тоном. Как же, такое важное событие и ты запоздал, заставив людей ждать. Иногда так случалось в силу обстоятельств или отсутствия пунктуальности. Вместе с тем некоторые люди использовали данную уловку, чтобы избежать дуэли. Дескать, я просто не успел, меня задержали.

В минуту, когда чувства бушуют, а человек не совсем понимает, что делает, горячие

головы вызывали врагов на дуэль. Но затем проходит некоторое время, человек приходит в себя, переосмысливает ситуацию с совершенно иных позиций и понимает, что драться ему совершенно не хочется. И не хочется рисковать всем ради обиды, которая не так уж и велика, если разобраться.

Не знаю, оказался ли Достоевский трусом или его действительно задержали неотложные дела.

— Михаил, уже половина восьмого, — еще раз напомнил Скалон. Я видел, как друг переживает за меня. Переживает за то, что может случиться непоправимое. Я мог со спокойной совестью покинуть Волково поле, и никто бы не посмел меня в чем-то упрекнуть.

— Еще минутку, — попросил я, поднимая голову к Небесам.

«Боже, если ты меня слышишь, дай знак, стоит ли мне уезжать? Ты читаешь в людских сердцах, как в открытой книге, так загляни же в мое сердце, — я никогда не умел молиться, хотя знал «Отче наш» и еще несколько молитв. Мне всегда нравилось самому решать свою судьбу. Но в тот момент что-то шевельнулось в душе, и я поступил так, как поступил.

Поначалу ничего не происходило, я продолжал смотреть в небеса, ловя лицом снежинки. А затем свинцовые тучи разошлись, разошлись буквально на миг. Зрелище оказалось удивительным! Сквозь снегопад показалось маленькое пятнышко голубого неба. Узкий солнечный луч как клинок прошелся по дальнему полю. Солнце просияло и тут же скрылось за тучами, а ветер задул с новой силой.

Внутри меня будто что-то оборвалось. Или проросла новая надежда, уж как посмотреть. Возможно, я стал свидетелем самого заурядного явления, а возможно, и нет. Что если это действительно была подсказка некой высшей силы?

— Едем, Георгий, — решил я.

— Слава Богу! — друг выдохнул, а затем повысил голос. — Граф Достоевский повел себя недопустимо, господин Уютнов, нарушив все договоренности. Мы не можем больше ждать.

— Господа, еще несколько минут.

— Мы и так уже прождали более получаса, — покачал головой Скалон. — Мы уезжаем.

Никуда не торопясь, мы забрались в пролётку и вернулись в Петербург. По дороге навстречу нам ехало множество саней и экипажей, но Достоевского мы так и не увидели.

— Да, Миша, наворотил ты дел! — в голосе цесаревича Николая слышалось отчетливое недовольство. — Что же ты устроил? Дуэль? Радуйся, что вы не довели ее до конца, иначе все бы оказалось куда хуже! Но общество взволновано, ваша история стала известной и ты должен принять последствия.

— Я не хотел драться, но получил вызов. Честь — это то, чем я живу. Чтобы ты сделал на моем месте? — я говорил негромко, без всяких эмоций, с каким-то внутренним безразличием. Мы встретились с наследником взглядом. Я смотрел на него без вызова, просто желая услышать ответ. Он не выдержал и отвернулся первым, бросив взгляд на тяжелые напольные часы.

— Формально ты прав. Более того, я на твоей стороне. Все же здорово, что граф в тот день упал с лошади и сломал себе ногу. Его падение спасло вас обоих.

— Да, удачно вышло, — как оказалось, Достоевский действительно сломал ногу и не смог приехать на дуэль. Причина выглядела более чем уважительно, но меня, да и не только меня, терзали смутные подозрения, что не все так однозначно с этой травмой. Да и слух по Петербургу пошел, что никакого перелома нет, есть только вывих, да и то, не сказать, чтобы серьезный, а граф просто испугался.

— Что ж, не будем тревожить твоих задетых чувств, — решил наследник. — Снявши голову по волосам не плачут. Признаюсь, я невероятно рад, что ты не наделал глупостей. Но тебя следует наказать. Наказать для вида, формально, чтобы успокоить общественность и моего отца — ты же знаешь, что он категорически против дуэлей.

— Знаю. Говори, что придумал, — я не собирался ничего объяснять Николаю, не собирался оправдываться или обвинять Достоевского. Я просто собирался принять то, что даст судьба. И признаюсь, особой разницы для меня не было, что она там приготовила.

К тому же именно Николай стал тем, кто пусть и невольно, но разрушил мои мечты. Это он попросил меня остаться в Хиве на четыре месяца. Вернись я в Петербург в августе, и еще неизвестно, как бы все в итоге сложилось. Так что друга я до конца не простил, хотя он ничего в тот момент не знал, и зла мне не желал. Просто так получилось.

— Ты поедешь в Константинополь военным советником и пробудешь там, пока слухи не улягутся и вся эта ситуация не забудется. Тем более, скоро война, твои навыки разведчика окажутся в Турции к месту. Согласен, Михаил?

— Согласен, — я лишь пожал плечами. Турция, так Турция. Это не наказание, а так, баловство.

На следующий день я выслушал короткий и энергичный инструктаж генерала Обручева о том, чем мне надлежит заниматься в Османской Империи. Через сутки я уже сел на поезд и отправился в Москву, оставляя в столице Катю Крицкую и частичку своего сердца. Тогда мне казалась, что этой ране никогда не суждено зажить до конца.

Жаль, но мне так и не удалось встретиться с Пашино, Менделеевым, Пржевальским и еще рядом лиц, которых я очень хотел увидеться. А еще мне совсем неожиданно захотелось попасть на прием к Иоанну Кронштадтскому, которого впоследствии причислят к лику святых. Я бы с огромным уважением выслушал его соображения касающиеся Бога и судьбы.

Москва, неделя в родной усадьбе и вновь поезд, на сей раз до Одессы, по железной дороге, которую построили по нашей с цесаревичем инициативе.

Покинь меня, мой юный друг,
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к гибели бегу:
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

Так писал Кондратий Рылеев. В его стихах я неожиданно нашел успокоение, хотя раньше они казались мне сентиментальной чушью.

В Одессу я приехал в начале марта. Градоначальником города служил тайный советник Николай Иванович Бухарин. В его богато обставленной приемной, с лепниной на потоке и пальмах в кадучках, я дождался, когда он соизволит меня принять, после чего передал ему личное письмо от цесаревича Николая. Не знаю, что там было, но Романов явно решил повысить мой статус, доверив подобное поручение.

— Присаживайтесь, Михаил Сергеевич, — невысокий и «кругленький» тайный советник неожиданно разнервничался, словно я доставил приказ об его аресте. — Что ж вы сразу не сказали, что привезли письмо от самого Николая Александровича?

— Так вышло, ваше превосходительство, — я осмотрел градоправителя. Что, неужели казенные деньги ворует? Или просто опешил от неожиданности?

Николай Иванович сразу же сломал сургучную печать с двуглавым орлом, вскрыл письмо, прочитал его и мигом успокоился.

— Так-с, приказ мне ясен. Чем я могу быть вам полезен, господин подполковник?

— Собственно, ничем. По приказу Военного Министерства я направляюсь в Константинополь. А в вашем прекрасном городе задержусь на день или два, дожидаясь парохода.

— Превосходно. Тогда я вас больше не задерживаю, если что, обращайтесь по любому поводу.

С тайным советником мы расстались и я поселился в гостинице «Петербургская» на Приморском бульваре, рядом с памятником дюку де Ришельё.

Гостиницу недавно перестроили, добавив балконы, из которых открывался вид на Черное море. Номера оборудовали ваннами и душами, прислуга говорила на четырех языках и спешила выполнить практически любое желание. Обед из пяти блюд с вином здесь стоил один рубль пятьдесят копеек, а сытный завтрак с кофе втрое дешевле.

Несмотря на раннюю весну, Одесса выглядела прекрасно. Удивительно свежий воздух, пахнувший солью и водорослями, ласковое солнце, теплая погода... Контраст со слякотным и болезненным Петербургом казался ошеломительным.

По проспектам и улицам безостановочно двигались богатые кареты, коляски, кабриолеты, верховые возы с товарами, разносчики, почтальоны и разнородные толпы гуляющих. Движение затихало лишь после полуночи, чтобы вновь начаться ранним утром.

В порту стояли на якорях многочисленные суда. На ветру колыхались флаги Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Америки. Больше всего меня удивила шхуна под красным кругом на белом полотнище, символизирующим восходящее солнце. Япония же вроде придерживается политики изоляции, или я что-то путаю?

В городе я провел два дня, осматривая проспекты, особняки и магазины. Принадлежавший Русскому обществу пароходства и торговли пароход «Колхида» принял в трюмы груз угля и провизии, подготовившись к плаванью. Судно непрерывно курсировало по маршруту Одесса — Константинополь — Марсель.

Архип Снегирев, мой постоянный спутник, занес багаж в каюту и через три часа мы с ним отправились в Турцию.

Пароход «Колхида» считался комфортабельным, но не слишком быстроходным. До Константинополя он плыл трое суток.

На пароходе вместе со мной оказалась семья Юсуповых — князь Николай Борисович, его супруга и трое детишек. Они являлись одним из самых богатых родов России и плыли во Францию, «дабы поправить здоровье».

На время поездки Юсуповы выкупили три самых дорогих каюты — для себя и прислуги, хотя с легкостью могли купить не только весь корабль, но и всю пароходную фирму с Одессой впридачу.

Понятное дело, со мной они поначалу не общались, на такой высоте я не летал, но их тринадцатилетняя дочка Зинаида буквально очаровалась моей черной гусарской формой. К тому же она читала очерк моего брата «Шестьдесят дней под палящим солнцем». Благодаря настойчивым просьбам девочки ее мама Татьяна Александровна мигом организовала вокруг себя небольшой кружок дам, которые попросили меня занять их рассказами о славных походах по Средней Азии, и тех приключениях, что я там пережил.

Симпатичных и юных барышень на пароходе насчитывалось около десятка. С ними находились их матери или отцы. Я, как мог, отмахивался от настойчивых женских просьб, но отказаться от рассказов не смог.

К тому же, кто-то из пассажиров знал о нашей с Катей Крицкой истории и о несостоявшейся дуэли с Достоевским. И не успела Одесса скрыться из вида, об этом уже знали все дамы на судне. Знали и посматривали на меня с состраданием, готовые утешить «несчастливого героя» — такую формулировку я услышал собственными ушами, когда совершенно случайно подслушал несколько слов.

Утром и днем те пассажиры, кто не страдал от морской болезни, гуляли вдоль бортов и по главной палубе. Мужчины курили, выпивали, играли в винт или бридж, и не знали, как убить время. Дамы читали романы, среди которых особой популярностью пользовался английский классик Чарльз Диккенс, вышивали, раскладывали пасьянсы, а вечером неизменно вспоминали о моей скромной персоне.

В таком неспешном темпе прошла вся поездка. Мы двигались на юг, и с каждым днем погода становилась чуточку, но теплее. Наконец, вдали показалась суша, а мне почему-то вспомнилась строчка из песни «не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна». Не знаю, кто и когда написал данные строки, но они оказались к месту.

«Колхида» дала несколько гудков и вошла в Босфор. Пролив выглядел замечательно. На безоблачном небе сияло солнце. Вода казалась бирюзовой. Слева и справа поднимались зеленые крутые берега. Деревья спускались прямо к воде. Кое-где, утопленные в садах, виднелись белые мраморные виллы и маленькие дворцы. А за нашей спиной оставалось бескрайнее Черное море.

Многочисленные суда, крупные и совсем небольшие двигались живой ниткой в обе стороны. Наконец на правом берегу начали появляться первые домики. Сначала они выглядели просто и неказисто, но через некоторое время превратились в полноценные улицы огромного города с дворцами, особняками, крепостями, мечетями и минаретами.

Пассажиры толпились у бортов, наслаждаясь зрелищем и комментируя архитектуру узких кривых улочек, спускающихся к морю. Мы смотрели на так называемую Перу,

торговый и деловой центр Константинополя, который подчеркивала круглая и высокая Галатская башня. Но больше всего внимания привлекал Долмабахче — дворец османских султанов.

«Колхида» бросила якорь на южной стороне Золотого Рога. Множество лодок, яхт и парходиков теснились со всех сторон. Вода плескалась о причалы, количество чаек не поддавалось подсчету и в полный голос кричали местные рыбаки. Их, если и было меньше, чем чаек, то ненамного.

Северную и южную сторону Золотого Рога связывали несколько мостов. Круглые купола мечетей и минареты сверкали на солнце. В местном шуме слышались слова на десятках языков. Самыми распространенными были английский, французский, русский и, конечно же, турецкий.

К борту парохода сразу же подплыло десяток фелюг. На них сидели загорелые до черноты турки, в основном юноши и молодые мужчины, которые искали любую возможность продать хоть что-то. На длинных шестах они принялись подавать нам корзины со всякой всячиной. Туда же те, если что-то покупали, пассажиры клали деньги.

Мне покупать ничего не требовалось. Здесь я застряну надолго, так что вся эта восточная экзотика еще успеет приесться.

Я попрощался с попутчиками и Юсуповыми. Люди они необычные, и подобное знакомство может пригодиться. На пирс сошел в числе первых. Архип Снегирев нес чемодан с вещами, но основной мой багаж в русское посольство доставит специальный носильщик.

На причалах и в здании морского вокзала былолюдно. Стоял густой запах специй, табака и свежего кофе.

Я вышел на одну из улиц и поднял руку. Ко мне сразу же подкатила местная повозка. Извозчик был одет в расшитую куртку, мешковатые штаны с широким поясом и феску.

— Русское посольство, понимаешь? — спросил я. — Русское посольство! — повторил я на английском, а затем и на турецком. Турецкий язык я знал плохо, куда хуже того же фарси. Я и времени уделял ему меньше, да и подзабыл за минувшее время основательно.

— Рус бьюкачили? Эвет! Отур, бай!* — обрадовался турок, соскочив с седел и указывая рукой, жестом попросил занять место в повозке. Я устроился, Архип сел спереди, рядом с турком, предварительно поставив чемодан на заднюю полку.

Лошадка тронулась в путь, цокая копытами по каменной брусчатке. Мы с Архипом с интересом оглядывались по сторонам. Поначалу нас везли по широкому проспекту, с магазинами, лавками и деревьями, а затем повозка свернула в сторону, начался подъем по узкой улочке.

Город казался оживленным. Матросы, водоносы, носильщики, феллахи*, музыканты, цирюльники, дервиши, местные чиновники, солдаты и офицеры разговаривали с непередаваемым восточным темпераментом, повышая голос и активно жестикулируя. Среди них встречались европейцы, а так же женщины с накидками на лицах. Мне попались на глаза живописно одетые башибузуки и дрессировщик медведя, правда зверь оказался небольшим и совсем изможденным.

Я смотрел на маленькие лавочки, видел людей, пьющих кофе, курящих папиросы или кальян, слышал местную речь и попытался сопоставить с тем, что было в Средней Азии. И там и тут — мусульманские страны, но здесь больше иностранцев, традиции не такие жестокие, влияние европейской архитектуры ощущалось куда сильнее, да и одевались турки все же лучше, чем хивинцы или бухарцы.

Дома с балкончиками, вывешенные для просушки вещи, ишаки, грязь, мусор, запах свежих лепёшек, крики муэдзинов, мягкие певучие звуки дудука*... Не скажу, что город понравился, но у него имелся свой неповторимый колорит. И над всем этим возвышалась громада Святой Софии с четырьмя узкими минаретами. Турки называли циклопическое сооружение Большая мечеть Айя-София.

Извозчик не обманул, он действительно прекрасно знал, где находится русское посольство. Расплатился я с ним курушем, который также назывался пиастром. Деньги я загодя поменял на парохоме и судя по довольной улыбке турка, порядочно переплатил.

Первым делом я представился генерал-лейтенанту графу Игнатьеву Николаю Павловичу, главе посольства. Человеком он оказался солидным, склонным к полноте и рано полысевшим, одевающимся строго в военную форму и сапоги.

— Рады вас видеть, господин подполковник. Вот таких офицеров как вы, нам здесь и не хватало, — сказал он, пожимая мне руку, после чего углубился в чтение привезенного мной из столицы письма.

Я не знал, что он подразумевает под словом «таких», но прием мне устроили радушный. В русском посольстве служило всего двенадцать человек чиновников и офицеров, не считая нижних чинов и слуг. Здесь же проживали жены моих новых товарищей. Среди них безраздельно властвовала Екатерина Леонидовна, супруга Игнатьева, большая красавица и еще большая умница.

Как я узнал впоследствии, английский премьер министр Дизраэли писал, что «пара Игнатьевых стоит больше нескольких броненосцев». И действительно, посол был выдающимся дипломатом и умел оказывать на турецкого султана определенное воздействие. Тем более, канцлер Горчаков Турецким Востоком интересовался слабо, и Игнатьев мог действовать с невиданной свободой.

До ужина я успел познакомиться со всеми членами посольства. Часть из них отсутствовала, выполняя ту или иную миссию, и с ними я встретился позднее.

В честь моего прибытия устроили небольшой ужин с жареным мясом, устрицами и вином. Главной темой за столом служили последние столичные новости, о которых посольские жены расспрашивали меня больше двух часов. Общество подобралось небольшое, но дружное, все делали одну работу. Интриги и взаимное недовольство наверняка имели место быть, но с ними в первые дни я не сталкивался.

Посол дал мне задание изучать город, осматриваться и заниматься всем, что предписал генерал Обручевым. Мне понравилось, что он не лез с мелкой опекой, дав свободу действий.

Из начальства в Константинополе приказывать мне имели право лишь три человека: по дипломатической и гражданской линиям посол Игнатьев и советник Нелидов, а по военной и разведывательной — полковник Родченко, который находился здесь уже более двух лет и прекрасно изучил как город, так и его окрестности.

С ними тремя я сошелся легко и быстро. Игнатьев импонировал мне рассуждениями о панславизме, русской национальной идеи и желанием по мере возможности поддерживать православных в Болгарии и по всему миру.

С Нелидовым, которому через три месяца пожаловали действительного статского советника, мы сошлись на идее будущего разделения Турции и отхода к России Босфора. Родченко же оказался настоящим офицером. Он знал четыре языка, обладал прекрасной памятью, участвовал в завоевании Ташкента, имел успех у женщин, знал, как работать с агентами и умел пить не пьянея. Именно он показал мне парочку мест, где проживали

барышни соответствующего поведения, которых еженедельно осматривал доктор и с «которыми можно не волноваться о всяких медицинских неприятностях». В общем, с определенной долей натяжки можно констатировать, что полковник Родченко являлся идеальным солдатом.

Я изучал город, совершенствовался в изучении турецкого языка и вербовал агентов. В то время разведку главным образом интересовала сила, моральный дух турецкий войск и места расположения полков. С самого верха пришло совершенно секретное распоряжение «действовать тайно и по возможности осторожно, дабы не провоцировать турок на ответные шаги».

Так что приходилось «миндальничать», как выражался Родченко. Хотя, под данным понятием понималось непонятно что, да и трактовалось оно весьма широко. В Константинополе в единый клубок сплелись интересы практически всех Европейских держав. На устраиваемых дипломатами приемах, на проспектах и в порту города можно было встретить офицеров из Англии, Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии и даже Америки. Доходило и до курьезов, когда местные агенты и сами не знали, кому на самом деле служат. Их вербовали и перевербовывали, стращали, шантажировали, вновь вербовали и давали новые псевдонимы. В общем, с определенной точки зрения чехарда эта выглядела забавной. Помню, как мы с Родченко хохотали, когда один из агентов, рядовой чиновник порта, которому я дал псевдоним Кулебяка оставил в тайнике записку со сведениями об английском судне, тайно выгрузившим в Стамбуле партию винтовок и патронов. При этом он по забывчивости подписался французским псевдонимом Жак, написав его на турецком. Было ясно, что Кулебяка работает на еще кого-то, не обязательно французов, но я сделал вид, что ничего не заметил.

— А что ты хочешь, Михаил? Азиатчина же кругом, — отсмеявшись, констатировал Родченко. — Поначалу подобное в голове не укладывается. Разве у вас в Средней Азии иначе?

— Не то чтобы иначе, просто суеты и беспорядка там куда меньше.

— А тут всегда такой кордебалет! В этом плане даже Лондон, Париж и Берлин уступают Стамбулу.

Турецкое правительство с неодобрением смотрело на иностранцев, желающих путешествовать по их землям. И потому приходилось хитрить. Чтобы осмотреть дороги и коммуникации посольство выдумывало различные причины. К примеру, давало поручение доставить секретную почту из Стамбула в одно из отделений русского посольства Румынии или Сербии.

Используя подобные уловки, я побывал в румынском Бухаресте, болгарской Софии и сербском Белграде. Ехать приходилось на лошади или повозке, по разбитым трактам и горным серпантинам. Железных дорог в Турции практически не строили, государство не зря называли «больным человеком Европы». Местная экономика «дышала» с трудом, кругом виднелись следы инфляции, разрухи и казнокрадства.

В пути я тщательно фиксировал различные интересные детали. Такие длительные поездки, которые периодически совершали русские офицеры, принесли немало пользы. Мне удалось побывать на Шипкинском перевале, а также заглянуть в Плевну, Руцук и Андиянополь. Я познакомился с турками, румынами, болгарами и сербами, прикоснувшись к их культуре, менталитету и традициям. Смею надеяться, что и для русской разведки мои заметки оказались небесполезными.

Так прошел год. Друзья писали письма и рассказывали о последних новостях.

Михаил Скобелев вернулся из медового месяца и сразу же уехал в Ташкент, где возглавил военную часть посольства, отправившегося в Кашгар. Полина же пока в Среднюю Азию не торопилась, поселившись в имении Скобелевых, селе Спасско-Заборовское, расположенном недалеко от Рязани. Сестра благополучно родила дочку, которую назвали Татьяной. Все были счастливы, а у меня появилась первая племянница.

Брат Митя, помимо работы в газете, начал писать исторический роман на тему Бориса Годунова и последующего затем Смутного времени. Алексей Куропаткин вернулся из командировки в Африку и продолжил службу в штабе Туркестанского военного округа. Владимир Гахович получил капитана и был отозван в Петербург, где его причислили к капсюльному отделу Николаевского ракетного завода, и он принялся доводить до ума ракеты. Петр Пашино отправился в новое путешествие по Афганистану и Индии, на сей раз изображая туземца-бедняка. Инженер Волков достраивал пароход. Под него была организована пароходная компания под одноименным названием «Победа», директором которой стал Кирилл Старобогатов. Со Старобогатовыми наша семья дружила давно, и им можно было доверять.

Неугомонный американец Януарий Мак-Гахан прислал весточку, что уехал на войну в Испанию, а затем мечтает отправиться на поиски северного прохода из Тихого в Атлантический океан через Аляску и Канаду.

Андрей Некрасов прислал несколько писем, в которых сообщал, что сейчас в Ташкенте «скука смертная». Герцог Романовский продолжает командовать полком, но особой любви среди офицеров не сыскал. С нескрываемым оптимизмом Андрей упоминал, что в Кокандском ханстве неоднократно вспыхивали мятежи, и что гусары готовы взяться за сабли.

Новости из Средней Азии не выглядели особо интересными. Коканд являлся всего лишь маленьким, бедным и слабым ханством, разобраться с которым труда не составит. Куда большее внимание привлекали европейские дела. Основные события происходили на Западе, касаясь Франции и Германии.

После унижительного поражения в 1871 г. Франция поменяла правительство, ввела всеобщую воинскую повинность и стала быстро восстанавливаться. Канцлер Отто фон Бисмарк встревожился и мобилизовал прессу, которая начала обвинять французов в подготовке к реваншу.

Новая война была выгодна немцам, но они осторожничали, пытаясь заручиться поддержкой других европейских держав. Королева Виктория предупредила германского императора, что Англия в конфликте поддержит Францию. Франц-Иосиф, император Австро-Венгрии занял выжидательную позицию, опасаясь, что Германия может набрать слишком много сил. Наш канцлер Горчаков заверил французского посла в Петербурге, что Россия осуждает действия Бисмарка. Правда, его выступление многим не понравилось. А особенно наследнику Николаю. Как я понял, Николай начал чувствовать, что его политическое влияние возрастает и стал все активнее вмешиваться во внешнюю политику. Особо наследника возмущало желание канцлера заботиться о равновесии и согласии в Европе, хотя бы и в ущерб собственной страны.

Горчаков свой пост сохранил, пока сохранил, но позиции его сильно пошатнулись. В наших газетах вышло несколько статей с карикатурами, на которых изображали канцлера, пытающегося угодить сразу всем и усидеть на двух стульях одновременно.

Похоже, фактор наличия живого Николая все сильнее и сильнее менял политическую ситуацию. Естественно, в знакомой мне истории ничего такого не было.

Мы с Николаем из всех европейских держав больше прочих симпатизировали именно Германии. Позиция наша заключалась в том, что полной веры никому нет, все хотят поживиться за чужой счет, но и без союзников России прожить не удастся. И на роль «верных друзей» лучше всего подходит именно Германия. Я неоднократно рассказал цесаревичу, как остальные члены будущей Антанты, Англия и Франция использовали Россию. Мои воспоминания ему совсем не нравились. И чем дальше, тем сильнее ему не нравились Англия и Франция.

Совершенно незаметно наступило 21 августа 1875 г. В этот день Константинополь отмечал важное событие — султан Абдул-Азис назначил нового великого визиря. Им стал Махмуд Недим-паша, ранее уже занимавший данный пост.

Подобное назначение стало крупной победой русской дипломатии в целом, и посла Игнатьева в частности. Супруги Игнатьевы хорошо знали великого визиря и считались его друзьями, хотя в дипломатии подобное понятие весьма условно. Что говорить, если визиря в прессе называли не иначе как «Махмудов» и «Недимов», одаривая русскими фамилиями и показывая, чью «руку» он держит.

Великий визирь Махмуд Недим-паша устроил пышный прием в честь своего назначения. Состоялся фуршет, на который пригласили многочисленных дипломатов и военных. Согласно традиции, гостей наградили. Меня одарили орденом Меджидие 5-й степени. А через два дня из Петербурга пришла телеграмма. Цесаревич Николай вызывал меня обратно в столицу.

В Петербурге я доложил генералам Обручеву и Фельдману о ситуации в Турции. Слушали меня долго и внимательно.

— Оформите свои сведения тремя рапортами, Михаил Сергеевич, — наконец приказал Обручев. — В первом укажите экономическое положение Порты, во втором сделайте акцент на численность и вооружение их армии, а также упомяните места расквартирования полков и краткую характеристику их командиров. В третий внесите псевдонимы своих агентов, способы связи и меры предосторожности, которые вы использовали.

В первых двух рапортах я не видел ничего необычного, такие сведения оформляли все офицеры, побывавшие за границей. А вот с третьим могла выйти неприятность, если он попадет чужие руки. В таком случае всех агентов раскроют. С другой стороны, я и так передал их Родченко, и в ближайшее время в Константинополь возвращаться не собирался.

Встреча с наследником прошла в Аничковом дворце, где он постоянно проживал. К тому же и приятный повод для очередной встречи имелся — у Николая родилась дочь, которую назвали Анастасия. Тогда же я впервые был представлен супруге Николая, датской принцессе Дагмар, которая приняв православие, стала Марией Федоровной. Большеглазую, не слишком высокую, жизнерадостную и жизнелюбивую, её нельзя было назвать именно красивой женщиной, в классическом понимании данного слова. Но она обладала какой-то неповторимой прелестью и обаянием. Она увлекалась живописью, брала уроки у художника Боголюбова и обожала верховую езду. Люди также отмечали ее ровный спокойный характер и чувство такта. В Царской Семье ее любили все без исключения, ко всем она смогла подобрать ключик. Жаль только, что будущая императрица испытывала неприязнь к Германии.

— Мой супруг несколько раз о вас рассказывал, — заметила Мария Федоровна, после

того, как мне позволили поцеловать ей руку. — Он говорит о дружбе, которая возникла между вами еще в те времена, когда он был холост. Он очень вас любит, и любит свой полк Александрийских гусар.

Мария Федоровна говорила правду. Николай действительно подчеркивал свое особое отношение к Бессмертным гусарам. Ему нравилась наша символика. Он часто надевал нашу форму.

За последние годы престиж гусар Смерти сильно вырос, попасть в наш полк выглядело не самой легкой задачей. Когда я окончил Старую Школу, все было иначе. Тогда Александрийские гусары считались пусть и уважаемым, но всего лишь одним из кавалерийских подразделений, которых в России великое множество. А сейчас мы приобрели уникальный статус. Тот же Игорь Хмелев не смог пробиться в наши ряды, и вынужден был отправиться служить в Лубенский гусарский полк.

Во время разговора с Марией Федоровной Николай находился рядом и едва заметно улыбался. Он был рад представить меня супруге, но, судя по всему, всех секретов ей не открыл. И правильно, к слову.

— Как прошла твоя турецкая одиссея? — с улыбкой поинтересовался наследник, когда мы остались вдвоем. — Не нашел себе жгучую турчанку?

— В Турции можно повстречать женщин удивительной красоты, но мне восточный типаж не очень нравится, — честно признался я.

— А твоя сердечная рана? Зажила?

— Зажила, — ответил я, немного лукавя. И хотя боль прошла, Катя снилась мне неоднократно. Сейчас она, по слухам, жила в Италии.

— Хорошо, коли так. А тебя я вызвал в Петербург, чтобы сообщить две новости. Первая заключается в том, что слухи о твоей несостоявшейся дуэли с графом Достацким окончательно улеглись.

— А вторая новость? — я знал, что так и будет.

— Через месяц я отправляюсь в дипломатический вояж по Европе. Визит мой согласован на самом высоком уровне, я намереваюсь посетить Берлин и Вену. Ты едешь со мной, так что готовься.

— А что готовиться? Я, как Диоген*, все свое ношу с собой.

Собственно, мне действительно оказалось не сложно подготовиться, вещи я мог собрать за один день.

Следующий месяц я прожил в Аничковом дворце, вместе со Свитой наследника.

Свита имела официальный статус, и в нее входило множество людей. Главными среди них считались несколько лиц: граф Строганов, секретарь Оом, советник по юридической и правовой части Победоносцев, земской советник Качалов, а так же доктор медицинских наук Манассеин, который присматривал за здоровьем будущего императора, подменяя на данном посту профессора Боткина. Генерал-лейтенант Оттон Рихтер отвечал за безопасность и охрану цесаревича. В его подчинении находилось ряд офицеров — полковник Козлов, подполковник князь Барятинский, майор Любимов и корнет граф Фаддей Сиверс. Кроме того, Рихтер командовал Конвоем — сотней уральских и сотней оренбургских казаков, которые сменяли друг друга раз в месяц.

Так же при Романове состояли многочисленные слуги, гардеробные, личный повар и еще ряд лиц.

Часть Свиты наследника я знал и помнил еще по временам Старой Школы и Чугуева.

Николай был человеком основательным и если удостаивал кого-то своим расположением, то такому человеку следовало постараться, чтобы лишиться высочайшего покровительства. В общем, друзей и товарищей Николай как перчатки не менял. Но подобное вовсе не означало, что со всеми я нашел общий язык.

«Старшее» поколение, которое включало в себя Рихтера, Строганова, Оома и Победоносцева относилось ко мне вполне лояльно, а временами так и вовсе, дружелюбно. С казаками, доктором Манассеиным и молодым корнетом Сиверсом удалось найти общий язык. А вот Козлов, Барятинский и Любимов меня невзлюбили. Впрочем, ни о каком открытом конфликте и разговора не шло. Подобное строжайше запрещалось, а вот различными шутками и колкостями мы обменивались довольно часто.

Эта троица прозвала меня «грозой кибитников» и «повелителем йомудов». Не требовалось много ума, чтобы догадаться, с чего они так взъелись.

Они относились к так называемым «салонным» офицерам, никогда не сражались в реальном бою, а над их головами не свистели пули. Единственное, где они приняли участие, так это в хивинском походе, да и то, постоянно находились в центре войска, рядом с Романовым, где им ничего не угрожало. Верно, они маршировали по пескам, преодолев тысячу верст и испытав определенные трудности. На этом их славные подвиги заканчивались, а боевой опыт остался на нуле. Но подобное положение дел не мешало им получать ордена и новые звания. Я был готов поспорить, что в глубине души каждый из них тешил собственное самолюбие и считал себя боевым офицером.

Естественно, что я, который действительно был тем, кем они себя представляли, вызывал их раздражение и даже злобу. А их рассуждения о походах, управлении эскадрой или полков в боевых условиях ничего, кроме смеха у меня не вызывали. На мой взгляд, у этой троицы, которых я прозвал «три наполеона», имелся лишь одно несомненное достоинство — они были непоколебимо верны Николаю Романову.

— О, господа, вы снова воображаете себя великими полководцами, — иной раз я все же не смог сдержаться от легкой шпильки, слушая их хвастливую чушь. Я считал их фазанами и «салонными» шаркунами, а они считали, что я грубый солдафон, любящий казарменную жизнь, сомнительный юмор и плоские шуточки. Особенно их злило, что по какой-то непонятной прихоти судьбы я сумел пробиться к самому наследнику. Они никак не могли взять в толк, почему цесаревич меня выделил и почему так ко мне относится.

— Верно, мы не воевали с туркменами, но зато прекрасно понимаем, что нет чести гордиться победой над дикими и безоружными туземцами, — обычно отвечал князь Барятинский. Из всех «трех наполеонов» именно он обладал самым едким и одновременно хладнокровным характером.

— Призвать, отмыть и наградить, — хохотал Козлов, которому вторил Любимов. Так он намекал на мой боевой путь среди песков и грязи Средней Азии.

1 ноября от Варшавского вокзала Петербурга отходил специальный поезд. Особенно приятно было то, что паровоз серии «Т» (трёхосный) построили на Коломенском заводе в России. Мне нравилось наблюдать весомые подтверждения того, что промышленность наша развивается, и развивается неплохо.

К паровозу прицепили семь вагонов, специально сконструированных для Царской Семьи — личный вагон наследника, вагоны для офицеров его свиты, два вагона казаков охраны, вагон слуг и вагон для различных мелочей, подарков, гардероба и всего прочего, что могло понадобиться.

Провожали нас многочисленная толпа. Император и его супруга отсутствовали, но зато здесь находился брат Николая, Александр. Высокий, немного рыхлый и начавший лысеть, Александр в известной мне истории стал следующим императором. Сейчас же он состоял в чине генерал-лейтенанта, являлся членом Государственного Совета и командовал 1-й Гвардейской пехотной дивизией.

Событие освещали в прессе, многочисленные корреспонденты делали записи, а в толпе слышалось «ура» и пожелания доброй дороги. Играл оркестр.

Обязанности мои в поездке не выглядели обременительными. В приоритете находилась охрана Романова. Мы, офицеры, присутствовали при завтраке, обеде и ужине Николая, передавали ему последние новости, отдавали почту или телеграммы и выполняли различные мелкие поручения. Так же мы приглядывали за прислугой и брали на себя функции общения со всеми представителями городов и сел, где останавливался поезд. В поездку с нами отправились уральцы под командованием полковника Азовцева. Генерал Рихтер вместе с прочими офицерами постоянно ломал голову, где, как и каким образом использовать казаков.

Первая длительная остановка случилась в Варшаве. Генерал-губернатор граф Коцебу устроил в честь наследника пышный прием с последующим балом, на котором собрался весь цвет Польши. Сам граф Коцебу оказался мужчиной очень маленького роста, я таких в армии прежде никогда не видел, но вел себя вполне уверенно и гордо.

До тех пор я и не знал, какие красавицы встречаются среди полек. Утонченные блондинки, брюнетки и шатенки с огромными глазами, тонкой талией и прелестным бюстом, одетые в платья так и приковывали взоры. Они порхали, как бабочки, а их улыбки разили наповал, куда эффективнее, чем тяжелая артиллерия.

Молодые офицеры в свите наследника так же пользовались всеобщим вниманием. Блистал среди нас подполковник князь Барятинский.

— Что-что, Александр, а танцуешь ты великолепно, и комплименты дамам говорить умеешь, — похвалил я князя. — Этому у тебя не отнять.

— А что ты думал, Михаил, светская жизнь это тебе не фунт изюма. Мы не в степях, и не среди твоих любимых «кибитников», — отвечал он. — Здесь подход требуется. Впрочем, тебе этого не понять.

Подобные высказывания среди офицеров могли привести к конфликту, но находясь в Свите, мы на многое закрывали глаза. Возможная дуэль показала бы наше неуважение к самому Николаю Романову.

В Варшаве цесаревич пробыл четыре дня. Уже в дороге, после того, как покинули город, я впервые поднял вопрос о своем дальнейшем пребывании в Свите.

— Похоже, я нахожусь не на своем месте, — заметил я. Мы с Николаем устроились в его просторном купе, куда он пригласил меня сыграть в партию шахмат перед сном. Больше в помещении никого не было. — Чужой я здесь.

— Глупости говоришь, Михаил, — возразил он, передвигая фигуру. — Тебе просто нелегко из-за перемены в образе жизни. Думаю, через пару месяцев ты ко всему привыкнешь.

— Не уверен, — я покачал головой. — Кстати, тебе мат.

В дороге Николай немного приоткрыл карты о цели своей поездки. Еще в 1873 г. Россия, Германия и Австро-Венгрия заключили так называемый Союз Трех Императоров.

Данное соглашение подразумевало ряд взаимных действий и определенной поддержки

друг друга по тем или иным вопросам. Сейчас Николай собирался продлить и укрепить связи, возникшие благодаря договору, а так же убрать некоторую холодность, которая возникла со стороны канцлера Бисмарка после официального заявления Горчакова о поддержке Франции.

Рус бюкечри? Эвет, отур, бай!* — русское посольство? Да! Садись, господин!

Феллахи* — крестьяне.

Дудук* — музыкальный духовой язычковый инструмент, обладающий мягким певучим звучанием.

Диоген* — древнегреческий философ и аскет, который по легенде жил в пифосе (бочке) и не имел никаких вещей.

Берлин встречал нас прекрасной осенней погодой. Дома и строения вдоль железной дороги выглядели грязными от угольного дыма, но чем дальше, тем чище и ухоженней казался город.

— Признаюсь вам, Михаил Сергеевич, я впервые за границей и мне все здесь кажется необычным, — взволнованный граф Сиверс вертел головой. Мы стояли у окна и покуривали, глядя на мелькавший за окнами Берлин. Из всех офицеров корнет Сиверс больше прочих вызывал мою симпатию. Несмотря на разницу в чинах мы с ним сошлись. Из парня еще мог выйти толк, если он, конечно, переведется в нормальный полк и не нахватается сомнительных привычек у Козлова и Барятинского. — А вы были в Берлине?

— Нет. Признаюсь, что и я в Европе впервые. Не считая Балкан, конечно.

— Вы и в Стамбуле больше года прожили. Даже завидно, ведь вы столько успели увидеть!

Нас встречали на открытом в 1874 г. вокзале Ванза. Главным зданием служил павильон, привезенный с Венской выставки. Он был знаменит тем, что именно в нем состоялся завтрак трех императоров — Александра II, Вильгельма I и Франца Иосифа.

Многотысячная толпа напирала со всех сторон. Среди зрителей виднелись богато одетые горожане, офицеры, дамы, мальчишки, священнослужители, коммерсанты и сытые упитанные бюргеры. Толпу сдерживала полиция, а армию представляли 1-й гвардейский полк в знаменитых шлемах пикельхельмах, которые прочно ассоциировались с немцами, но на самом деле их придумали в России. Все, как на подбор, рослые и внушительные, гвардейцы казались истинной силой Германии. Лишне скромностью они не страдали и носили неофициальное название «Первый полк христианского мира». Правда, и сражаться умели, принимая непосредственное участие практически во всех войнах за последние семьдесят лет.

Императора Вильгельма и канцлера Бисмарка не было, встречающую делегацию возглавлял кронпринц Фридрих, сорокалетний гренадерского роста мужчина с шикарной бородой, усами и громогласным голосом. Он мне напомнил богатыря или викинга. Его окружала свита, в которую входил мэр Берлина Артур Хобрехт, ряд министров и два фельдмаршала: Гельмут фон Мольтке и Альбрехт фон Рун.

Уральские казаки первыми покинули поезд, образовав живой коридор. Следом за ними вышли офицеры, а затем и цесаревич. Николай Романов прошел по ковровой дорожке к кронпринцу. Два будущих императора обменялись рукопожатиями под радостный шум зрителей. Фридрих говорил на русском, а Николай отвечал на немецком.

Зеваки напирали со всех сторон, заставляя Рихтера, нас и казаков нервничать. Все-таки, с безопасностью серьезных людей дела в настоящее время обстояли из рук вон плохо. Неудивительно, что на всяких губернаторов и коронованных особ постоянно устраивали покушения. И с успехом, кстати, что учитывая смехотворные меры охраны, выглядело вполне закономерно.

Мне вспомнилось, как убили Линкольна, Александра II и эрцгерцога Франца Фердинанда. Нет, с этим надо что-то делать, нельзя так рисковать.

Играл марши, «Боже, Царя храни» и «Слава Пруссии». Слышались крики «Германия и Россия друзья навеки» и все в таком же духе. Неторопливо беседуя, кронпринц и цесаревич

вышли с вокзала и разместились в экипаже. Огромная толпа двинулась в Старый дворец на Унтер-ден-Линден, служивший местом проживания императора и его семьи.

Берлин производил сильное впечатление. Не знаю почему, но Бранденбургские ворота ассоциировались у меня с силой Германии, а Берлинский кафедральный собор с ее духом. В Петербурге различных дворцов не меньше, мостов больше, но здесь чувствовалась экономическая мощь, знаменитая прусская выправка и богатство. Петербург в этом отношении казался и беднее, и грязнее.

Следующие недели были заполнены официальными приемами, дипломатическими встречами, завтраками и ужинами с различными немецкими аристократами и поездками по городу с целью ознакомления с памятниками и музеями. Цесаревич и на охоту успел выбраться, поселившись в одном из удивительных немецких замков.

В целом, Свита просто следовала за наследником, выполняя свои непосредственные обязанности. Я вживую видел Вильгельма, членов его семьи и самого Бисмарка, железного канцлера. Впервые попав на столь высокий уровень, я стал свидетелем тех сторон жизни сильных мира сего, о которых раньше либо читал, либо только догадывался.

В один из дней, улучшив момент, я «дотянулся» до Бисмарка внушив ему толику симпатии по отношению к Николаю в частности, и России в целом. Давно я не пользовался этой способностью! Очень давно! И сейчас как раз выпал подходящий случай. Гогенцоллерны и их министры встречали Романова достаточно тепло, но я все же подсчитал, что стоит немного подстраховаться и углубить, так сказать, связи. А то с этими политиками сложно — сегодня они тебя улыбаются и называют другом, а завтра предадут в угоду своих интересов.

Непосредственно со мной в Берлине произошло еще два запоминающихся события. Первое заключалось в том, что в свите кронпринца Фридриха имелся некий полковник Карл Дитер, опытный и достаточно известный шахматист. И в один прекрасный день кронпринц и цесаревич решили устроить турнир, посмотрев, чей шахматист лучше.

Играли мы в Новом дворце в Потсдаме, который Фридрих использовал со своей семьей в качестве одного из мест проживания. Разместились в Мраморном зале, просторном и невероятно богато обставленном.

Для нас поставили шахматный столик, а Николай и Фридрих устроились у окна, попивая коньяк. Кронпринц по обыкновению курил, шумно шутил и сам же первым смеялся, а по лицу цесаревича скользила легкая улыбка.

Нас с Карлом окружали зрители, общей численностью более тридцати человек. Я впервые играл при таком внимании и поначалу чувствовал себя не совсем уверенно. Первую партию выиграл Дитер, но я сумел взять реванш во второй. Зрители стояли и обменивались мнениями, обсуждая каждый ход.

— Отвратительно получится, если немец проиграет, — негромко заметил Николай Романов, когда мы взяли небольшую паузу перед решающим поединком, и он отозвал меня в сторону. — Обидятся ведь! Так что постарайся свести дело к ничьей.

— Постараюсь, — пообещал я.

Третья партия получилась забавной, иначе и не назовешь. Похоже, мой германский коллега получил от кронпринца аналогичные указания не выигрывать, в результате чего мы начали поддаваться друг друга, пока не поняли, как все обернуть к обоюдной пользе.

— Похоже, у нас ничья? Ничья в третьей партии, Карл! — констатировал я, на что немец с важным видом кивнул, и мы пожали друг другу руки.

Фридрих и Николай были в полном восторге. Потом данному событию в немецких газетах посвятили немало внимания, успев прозвать «шахматная баталия двух наследников». Играли офицеры из свит, а весь акцент перенесли на венценосных особ. Хотя, наверное, так и надо.

Переговоры по укреплению союза Германии и России шли хорошо, а шахматное соревнование каким-то образом помогло сгладить некоторые углы. Да и Бисмарк то ли благодаря моей помощи, то ли под влиянием Романова показывал готовность достичь взаимопонимания.

Николай выглядел довольным и наградил Карла Дитера орденом Святой Анны 3-й степени. Фридрих не остался в долгу, вернул любезность и я стал кавалером ордена Короны 4-й степени.

Второй случай заключался в том, что мы с цесаревичем активно интересовались немецкими учеными и исследователями. В один из дней я взял извозчика и под предлогом осмотреть Берлин, встретился с еще одним Карлом, правда на сей раз фамилия его звучала как Цейс, и он считался известным инженером, физиком и механиком.

Цейс постоянно в Берлине не жил, но в городе появлялся часто, останавливаясь в одной из гостиниц. На этот раз он поселился в отеле «Кайзерхоф», открытом полтора месяца назад и расположенном в старом правительственном квартале, на Вильгельмплац, 3.

— Здравствуйте, господин Цейс. Я подполковник Соколов Михаил Сергеевич, состоящий в свите его императорского высочества Николая Александровича и здесь я по его указанию, — говорили мы на английском, немецкий я практически не знал, а русским не владел сам инженер.

— Очень приятно, господин подполковник, — Цейс оказался среднего роста худощавым мужчиной около пятидесяти лет с умным внимательным взглядом и тонкими длинными пальцами. Мне сразу пришло на ум, что такими пальцами удобно обращаться со всякими линзами, механизмами и приборами. — Чем я могу быть полезен Николаю Александровичу?

Инженер говорил, не скрывая удивления. Похоже, визит русского офицера слегка выбил его из колеи и вызвал недоумение.

— Своими многочисленными талантами, господин Цейс. Я уполномочен сделать вам официальное предложение: цесаревич Николай предлагает вам на время переехать в Россию для постройки завода и налаживания производства биноклей, микроскопов и прочей оптики. Вот, прошу взглянуть, — я протянул ему запечатанный конверт.

Цейс посмотрел на меня, принял конверт, вскрыл его, достал бумагу с российским гербом и углубился в чтение. И по мере того, как читал, его брови поднимались вверх.

— Unglaublich!* — он использовал родной язык. — Я никогда ранее не получал столь выгодного предложения!

— Николай Александрович весьма щедро поддерживает своих сторонников. И подобными предложениями не разбрасывается, — я прекрасно знал, что содержится в письме. Наследник предлагал инженеру весьма заманчивые финансовые вознаграждения за его труд, помощь на этапе строительства завода, а также различные налоговые льготы на определенный период. Как вишенка на торте, немец мог получить один из дворянских титулов, когда производство крепко встанет на ноги. — Вы привлекли его внимание благодаря своим глубочайшим исследованиям и удивительным изобретениям, — немного польстил я.

— Но это так неожиданно, так внезапно! — инженер даже слегка покраснел от

удовольствия и потер переносицу. — Мне надо подумать, хорошо подумать. А как же моя мастерская в Йене?

— Оставьте там толкового управляющего. Тем более, вы же не навсегда уезжаете в Россию и сможете периодически возвращаться в свою любимую Германию.

На этом я откланялся и оставил инженера подумать, как ему жить дальше. Что-то мне подсказывало, что от предложения тот не откажется. Такой шанс судьба дает не часто. Тем более, потратив два или три года в России, он обеспечит себе финансовую независимость на всю оставшуюся жизнь.

Через неделю поезд Николая Романова покинул Берлин и отправился в Вену. Во время прощального застолья, организованного императором Вильгельмом Гогенцоллерном, Козлов, Барятинский и Любимов выпили лишнего. С трудом сдерживая злобу, они принялись рассуждать по поводу того, как я получил орден Короны.

— Михаил, ты не раз проходил по поводу ценности орденов и заслуг, благодаря которым они могут быть получены, — Барятинский смотрел на меня хмуро, исподлобья. — А что теперь скажешь? Заслужил ты германскую Корону?

— Верно, если ты такой принципиальный, то почему не отказался от награды? — вторил ему Козлов.

— Надо будет, откажусь. И вообще, господа, вам не кажется, что вы ко мне неровно дышите и слишком много времени уделяете моей скромной персоне? — я перед ними не тушевался, но понимал, что в их словах есть доля правды. А что тут можно сказать? Ведь именно такими способами царедворцы получают большую часть орденов и титулов. Здесь не так важны твои способности и настоящие заслуги, главное оказаться в нужном месте в нужное время и сделать что-то, что придется по сердцу королю или императору. Естественно, подобное мне не нравилось. Но душу перед Барятинским и Козловым открывать я не собирался.

Мне нравилось общаться с новыми людьми, вникать в тонкости дипломатии и расширять собственные горизонты, но нахождение на постоянной основе рядом с «салонными» офицерами особой радости не добавляло. И я знал настоящую цену боевым наградам. Когда офицер участвует в сражении, когда вокруг него умирают товарищи, да и сам он может погибнуть, вот тогда твоя награда буквально выстрадана потом и кровью, ей нет цены. Ты носишь ее гордо, осознавая, что получил за дело, и что она является зримым напоминанием о жизни, которая проходит не совсем бесполезно. Но есть и другие награды, полученные за вовремя сказанную удачную шутку, за красивый жест или за сведенную к ничьей шахматную партию. Меня от подобного воротило.

Когда мы остановились в Праге, я еще раз поднял вопрос о том, что было бы куда лучше вернуться в родной полк. Николай промолчал.

В Вене все повторилось. На Северном вокзале, расположенном в районе Леопольдштадта, Николай встретил кронпринц Австро-Венгрии Рудольф Габсбург, восемнадцатилетний юноша. Он был смелым, независимым и увлекающимся человеком, Николай быстро подобрал к нему ключики и тот уже через десять дней стал считать Романова своим лучшим другом и примером для подражания.

Вена чем-то напоминала Берлин, и одновременно отличалась от него самым кардинальным образом. Мне город понравился. Здесь чувствовалась аура Средневековья, древних алхимиков и императоров, рыцарей и ученых. А такие исполинские сооружения, как Собор Святого Стефана, оперный театр или Венская ратуша оставляли неизгладимое

впечатление.

Николай продолжал решать различные дипломатические вопросы, а офицеры Свиты, когда появлялось свободное время, осматривали город.

— Я бы остался здесь жить, — неожиданно для самого себя признался я, когда мы с корнетом Сиверсом и доктором Манассейным заняли столик в одной из кофеин и заказали мороженое с коньяком.

Наша компания расположилась в просторном зале с высокими потолками, оформленном в готическом стиле. За широкими стеклами виднелась уходящая вниз терраса и неторопливо текущий Дунай, за которым поднимался лес. И хотя сейчас приближалась зима, да и подмораживать начало, виды открывались красивейшие.

— А я здесь не в первый раз, господа, — улыбнулся доктор Манассейн. — Медицинское образование я получал в Москве, Дерпте, Тюбингене и как раз в Вене. Я знаю здесь несколько замечательных мест, подвальчиков и ресторанов. Даст Бог, я вам их покажу.

— Мы будем только рады, — заверил Фаддей. — Верно ведь, Михаил Сергеевич?

— Верно, если служба позволит. К сожалению, здесь мы не на отдыхе.

Наследник неоднократно встречался с императором Франц Иосифом и министром иностранных дел графом Дьюлой Андраши. Последний Россию недолюбливал, считая ее главным противником из-за политики в отношении славянских и православных областей.

Через неделю визит подошел к концу. Цесаревич Николай приказал готовить поезд к возвращению в Петербург.

— И каких успехов удалось добиться? — поинтересовался я уже в вагоне, когда за окнами опустилась ночь. Слышалось постукивание колес по стыкам рельс.

— Не скажу, что мой визит стал судьбоносным, но кое-какие подвижки все же есть, — Николай вытянулся на диване и положил руки за голову. — С Бисмарком переговоры вести оказалось той еще задачей, уж очень он неуступчивый и хитрый. А вот Габсбурги оказались куда покладистей. Главная сложность заключается в том, что они считают часть территории Турции своей законной добычей и без особой симпатии воспримут наши усиления на южных границах.

— И до чего вы договорились?

— Немцы спускают кризис с Францией на тормозах и берут паузу. В случае войны с Турцией они поддержат нас по некоторым вопросам, а мы в ответ поддержим их в возможном конфликте с Францией.

— А Австро-Венгрия?

— Они хотят получить часть турецких земель, на которые и мы претендуем. Здесь начинаются препятствия, которые кроме как неодолимыми и не назовешь. И все же я верю, что компромисс найти можно.

— Канцлер Горчаков подобному не обрадуется. Он же всеми силами ратует за союз с Францией и Англией.

— Думаю, дни Горчакова, как канцлера, сочтены. Несмотря на его богатый политический опыт и кругозор, он уже старый и начинает сдавать. Тем более, некоторые его идеи не находят у меня понимания.

— А твой отец? — признаюсь, мне нравилось общаться на подобные темы, прикладывая руку к вопросам, которые влияют на весь мир. Это принципиально новый уровень. Уровень, к которому меня начали постепенно допускать.

— Мой отец пока еще поддерживает Горчакова, но перемены уже наметились. Думаю,

на своем посту ему осталось не больше года. Впрочем, я нарисовал тебе весьма радужную картину. Скорее всего, все будет иначе. Мне вообще кажется, что Россия, Германия и Австрия не способны бежать в одной упряжке, — Николай тяжело вздохнул. — Германии нужны новые земли, новые рынки сбыта для промышленности и возможность получить колонии. Австро-Венгрия считает Балканы своими землями и активно продвигает католичество среди южных славян. И мы со своими интересами в любом случае перейдем дорогу не одному, так другому союзнику.

— И что в итоге получится? — после молчания спросил я. Было видно, как цесаревич устал и как мало на самом деле добился. Никаких договоров он не подписал, а все разговоры могли вылиться во что-то большее, но могли и остаться простыми разговорами. Тем более, Франция и Англия обеспокоились визитом Романова и наверняка начнут противодействовать.

— Перспективы неплохие, но никаких гарантий мне не предоставили. Похоже, сейчас в Европе начали складываться союзы, которые могут продержаться десятки лет. Но для того, чтобы такие союзы сложились, надо как следует потрудиться, — наследник многозначительно посмотрел на меня. Я все понял — сейчас мне сообщили несколько секретов, имеющих невероятное значение. Да, вырос ты, Миша Соколов, вырос!

В Петербург вернулись ранним утром 24 декабря, перед самым Рождеством, как цесаревич и планировал. И так как уже поздно было напрашиваться к кому-то в гости, праздник я отмечал с Царской Семьей. Ну, как отмечал...

Отмечали его Романовы. Праздник начался в Зимнем дворце, последовательно перемещаясь в Малый Императорский, Ново-Михайловский и Аничков. Романовых, их жен, детей и родичей было много. Что говорить, если одних лишь родных братьев и сестер у Николая насчитывалось шесть человек. Сюда следовало добавить родных дядей и тетей, у которых, в свою очередь имелись свои семьи, и которые могли похвастаться многочисленными детьми. В общем, Романовы разрастались хорошими темпами. Если не случится революция, они по численности и Рюриковичей сумеют переплюнуть. И подобное не совсем хорошо. Многочисленные великие князья тянут из страны деньги и живут на широкую ногу, в роскоши и безделье. Часть из них не обременена особым интеллектом или высокими моральными принципами, но зато гонору хватит на семерых. Романовы прочно держат в руках различные высшие государственные должности, которые могли бы занимать более компетентные и способные люди. И что с этим делать, непонятно.

А праздник тем временем продолжался. Детишки с радостным визгом находили под елкой подарки. Горели свечи, звучали выстрелы хлопушек. Вечером прошел маскарад. Многочисленные генералы, губернаторы, министры и чиновники шли безостановочным потоком, поздравляя Царскую Семью с великим праздником.

Я не считал, что провел лучший день в своей жизни. Но это было лишь мое мнение, прочие воспринимали подобное приглашение как пропуск на самую вершину сословного общества. В принципе, так оно и есть. Тем более, мне удалось немного поиграть с маленьким Михаилом, будущим императором всероссийским. Я покатал его на деревянной лошадке и помог сложить крепость из кубиков.

— Когда вырасту, стану гусаром, — с непосредственной детской уверенностью сообщил мне семилетний Михаил Николаевич Романов.

После Нового года Николай с семьей отправился в Одессу. Прислушиваясь к рекомендациям докторов и поддерживая здоровье, он практически каждый год так поступал.

Сырой и промозглый климат столицы мог и здорового человека в могилу загнать.

В Одессе Николай проживал на Итальянской улице в доме № 9. Несколько лет назад Романов выкупил роскошный особняк купца Абазы, построенный в стиле французского барокко. Дом выглядел шикарно: широкие лестницы, бальный зал с красивым потолком, лепнина, просторный вестибюль, величественные колонны и пилоны. Это был целый дворец, и Николай так его и назвал — дворец Державный.

Конечно, климат в Одессе куда лучше петербургского, да и симпатичных барышень здесь хватает, но следующий месяц ничем кроме скуки мне не запомнился. Находясь рядом с Николаем и его семьей, я просто наслаждался роскошной жизнью и вновь поднял вопрос о своей дальнейшей судьбе.

В Петербург вернулись в первых числах марта. Наследник много и плодотворно работал, встречаясь с иностранными дипломатами, чиновниками, генералами, учеными и творческой интеллигенции.

Важнейшим решением, принятым в то время, стало высочайшее утверждение постройки железной дороги Оренбург — Костанай — Петропавловск — Омск — Кривошёково*.

Значение подобного строительства переоценить было трудно. Грандиозное сооружение протянется от Оренбурга на расстояние свыше двух тысяч верст и когда оно будет закончено, страна твердо и уверенно встанет на Оби. Следующим этапом планировалось довести дорогу до Красноярска и Иркутска.

Мы с Николаем неоднократно обсуждали строящуюся железную дорогу и то значение, которое она окажет на экономику огромной страны.

— Еще немного, лет пятнадцать, и мы «дотянемся» до Тихого океана! — раз за разом повторял Романов. Я его воодушевление понимал, более того, разделял. Подобными делами можно гордиться.

Тем временем в Средней Азии благополучно подавили восстание в Кокандском ханстве. Александрийские гусары под командованием герцога Романовского вновь отличились. Фактически восстание началось в августе, в конце октября Скобелев освободил занятый мятежниками Наманган, через месяц вошел в Коканд, а 19 февраля война закончилась.

Самостоятельность Кокандского ханства была полностью ликвидирована, а его земли влились в Туркестанский край в качестве вновь образованной Ново-Маргеланской области*. Ее военным губернатором стал Михаил Скобелев, получивший по итогу генерала, третьего Георгия и золотую, с брильянтами, шпагу, с надписью «За храбрость». Страна умела ценить своих героев, и я за Михаила искренне радовался, отправив другу и родичу длинное письмо с поздравлениями.

В апреле мне удалось встретиться с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. В химии я понимал плохо, но беседа с выдающимся человеком, без преувеличения, гением, мне запомнилась на всю жизнь. Кругозор Менделеева поражал, а в шахматы он играл так, что из пяти совместных партий я смог выиграть лишь одну.

Еще одним знаковым событием стала встреча с Иоанном Кронштадтским, служившим протоиреем в Андреевском соборе Кронштадта. Спал он мало, три-четыре часа в сутки, а вставал рано, до восхода солнца. Его кристальная честность, прямота и чрезвычайная эмоциональность во время проповедей не у всех вызывала понимания. Но дела говорили сами за себя. В 1867 г. благодаря его молитве произошло первое исцеление неизлечимо больного человека, а затем подобные случаи происходили все чаще, известность его росла и на остров Котлин в Финском заливе, где он жил, начали приходить паломники.

Среднего роста, порывистый в движениях, больше всего он запомнился пронзительными голубыми глазами. Он так на меня посмотрел, что зрачки будто исчезли, и из его глаз на долю секунды проявились звездные Небеса.

— Как мне жить, батюшка? — спросил я.

— Живи, как жил, не грехи и помни, что разум должен быть слугой сердца, а не наоборот, — ответил он. — Уважай себя как образ Божий.

— А война?

— Мир находится в состоянии дремоты и греховного сна. Бог будит его войнами и поветриями. Воюй, но всегда и везде слушай сердце.

В своем тщеславии я надеялся, что он как-то меня выделит, как-то отметит из десятков посетителей, намекнет на необычную судьбу. Не намекнул, не отметил... И все же, наша беседа прошла самым наилучшим образом. Правда, мне потребовалось время, чтобы это понять.

В апреле Баранов пригласил меня на свадьбу. Он полюбил милую и верную девушку Елену Кувайкину. И теперь, когда «Держава» прочно встала на ноги, позволил себе толику личного счастья.

А моя настойчивость тем временем принесла результаты.

— Что ж, если тебе действительно скучно находиться рядом со мной, то я тебе отпускаю, — не скрывая неудовольствия, заметил Николай.

— Ты же знаешь, я в полк хочу вернуться, к друзьям.

— А я разве тебе не друг?

— Друг, но рядом с тобой я словно связанным себя чувствую. Не мое это. Да и потом, мы же с тобой все, что можно по десять раз обсудили. Все возможные детали оценили, риски и перспективы. Я тебе пока не нужен.

— Тебе расти нужно, Миша. Расти как дипломату или министру, а не только как будущему генералу, — он неожиданно улыбнулся. — Ладно, пока война с Турцией не началась, можешь отдохнуть немного. А там видно будет. Возвращайся в свой Ташкент, только сначала дождись вызова из Военного ведомства. С тобой хотят побеседовать, — добавил он многозначительно.

Через три дня меня вызвали в Главный штаб, который располагался на Дворцовой площади. Принимал меня генерал-майор Таубе, Михаил Антонович, командир 5-й кавалерийской дивизии.

— Как вы знаете, полковник герцог Романовский после успешного участия в Кокандской войне получил генерала и отозван в Петербург, — сказал генерал после знакомства и приветствия. — Должность командира полка освободилась, с этого дня ее займете вы! Поздравляю полковником, Михаил Сергеевич!

— Служу Царю и Отечеству! — я вытянулся и щелкнул каблуками. Известие оказалось неожиданным, ничего подобного я не ожидал. Понятное дело, я знал, кого следовало благодарить — конечно же, Николая Романова. Он и по службе меня продвинул и вообще, сделал приятный подарок.

То, что Романовский заскучал в Азии, неожиданностью не стало. Еще когда его только назначили, многие товарищи рискнули предположить, что он у нас надолго не задержится. Герцог привык к роскоши, богатой жизни и комфорту. В нашем полку он увидел забавную игрушку и одновременно очередную ступень своей карьеры. Получив генерала, а заодно и парочку орденов, Романовский выполнил все задуманное. Теперь он с полным основанием

мог называть себя боевым офицером и щеголять заслуженными наградами.

— Ну, что вы, голубчик, не надо так официально, — генерал потрепал меня по плечу. — Мы же одна дружная семья. Я командую 5-й дивизией, и ваш полк в нее входит. Так что мы теперь с вами будем общаться часто, и лично, и с помощью телеграфа.

— Буду только рад, — все кавалерийские полки России были сведены в дивизии, а те, в свою очередь, входили в состав Армий. Правда сейчас начали курсировать разговоры, что между дивизией и армией необходимо ввести еще одну «прослойку», а именно — армейские корпуса. Они раньше были, затем их отменили, а вот теперь решили восстановить.

В настоящий момент 5-я кавалерийская дивизия делилась на две бригады и состояла из пяти полков: 5-го гусарского Александрийского, 5-го драгунского Каргопольского, 5-го уланского Литовского короля Виктора Эммануила полка, 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка и 5-го конно-артиллерийского дивизиона. Все эти подразделения были раскиданы по разным губерниям России.

— Значит, слушайте первый приказ, господин полковник, — повысил голос Таубе. — Вам надлежит отправиться в Ташкент, принять полк и обеспечить его передислокацию в Одессу к 1 марту 1877 г. Приказ ясен?

— Так точно!

Конечно, потом была официальная церемония производства в полковники, поздравления и банкет в ресторане. Кроме того, мне вручили новое знамя и знаки различия Александрийских гусар.

Через двенадцать дней я отправил в Ташкент телеграмму о том, когда ориентировочно меня следует ждать.

— Думаю, пора тебе жениться, Михаил, — перед расставанием заметил Николай. — Хочешь, я приму участие в твоей судьбе? В свите матушки множество замечательных фрейлин. Девушки там как на подбор, умные, родовитые, богатые. Княжна Гагарина просто чудо, а Оболенская, Мещерская и Долгорукова ей ничем не уступают. Так что, заняться? Подобрать невесту?

— Составь список, буду думать, — я попробовал отшутиться. А затем добавил серьезно, чтобы не возникло никакого недопонимания. — Девушек подобрать можно, только без всяких помолвок, я сначала сам на них хочу взглянуть.

Слова друга заставили меня призадуматься. И в самом деле, скоро тридцать, пора и личную жизнь обустроить. Зная Николая Романова, можно не сомневаться, что у него все получится. Тем более, после разрыва с княжной Крицкой моя сердечная рана как будто зажила.

Меня не особо интересовало финансовое положение будущей невесты. Благодаря успешной деятельности «Державы» и «Победы», а также доли в Правлении железной дороги, меня трудно назвать бедным человеком. Да и жалование полковника добавляло небольшой, но приятный бонус.

Так что на первом месте у меня чувства, моральная составляющая и здоровье будущей супруги. Ну и внешность, само собой.

— Конечно, — заверил меня Николай. — Так и будет.

Мы пожали друг другу руки, и следующим утром я уже катил в Москву.

В Саратове пришлось задержаться, общаясь с инженером Волковым и Кириллом Старобогатовым. Сильвестр Тимофеевич начал строительство второго парохода, который получит название «Чайка», а Старобогатов активно развивал пассажиро-грузовую компанию

перевозок «Ладушка». Правда, пока у него всего один кораблик. Но ничего, «Чайка» уже на подходе, а там и с третьим пароходом вопрос решим.

В общем, все у них было хорошо. Я лишь утвердил официальную раскраску пароходов «Ладушки». Теперь они будут окрашиваться в черный, желтый и белый, как цвета флага Российской Империи.

А еще меня порадовало, что Цейс принял предложение наследника, приехал в Россию и уже заложил мастерскую в Саратове. Немец до конца не понимал, почему одним из условий стало строительство будущего производства здесь, а не в Петербурге или Москве. Он не знал о нашей с Николаем стратегии плавного перемещения части людских резервов на восток страны и сообщать ему такие детали мы не собирались.

Ясное дело, Саратов трудно назвать востоком. Его и к условной середине можно отнести с натяжкой. Но данный город — лишь первый шаг. Саратов мы хотим всячески развивать и дальше, попутно переселяя часть людей в Сибирь, и перенося туда же производственные мощности.

Поезд довез нас со Снегиревым до Оренбурга, дальше пришлось пересаживаться на тарантас и преодолевать бескрайние степи. Жаль, конечно, что в ближайшие годы железной дороги в Азию строить не собираются. А вот ветку до Ново-Николаевска уже заложили.

Ташкент за минувшее время не изменился. Кауфман все также служил генерал-губернатором, а из генералов в городе находились Головачев, Бардовский и Троицкий. Скобелев и Абрамов пока оставались в Новом Маргелане.

Первым делом я встретился с Кауфманом и Головачевым, доложив о своем прибытии и новом назначении.

— Не поверите, а я вас рад видеть, — заметил Кауфман. — За вашей карьерой я слежу давно, и можете мне поверить, успехи таких молодых офицеров, как вы и генерал Скобелев, меня радуют. Я вижу, что мы вырастили хорошую смену, теперь есть те, кому можно передать наше дело.

После Кауфмана и Головачева я наконец-то встретился со своими старыми товарищами в офицерском клубе Александрийских гусар.

— Мишель! — ротмистр Некрасов по привычке обнял меня, а затем несколько смутился своего порыва. — Или мне теперь следует называть тебя официально, по имени отчеству?

— В нашей компании можешь называть меня как хочешь, — я засмеялся, радуясь встречи со старым другом. — Но среди посторонних... В общем, сам понимаешь.

— Понимаю, — он кивнул.

Передо мной стояло восемь офицеров. Два подполковника, Седов и Костенко, и шесть ротмистров, командиров эскадронов. Ещё будучи в Петербурге, я отправив телеграмму, чтобы они перевели свои эскадроны в Ташкент.

Хорошо, что среди них не было Тельнова, которого я уважал и считал наставником. Если с остальными я чувствовал себя уверенно, то отдавать приказы и командовать своим же бывшим ротмистром казалось мне психологически некомфортным занятием.

Но Тельнов перевелся в Изюмский 11-й гусарский полк. Прослужив с Романовским менее года, Сергей понял, что находиться под его командованием ему больше не хочется. Ему бы только не пороть горячку и немного потерпеть, дождавшись перевода герцога... Правда, Тельнов особым терпением никогда не отличался. Ныне он командовал полком, чему я был только рад. Офицеров с таким послужным списком, с такими наградами и безупречной характеристикой везде были готовы принять. Не удивлюсь, если через год-

другой он получит генерала.

— Итак, господа, не будем разводить лишние церемонии. Кто-то начал служить в полку ранее, чем я, кто-то пришел позже. Что ж, так получилось, что теперь я ваш командир. Вы знаете мою историю, и знаете, что от войны и тягот я никогда не прятался. Я и впредь собираюсь придерживаться подобной линии. Так что, уверен, мы с вами прекрасно сойдемся. Тем же из вас, кто по каким-то причинам захочет перевестись в другой полк, препятствовать не стану. Более того, подпишу самую лучшую характеристику.

Товарищи переглянулись. Не все присутствующие были рады видеть меня в подобном статусе, но я их прекрасно понимал. Сейчас они промолчали, не собираясь принимать скоропалительные решения.

— Итак, господа, через неделю наш полковой праздник. Полку Александрийских гусар исполняется сто лет. Эту дату мы отметим пышно, с размахом!

— А что цесаревич Николай Александрович? Приедет? — поинтересовался подполковник Эрнест Костенко, занявший должность Тельнова.

— Нет, — я покачал головой. — К сожалению, важные государственные дела не позволяют ему покинуть столицу.

Я не стал добавлять, что по всем правилам Николай должен присутствовать на такой круглой дате, как столетний юбилей полка. Он же наш Шеф, в конце концов. С другой стороны, и наследника понять можно — ехать за тысячи верст, тратить на дорогу туда и обратно больше двух месяцев не каждый захочет.

— Очень жаль, обидно, мы рассчитывали его увидеть, — слышались голоса.

— И мне жаль! Но я уверен, он пришлет поздравительную телеграмму. А пока же благодаря его настойчивости, у меня есть для вас подарки, — на самом деле, «подарки» были целиком моей инициативой. Николай не знал историю Бессметных гусар, это я ему рассказал о тех символах, которыми «щеголял» полк и которые сделали его уникальным подразделением. Николай просто одобрил мои предложения, а затем их провели высочайшим волеизъявлением. — Цесаревич Николай Александрович пожаловал нам новое знамя, новый полковой знак и новую эмблему. Прошу взглянуть, — я подошел к столу и откинул ткань.

В ряд лежали тяжелые мальтийские нагрудные кресты, изготовленные из серебра и черной эмали. Их обрамляли белые ободки и белые гусарские шнуры, а в центре находился череп со скрещенными костями. Крестов насчитывалось ровно 36 штук, по числу офицеров. Для нижних чинов предусматривался аналогичный знак, но он будет изготовлен из железа и гусары получают его позже.

Рядом с крестами находилось серебряные украшения для парадной шапки и кепи — точно такой же череп с костями. Официально он назывался Адамова голова, немцы прозвали ее Тотенкопф. Она символизировала не только бесстрашие перед ликом смерти, но и доминирование духовного начала над материальным. На православных крестах под стопами Спасителя имелся аналогичный символ.

А еще на столе лежало новое знамя. Прежнее, квадратной формы, было выполнено в зеленых и серебряных цветах, имело двуглавого орла, серебряные трубы за сражение при Бриенн-ле-Шато и надпись «За отличие в Турецкую войну 1828 г». Орла, трубы и надпись на новом знамени повторили, но цвета изменились, теперь они были черно-серебряные, а сами надписи вышили золотом. И нам позволили добавить три новых упоминания о героических полковых победах: «Бухара 1868», «Хива 1873» и «Коканд 1876».

— Наши славные деяния, — заметил Некрасов, бережно проводя рукой по шелковой ткани.

— Господа, не считайте меня сентиментальным, но это лучшее, что я видел за последние годы! — ротмистр Вышневецкий взял один из крестов. — Какая славная работа!

— Работа — пыль, главное, что сам символ подходит нам как нельзя лучше, — уверенно возразил Авдеев.

— А ведь мы с вами пишем историю, господа! — уважительно напомнил ротмистр Пасторин.

— Герб хорош, — отметил Седов, беря в руки Адамову голову. — Но позвольте спросить, Михаил Сергеевич, какова будет дальнейшая судьба гусар Смерти? Что-то мне подсказывает, вы знаете ответ на данный вопрос.

— Верно, знаю, — я обвел взглядом восемь загорелых лиц. — После полкового праздника мы передислоцируемся на новое место. Мы отправляемся в Одессу!

— Одесса? Почему Одесса? Что мы там будем делать? — послышались голоса, в которых звучало любопытство и радость. Средняя Азия многим успела надоесть, а культурная Одесса казалась местом многообещающим и интересным.

— В Одессе мы будем наблюдать за тем, как развиваются события на Балканах. Есть мнение, что войны с Турцией нам не избежать. И если она случится, Бессмертные гусары получат шанс показать себя во всей красе.

Товарищи переглянулись, не скрывая удовлетворения. Озвученные мной перспективы пришлись им по сердцу. Я же не стал открывать всех секретов. Никаких «если» не будет, война с Турцией произойдет в любом случае. И на войне наш полк вновь сумеет отличиться. По крайней мере, я на это рассчитывал.

Unglaublich!* — Невероятно!

Кривощёково* — деревня на месте нынешнего Новосибирска.

Ново-маргелан* — нынешняя Фергана в Узбекистане.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net